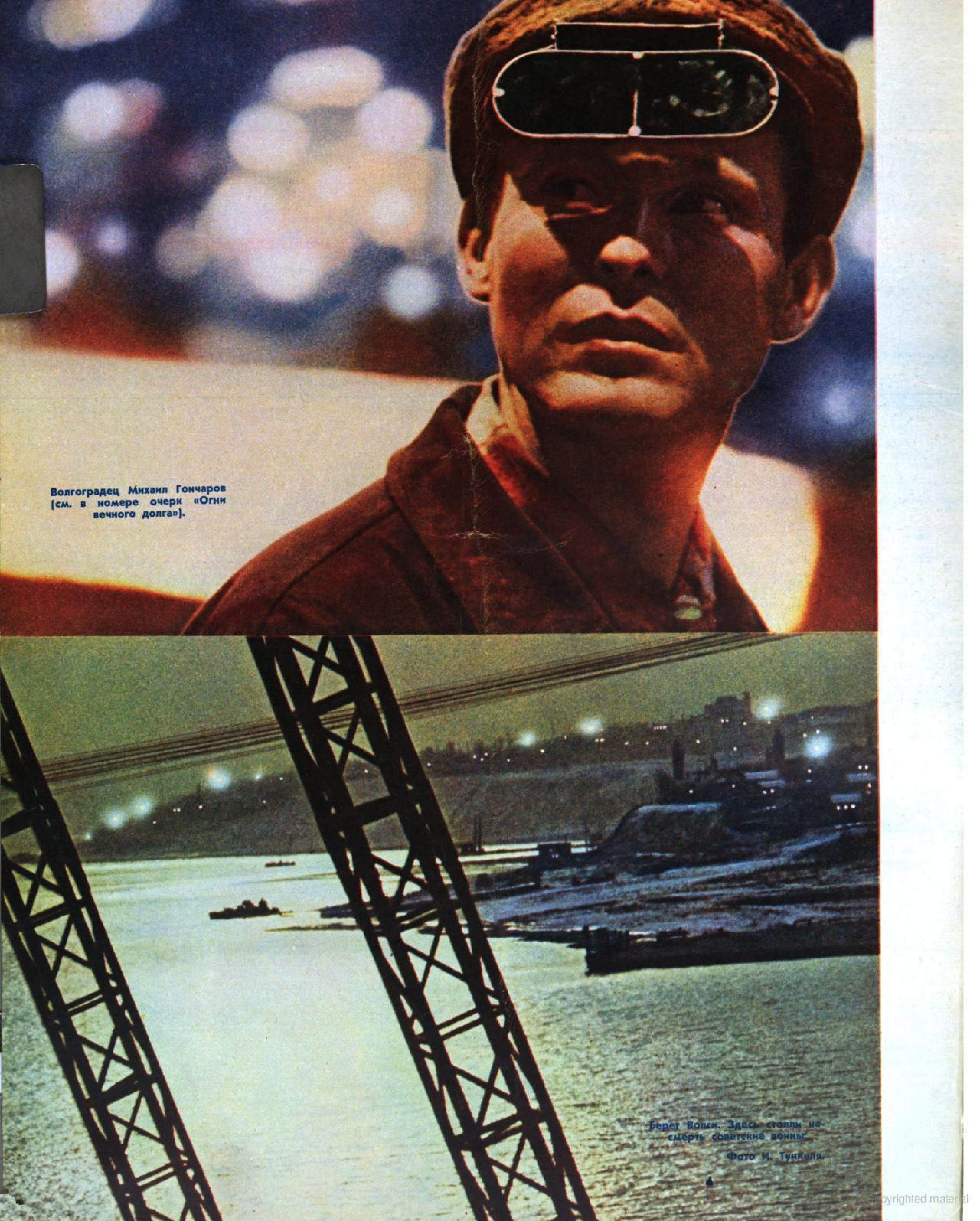

25-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ
ОГОНЁК
№ 5 ЯНВАРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Волгоградец Михаил Гончаров (см. в номере очерк «Огни вечного долга»).

Берег Волги. Здесь стояли насмерть советские воины.

Фото И. Тункеля.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

БЕССМЕРТИЕ

О Сталинградском сражении, отгремевшем четверть века назад, говорят с непременным прибавлением самых внушительных эпитетов: историческое, великое и даже величайшее. Но и, взятые вместе, они, звучные эти определения, не способны отразить и в малой степени значения его для судеб мира и каждого из нас.

Да, к тому времени за нашими плечами была уже победа под Москвою, да, совершился психологический поворот в том смысле, что гитлеровцев можно бить, что совсем не обязательно видеть перед собою их выпяченную грудь — можно повернуть их и спиною. И все-таки к лету сорок второго вопрос «быть или не быть» вновь встал перед нами со всею своей страшною и грозною силой. Для тех, кто находился далеко от мест, где начались и вершились трагические события, короткое сообщение Совинформбюро о боях в районе Харькова с приведением ошеломляюще страшной цифры наших «потерь без вести» поначалу могло вызвать горькое недоумение. Люди спрашивали себя: что все это значит? Надобно помнить, что в ту пору сердца советских людей настроены были скорее на оптимистическую волну, ждали с фронта вестей совершенно иного свойства. К тому же перед тем говорилось о другом, а именно: о наступлении советских войск в районе Изюм — Барвенково и Лозовой (память великолепным образом сохранила это, и незачем поднимать подшивки газет). И вдруг вновь, как ровно год тому назад, замелькали названия малых и больших городов, сданных врагу. А по ночам в душных и знойных даже в такое время сальских и донских степях в стане торжествующего неприятеля можно было слышать, как чуждые, режущие по сердцу, ернически-нахальные голоса выводили: «Вольга-Вольга, мутэр Вольга...» Вон оно куда они целятся!

И тогда-то войсками был получен приказ, все, решительно все перевернувший в душе и сознании фронтовиков. Он разослан был, вероятно, под грифом «Сов. секретно», но в один день о нем узнала вся наша сражающаяся армия: от рядового бойца до маршала. Его зачитывали перед строем взводов, рот, батальонов, полков, дивизий — это там, где еще возможно было такое построение; на переднем же крае для этого нужно было идти по окопам от одной боевой ячейки к другой, от солдата к солдату. Нами, например, он был получен где-то в междуречье Дона и Волги. Помнится, что именно на мою долю, на долю политрука минометной роты, выпала горчайшая и вместе с тем чрезвычайно важная обязанность прочесть самые суровые слова — самые сердитые из всех, когда-либо обращаемых в адрес Красной Армии, о которой советский народ слагал лишь величальные песни,— прочесть перед умолкшими в глубочайшем потрясении красноармейцами в запыленном и задымленном саду у хутора Генераловского. Бойцы выслушали молча и разошлись в безмолвии по своим огневым точкам: разговоры были решительно не нужны, нужны были выводы, а их уже сделало сердце каждого. Затем они отольются в формулу победы: «Ни шагу назад!» или «За Волгой для нас земли нет!».

Немецкая разведка могла пробираться в наши расположения, рыскать в поисках нового оружия, выведывать число активных и неактивных штыков в советских полках и дивизиях, сообщать своему командованию, сколько «катюш» появилось на том или ином участке фронта; сведения эти могли быть в какой-то степени достоверны. Но она, вражеская разведка, ничего не могла сказать о «сверхсекретном» и «сверхмощном» оружии, которым оснащено теперь сердце воина, решившего не только стоять насмерть, но и выстоять во что бы то ни стало! Это произошло — и могло произойти — потому лишь, что все мы, люди фронта, не разумом одним, но и душою поняли, сколь велика и сколь реальна опасность, нависшая над Советской властью, единственной на земле, без которой сама жизнь для всех нас утрачивала всякий смысл,— стало быть, опасность над каждым из нас. Рядовые бойцы, мы могли и не знать того, что некие недружественные нам соседние державы ждали падения Сталинграда, как сигнала для того, чтобы самим выступить против нас, присоединить свои армии к гитлеровским разбойничьим полкам, которым и без того несть числа. Мы могли не знать и того, что открытие второго фронта, каковое все-таки ожидалось, произойдет двумя годами позже, то есть тогда, когда мы уже могли бы и без него управиться, а не в самую тяжкую и лихую для нас минуту неслыханного Сталинградского побоища. В пылу сражений мы могли, наконец, в какое-то время и не думать о том, как напряжены слух и нервы тех миллионов в порабощенных Гитлером странах, для которых исход битвы на Волге мог означать одно из двух: либо спасение, либо погибель. Сталинградцы могли не знать всего этого или — в силу чрезвычайной «занятости»— не думать о том: они стояли насмерть, они дрались насмерть. И они в конце концов победили!

Иногда спрашивают: какие дни были для сталинградцев наитягчайшими? На вопрос этот можно ответить по-разному, в зависимости от того, на каком направлении и участке фронта ты находился. Для солдат Людникова, например, очевидно, те дни, когда стало ясно, что придется драться в полном окружении; для бойцов генерала Чуйкова, находившихся в самом городе, вероятно, те, когда враг был уже не в сотнях, а в десятках метров от Волги; а для всех вместе, по-видимому, конец августа и весь октябрь 1942 года. Именно в августе армия Паулюса была в зените и набрала самую высокую инерцию в движении на восток, в то время, когда на смену советским, вконец измотанным в ходе тяжелых оборонительных боев полкам только еще подходили свежие, вступающие в сражение, едва покинувшие эшелоны, не успевшие, стало быть, как следует сориентироваться в боевой обстановке, не знавшие того, где у противника направление главного удара, а где он ставил перед собою задачи вспомогательного характера. Сражение разворачивалось в открытой степи под палящим солнцем при абсолютно подавляющем превосходстве неприятеля в воздухе и в танках. Были моменты в том августе, когда мы неделями вообще не видели нашей авиации, будто ее и не было вовсе. Да и разрывы наших зенитных снарядов были под стать реденьким и жидким облачкам на небе, которое было в отношении нас совершенно немилосердным. Немецкие воздушные разбойники имели полную волю и гонялись не только за каждым советским танком, за каждой автомашиной, но и за отдельным нашим солдатом, каковой действительно нередко заслонялся «от смерти черной только собственной спиной».

В октябре же окончательно решалось—кто кого. Гитлеровцы знали, что ежели они не возьмут Сталинград сейчас, то они никогда его не возьмут. Защитники города, в свою очередь, отдавали себе полный отчет в том, что выстоять в октябре — значит победить. Это был момент, когда на чаше весов как бы установилось равновесие, означавшее в конечном итоге для нас победу, для неприятеля — сокрушительное поражение. Ноябрь ничего не изменил в ситуации: немцы продолжали атаковать, бросать в бой все новые и новые дивизии, а защитники Сталинграда с прежним энтузиазмом — их перемалывать. И так продолжалось до двадцатых чисел ноября, роковых для неприятеля и смертельных для всего гитлеровского нашествия, вообще смертельных для третьего рейха.

Для сталинградцев, пожалуй, критическими были все дни великой битвы. Для нас, для тех, кто находился в самом городе или на его окраинах, критическим был и день в канун нашего контрнаступления. Не многие из нас знали, что там, в излучине Дона, двинулись навстречу друг другу наши танковые и механизированные корпуса, чтобы сомкнуть кольцо вокруг 330-тысячной армии Паулюса тут, в Сталинграде. Нам по-прежнему было тяжко, и всем нам по-прежнему казалось, что Верховное Главнокомандование могло бы быть чуточку щедрее в смысле пополнения, которое нам давалось. Позже, когда узнали, что произошло на Дону, у города Калача, мы поняли, для чего так бережно сохранялись резервы.

Сталинградская битва! О ней пишут историки, литераторы, читаются лекции во всех военных академиях мира. Пишут победители и побежденные. Побежденные, к слову сказать, пишут больше. В позапрошлом году, будучи в Западной Германии, я мог, что называется, лично убедиться в этом. В Дюссельдорфе, Мюнхене, Бонне, Кёльне — во всех больших городах, во всех книжных магазинах вы можете увидеть книги, на обложке которых крупным, четким, жестким готическим шрифтом выведено слово: «Stalingrad». Содержание этих книжек может быть разным: в одних авторы, как правило, битые генералы бывшего вермахта, сваливают всю вину на бесноватого фюрера (это уж общая нота) и, изощряясь в искажении исторической истины, стараются подвести читателя (молодого в первую очередь, конечно) к мысли, что, окажись во главе немецкой армии некто поумнее, Сталинградская битва была бы выиграна, равно как и вся война. Так что... Так что, можно-де и повторить «дранг нах остен». Встречаются среди тамошних авторов — редко, разумеется,— и такие, которые обращаются к теме Сталинграда, побуждаемые целями высокими: предупредить немцев от возможности нового безумия.

Так или иначе Сталинградское сражение долго еще будет предметом самых широких обобщений и самых глубоких раздумий. Для нас оно означало не просто военную победу, но победу нашего духа, торжество идей, рожденных Великим Октябрем.

А для всего человечества — спасение, ибо отблески победного Сталинградского сражения были отблесками зари, взошедшей для миллионов и миллионов людей, оказавшихся под свирепым сапогом фашизма. Потому-то память о Сталинграде нетленна. Она будет передаваться от поколения к поколению, из века в век — на тысячелетия, навсегда.

Москва. Кремль. Советско-английские переговоры.

Гарольд Вильсон, Л. И. Брежнев, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Фото А. Устинова.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МОСКВЕ

С официальным визитом по приглашению Советского правительства 22 января в Москву прибыл Премьер-Министр Великобритании Гарольд Вильсон.

Главу английского правительства встречали Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Д. С. Полянский и другие официальные лица.

Премьер-Министр Великобритании нанес 22 января в Кремле визит Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

Затем в Кремле состоялись советско-английские переговоры.

Во время переговоров, проходивших в дружественной обстановке, состоялся обмен мнениями по некоторым актуальным международным вопросам.

23 января Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял находящегося в СССР с официальным визитом Премьер-Министра Великобритании Гарольда Вильсона и имел с ним беседу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

46-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

27 ЯНВАРЯ 1968

№ 5 (2118)

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ И «ПРАВО» НАСИЛИЯ

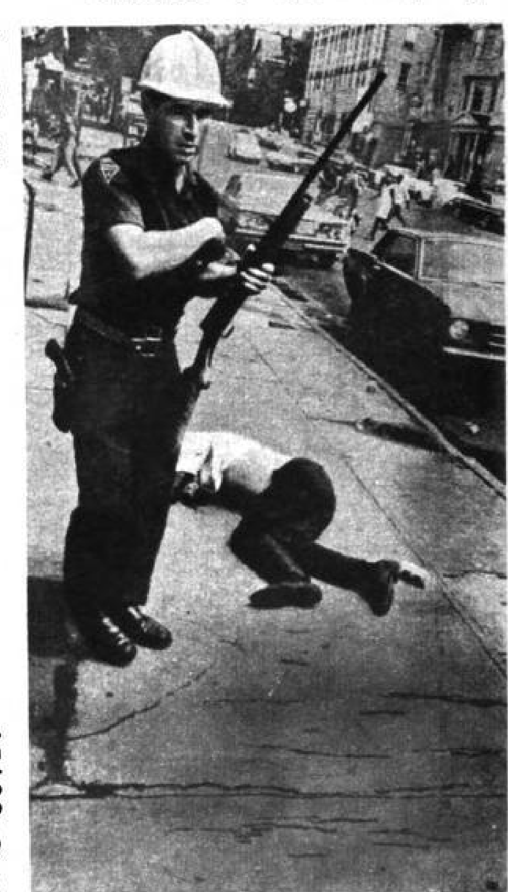
В этом году исполняется 20 лет Всеобщей декларации прав человека. Она была утверждена и провозглашена Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций. Под Декларацией стоят также подписи всех крупнейших капиталистических государств. Но официальное присоединение, хотя и зарегистрированное протоколами ООН, отнюдь не означает, что эти государства в самом деле предоставили своим гражданам те права, о которых говорится в Декларации.

Мы взяли несколько статей из Всеобщей декларации прав человека и столько же фотоснимков, сделанных разными журналистами.

Фото ЮПИ, ТАСС, журналов «Лайф», «Тайм», «Пари-матч» и «Нувель обсерватер».

«Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность».
(Статья 3.)

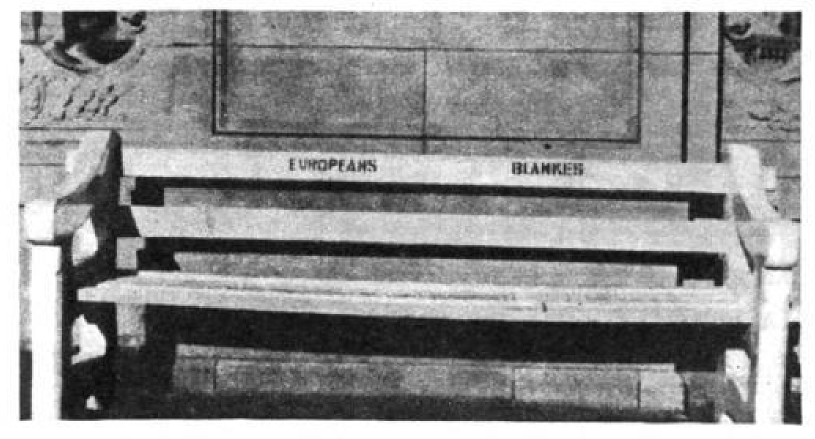
США, негритянское гетто Детройта.

«Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию».
(Статья 5.)

Южный Вьетнам
Пленные патриоты

«Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами... без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи...»

Южно-Африканская Республика. На скамейке надпись: «Для белых».

«...политических или иных убеждений...»

Афины. Вот уже девять месяцев тысячи греческих демократов находятся в заключении без всякого суда.

«...национального или социального происхождения...»
(Статья 2.)

Демонстрация выходцев из Мексики, проживающих в США. На плакате надпись: «Мексиканцы тоже люди».

«Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы».
(Статья 23.)

Рим. Право на труд этому итальянскому безработному может только присниться.

ДУШАТ ГУМАНИСТА

К «ДЕЛУ» ДОКТОРА СПОКА

Карл НЕПОМНЯЩИЙ

Итак, он объявлен выдающимся гуманистом года. Первым гуманистом Америки. Это решение, принятое Американской гуманистической ассоциацией после долгих и мучительных споров, но принятое большинством голосов (можно представить себе, чего это стоило в атмосфере лжепатриотической истерии), показало непричастность честной Америки к позорной и жестокой травле д-ра Бенджамина Спока. Министерство юстиции объявило, что суд над этим знаменитым ученым состоится в Бостоне в конце января. В чем его обвиняют? Д-р Бенджамин Спок утверждает, что молодые американцы не должны принимать участия в незаконной войне. «Ах, так,— отвечают власти,— он считает войну во Вьетнаме незаконной — мы объявим его самого вне закона!»

Так просто? Именно так.

Американский комитет юристов высмеивает обвинения, предъявленные д-ру Споку. В большом труде «Вьетнам и международное право», который создан группой специалистов по международному праву из Чикагского, Гарвардского и Принстонского университетов, доказано, что война США во Вьетнаме именно незаконна, что она «представляет собой нарушение Устава ООН, Женевских соглашений, приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге и конституции США».

Что же остается от обвинений министерства юстиции США? О, остается еще немало! Д-р Бенджамин Спок говорит о необходимости по-новому определить цели Америки, о том, что ее политика не должна быть аморальной. И на этом основании его обвиняют в оскорблении властей. И даже в заговоре. Ищут любую зацепку. Чуть ли не в нарушении уличного движения власти готовы обвинить его: однажды он шел во главе стотысячной колонны демонстрантов!

Власти готовят этот процесс, не останавливаясь перед любыми нарушениями билля о правах, перед самыми грязными интригами. Д-ра Спока травят, шлют ему анонимные письма, полные угроз и злобы. Министерство юстиции США, где кормится немало героев политического шантажа, хотело бы сбить с ног д-ра Бенджамина Спока. Оно хотело бы заткнуть рот сенатору Макговерну, который считает войну во Вьетнаме катастрофической ошибкой, а также Мартину Лютеру Кингу, который заявляет, что страна устала от убийств; сенатору Пирсону, который сказал, что заявления правительства о войне во Вьетнаме не только непоследовательны и туманны, но и чудовищно лицемерны. Хотели бы заткнуть рот всем, всем инакомыслящим, чтобы остановить небывалое в истории США антивоенное движение.

Суть предстоящего процесса над д-ром Бенджамином Споком, если отбросить юридическую казуистику,— это суд над идеями гуманизма и мира.

До какой степени надо потерять чувство реальности, какими политически близорукими должны быть все эти господа из госдепартамента и Белого дома, чтобы обвинять всемирно известного ученого, отстаивающего принципы международного права в 1968 году, объявленном Организацией Объединенных Наций годом прав человека! Это удивительное обвинение возвращает нас к мрачным временам «обезьяньего процесса» 1925 года, когда учитель биологии из города Дейтона был обвинен в заговоре с дьяволом против самого господа бога. Учитель утверждал, что человек произошел эволюционным путем. Он говорил, что предками человека были обезьяноподобные, а славные граждане штата Теннесси увидели в этом хитроумную попытку оскорбить их и засудили учителя.

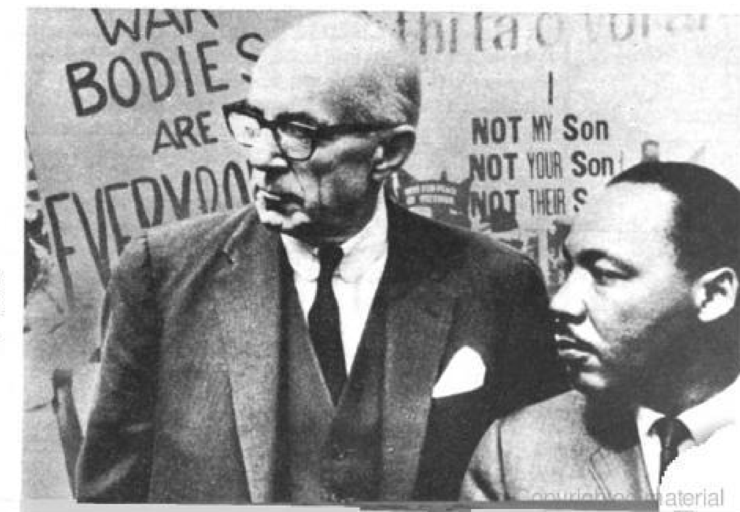
Так же как в «обезьяньем процессе» и в деле Сакко и Ванцетти, когда два итальянских рабочих были обвинены в преступлениях, которые они не совершали, ни один из представителей официальной Америки не выступил в защиту принципов гуманизма, простой человеческой справедливости, не увидел в готовящемся процессе пародии на правосудие, издевательства над Всеобщей декларацией прав человека.

Прошлой осенью в штаб-квартире ООН состоялось заседание комитета управления общественной информации по поводу предстоящего 20-летия Всеобщей декларации прав человека. Г-да Кертис Компейн, Дж. Паньянелли, оба из отдела прав человека, и другие сотрудники ООН обсуждали вопрос о создании документального фильма в связи с тем, что 1968 год объявлен годом прав человека. Г-н Ритчи из радиотелевизионной службы ООН заявил, что на 20 тысяч долларов, которыми располагает для этой цели ООН, можно было бы создать какой-нибудь фильм в абстрактной форме. Но он выразил сомнение в его целесообразности.

Фильм о правах человека в абстрактной форме действительно не нужен. Но если отдел прав человека и радиотелевизионная служба ООН хотели сделать доброе дело, они должны были бы, на наш взгляд, оказать содействие в создании именно документального фильма, который осудил бы нарушения Всеобщей декларации прав человека.

Процесс д-ра Спока в этом случае мог бы быть положен в основу фильма, и это, несомненно, подняло бы престиж отдела прав человека, управления общественной информации ООН и ее радиотелевизионной службы. В этом фильме хорошо было бы также показать ту бурную реакцию, которую вызвало дело Спока в разных странах и самих США. Эпиграфом к фильму могли бы послужить прекрасные слова из заявления Американского комитета юристов, о котором мы уже упоминали: «Общественность должна быть благодарна д-ру Споку и другим обвиняемым, что в наш ядерный век они подчеркивают наивысшее требование верности нормам международного права и Устава ООН».

Чикаго. Демонстрация против войны во Вьетнаме. Во главе демонстрации — доктор Бенджамин Спок и Мартин Лютер Кинг.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРОВ

Зимний... Роскошная Иорданская лестница пустынна. На мраморных ступенях осколки щебня, сбитая офицерская фуражка, отстрелянные гильзы, брошенная пулеметная лента. Вдалеке, на верхней площадке дворцовой лестницы, рядом с античной богиней вооруженный матрос читает газету. Перед нами двое: красногвардеец-рабочий в кожанке и бородатый солдат-крестьянин. В крепких, натруженных руках винтовки. Патруль. Только что отгремел бой, и наконец в минутную передышку можно перекурить...

«Зимний взят!» Кто не знает это замечательное полотно Владимира Александровича Серова, создавшего великолепный цикл картин, посвященных Великой Октябрьской революции, народу-победителю и его гениальному вождю Ленину!

«В. И. Ленин провозглашает Советскую власть», «Ходоки у В. И. Ленина», «Декрет о земле», «Декрет о мире», «Ждут сигнала»— эти и многие другие полотна заслужили поистине всенародное признание и вошли в золотой фонд искусства социалистического реализма.

Более трети века отдал В. А. Серов служению Родине, народу. «Меня всегда тянуло на картины из народной жизни, на темы народные»,— часто говорил художник. И не только говорил. Владимир Александрович Серов всей своей жизнью, всем своим огромным темпераментом бойца-коммуниста, всем своим творчеством дал замечательный пример служения делу партии, народу, великой Стране Советов. В своих картинах он ясно и зримо раскрыл перед нами образ грандиозной эпохи строительства коммунизма.

Ученик В. Е. Савинского и И. И. Бродского, В. А. Серов первой своей крупной работой «Сибирские партизаны» заявил себя как превосходный художник-реалист и с той поры неуклонно, из года в год, добивался все большей простоты и пластического совершенства.

Но образ Серова был бы неполон, если бы мы не знали второй, не менее значительной стороны его натуры. Серов был не только первоклассным живописцем, он был крупным общественным деятелем, человеком глубоких принципиальных позиций и убеждений в искусстве, которые он с поистине государственным размахом отстаивал ежедневно, ежечасно.

Член Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР, президент Академии художеств СССР, секретарь правления Союза художников СССР и первый секретарь правления Союза художников РСФСР — вот обязанности гражданина-художника, которые нес В. А. Серов.

Родина высоко оценила деятельность выдающегося советского живописца. Он был награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, дважды удостоен Государственной премии СССР.

19 января с. г. перестало биться сердце народного художника СССР Владимира Александровича Серова. Советское искусство понесло тяжкую, невосполнимую утрату.

ЗАБОТЫ И ДУМЫ КАИРА

Евгений ПРИМАКОВ

Недавно в ОАР проходил мусульманский праздник байрам, которым заканчивается рамадан — месячный пост. Целый месяц старая часть Каира была погружена в дрему, оживление наступало лишь к пяти часам вечера, когда после разрешающего выстрела пушки, размноженного в тысячах транзисторных приемников, все неслись домой, готовясь приняться за еду.

И все-таки рамадан и байрам в этом году проходили по-особому. Перед месячным постом специальным решением главного муфтия солдатам и офицерам было разрешено принимать пищу днем. Ни за одним праздничным столом не обходилось без разговоров об оккупации арабских земель, без тяжелых раздумий о будущем...

Вот уже семь с лишним месяцев прошло с момента израильского нападения на ОАР. Время в эти месяцы работало против израильских экстремистов. Агрессия имела своей целью свержение прогрессивных режимов в арабском мире, в первую очередь в ОАР. Сейчас режим президента Насера стабильнее, чем он был в первые дни после израильского нападения. Укрепление произошло далеко не в последнюю очередь в результате ликвидации заговора маршала Амера. С Амером сотрудничали не только офицеры, уволенные из армии после поражения и сохранившие, естественно, кое-какие связи со своими единомышленниками в вооруженных силах ОАР, но и отдельные руководители службы безопасности. Заговорщики ставили своей задачей захватить верховное командование, что открывало им путь к верховной власти в стране. После того как танки окружили дом Амера и скрывающиеся там генералы и офицеры были арестованы, Амер отравился. Самоубийство не создало вокруг его имени ореола мученика.

Рассказывают, что за час до нападения Израиля Амер вылетел вместе с бывшим командующим ВВС Сидки Махмудом на Синай и приказал, как обычно он это делал, когда находился в воздухе, отключить все радарные установки. Самолет Амера не смог сесть на военный аэродром на Синае, так как на летном поле рвались израильские бомбы. Он повернул назад, и на его хвосте израильские истребители пришли к базе «Кайро-Вест». Может быть, в рассказах об этом инциденте что-то искажено или преувеличено, но только не беспечность прежнего командования в египетской армии. Многие люди, хорошо знающие положение в ОАР, говорят, что порядка в вооруженных силах сейчас стало значительно больше.

В этом убеждаются и израильские военачальники, периодически совершающие инспекционные поездки в свои части, окопавшиеся на восточном берегу Суэцкого канала. Им так и не удается провести важную, с их точки зрения, политическую операцию — спустить на воды канала несколько катеров для того, чтобы поднять там израильский флаг. Артиллерия ОАР ведет точный и плотный огонь.

Укреплению боевого духа египетской армии способствует то, что офицерам и солдатам близка и понятна цель — добиться вывода оккупационных израильских войск с арабских земель.

Видный каирский журналист Мухамед Ода писал на днях в газете «Аль-Гумхурия»: «Армия рекрутируется из народа, и поэтому сильную, революционно сознательную армию можно создать из представителей революционно сознательных масс...»

Гибкий реалистический курс, проводимый в последние месяцы руководством Объединенной Арабской Республики, уже принес свои положительные результаты — явно выросла поддержка общественным мнением справедливого дела арабов. А вокруг израильского руководства замкнулось кольцо изоляции.

Недавно каирская газета «Аль-Ахбар» писала в связи с «гарантиями», которые предоставил Израилю президент Соединенных Штатов Джонсон: «Если Соединенные Штаты Америки хотят гарантировать территорию Израиля, то никто не покушается на нее. Если же речь идет об оккупации после 5 июня арабских земель, то в конечном итоге никакие гарантии не помогут Израилю их удержать путем эскалации своей наглости». Уже после шести дней военных действий израильское руководство само поставило точки над «и». Если в момент нападения на арабов оно уверяло мир, что не ставит своей целью никакие территориальные приобретения, то теперь говорит об «исторической необходимости» сохранить оккупацию арабских земель, несмотря на принятие Советом Безопасности резолюции о выводе израильских войск.

Израильская агрессия застала 15 судов в водах Суэцкого канала. Они все еще блокированы там после затопления нескольких барж с цементом и арабского судна «Мекка». Расчистке канала, возобновлению судоходства препятствует оккупация Израилем его восточного берега. Такое положение ОАР справедливо считает неприемлемым для нормального судоходства. Между тем страна терпит большие убытки от закрытия канала. Убытки несут и другие государства. Известно, например, что взгляды Англии на необходимость открытия Суэцкого канала отличаются от американской линии. (Недавно комментатор Би-би-си сказал, что прекращение судоходства — одна из причин девальвации английского фунта.) На словах согласившись с деблокированием (15 судов носят флаги многих стран!), израильское руководство заявило в то же время, что операцию можно осуществить лишь путем прямых контактов и совместных действий с арабской стороной. Даже Джозеф Олсоп — далеко не проарабски настроенный американский журналист — писал недавно в «Вашингтон пост», что, предлагая прямые переговоры, израильские лидеры исходят из их неприемлемости для любого арабского руководства. «Прямые переговоры с Израилем в условиях оккупации арабских земель были бы полной нашей капитуляцией,— сказал мне один из видных египетских журналистов.— На это не пойдет наш народ...»

Многие наши журналисты заканчивают свои репортажи из ОАР рассказом об укрепляющихся отношениях страны с Советским Союзом. Это не дань советскому читателю, а констатация процесса, которого очень опасаются враги ОАР и других арабских стран. Дружественные чувства к нашему народу ярко проявились и во время визита советской правительственной делегации, возглавляемой членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуровым.

Каир. Январь.

Меня часто спрашивают, да и сам я нередко задумываюсь над тем, что же случилось во второй половине 1942 года под Сталинградом, когда немцы были уже у берегов Волги и мечтали о близкой победе и вдруг потерпели сокрушительное поражение. Что произошло — чудо, роковая случайность? Нет, нет, и тысячу раз нет! Я думаю, что выражу мнение большинства участников Сталинградской битвы, если скажу, что не боевая техника, не масса войск решили исход этой битвы. Победа на Волге — это прежде всего победа социалистического строя, поразительных качеств воспитанного этим строем советского человека, воодушевленного народом, партией. Победа на Волге — это победа и искусства наших командиров и солдат, познавших новые методы боя, до той поры неизвестные противнику; люди эти, подойдя к Волге, поняли: дальше отступать некуда!

К началу сентября немецко-фашистские войска на флангах армии уже вышли к Волге, расколов боевые порядки 62-й и 64-й армий на южной окраине города в районе Купоросного, а на северной — в районе поселков Рынок и Спартановка. Там немцы прорвались к правому берегу Волги и отрезали 62-ю армию от войск, которые сражались севернее Сталинграда, на перешейке между Волгой и Доном. И вот, образовав такую охватывающую подкову, они прижали войска 62-й армии танками, придавили их с воздуха авиацией, а за спиной сражающихся пролегли километровые просторы реки Волги без постоянных переправ. К тому же войска 62-й армии в ту пору были основательно обескровлены. В некоторых дивизиях с трудом насчитывалось от 100 до 200 активных штыков. Иные танковые бригады имели по 6—10 танков. Вряд ли возможно представить более тяжелую обстановку, чем та, что сложилась в Сталинграде в десятых числах сентября 1942 года.

И тем не менее именно в те незабываемые дни в среде командиров и политработников, бойцов, вдохновленных призывом Родины-матери, партии, правительства, крепла глубокая вера в будущий перелом в ходе войны. Исчез страх перед противником. Прошлые бои показали, что врага можно бить. И достигнуть этого можно при умелой организации боя, даже без численного превосходства, но при полном напряжении моральных и физических сил, когда все воины — от солдата до генерала — сознают: ты лично отвечаешь за оборону города, на захват которого нацелены главные силы Гитлера.

Мы все, кто сражался за Сталинград, хотели жить. И это желание заставляло каждого из нас надежно маскироваться, укрываться от вражеских бомб, пуль и снарядов, метко прицеливаться и бить врага наверняка, делать, казалось бы, даже невозможное для уничтожения своих противников.

В огне сталинградских сражений родилась новая боевая организация — штурмовая группа, а с ней и новая тактика действий. Ее породили сами защитники Сталинграда в ходе жесточайших боев. Штурмовая группа была небольшая по численности, гибкая при маневре в бою, пробивная при штурме. Она искала противника повсюду, шла умышленно с ним на сближение, просачивалась, как вода, через подвалы и проломы в стенах и среди развалин зданий, навязывала врагу ближний бой. Она наносила внезапные и неотразимые удары с фронта, с флангов, с тыла, не давая немцам опомниться, изматывала их морально и физически. В Сталинграде нередко шел упорный бой за каждое здание, за каждый этаж. Против штурмовой группы противник не мог применить ни авиацию, ни массированный огонь артиллерии. И вот случилось так, что в какой-то неуловимый момент напряженнейшей битвы на Волге настроение хвастливого противника надломилось, а настроение советских войск заметно улучшилось: враг может быть остановлен и разбит!

О Сталинградской битве писать можно много и долго. Я хочу рассказать лишь о тех нескольких днях этой битвы, которые запомнились мне на всю жизнь, о днях, когда вопрос «кто — кого?» достиг наивысшей остроты, когда враг уже считал себя победителем и ему казалось, что все «козыри» Москвы биты.

14 сентября немцы ворвались в Сталинград большими колоннами западнее вокзала. Фашисты ликовали. Это был тяжелый для нас день, но в то же время и удачный: мы отразили в городе мощную атаку немцев, жестоко их побили и заставили бросить на город новые силы. Но самое страшное за всю сталинградскую эпопею свершилось месяц спустя,— то были пять октябрьских дней, когда судьба города висела на волоске, пять дней беспримерных по боевому напряжению сражений. Если бы мы в те октябрьские дни не выдержали, немцы опрокинули бы нас в Волгу и захватили Сталинград. Выстояв, мы поставили противника в такое положение, когда он поистине растерялся, не зная, что же ему делать дальше. Тотчас же повторить подобный сокрушительный удар он уже не мог: не было необходимой техники, боеприпасов, людей. Времени на подготовку второго такого удара гитлеровцам не было отпущено: советские войска быстро накапливали силы для контрнаступления. А отступать за Дон равносильно поражению.

Это и был великий перелом в Сталинградском сражении.

В ночь с 13 на 14 октября мы меняли свой командный пункт, приблизив его к войскам. Командный пункт 62-й армии был подготовлен на северо-восточной окраине завода «Баррикады». Но одолеть даже каких-нибудь 500—600 метров мы не рискнули все сразу. Разделились на три группы. С первой пошел член Военного совета товарищ К. А. Гуров, чтобы проверить на новом пункте связь с войсками и дать нам сигнал. Они выступили в 24 часа, и только в два часа мы получили сообщение: на новом пункте все готово.

Вторая группа во главе с командармом выступила в третьем часу. Людям, не спавшим несколько дней и ночей подряд, не так-то легко и просто было пройти 500—600 метров по обрывистому берегу. Мы не шли, а ползли по камням, спотыкаясь и падая. Когда я пришел в блиндаж, а он был один на весь штаб, то свалился и тут же заснул, а возможно, потерял сознание. Я не слышал, как и когда пришел генерал Крылов с третьей группой. Проснулся около 7 часов утра. Смотрю: рядом лежит Крылов. Он тоже спал как убитый.

Разбудило меня, вероятно, какое-то интуитивное предчувствие. Возможно, сказалось нервное напряжение: мы знали, что противник готовит удар необычайной силы. И вот первые приметы такого удара.

В 8 часов утра Паулюс под прикрытием ураганного огня на фронте около 6 километров бросил в атаку на наши позиции три пехотных и две танковых дивизии. Превосходство противника в людях было пятикратным, в танках — двенадцатикратным, а его авиация безраздельно господствовала на этом участке.

Первая атака была отбита — на переднем крае горели десятки фашистских танков. Через полтора часа противник повторил атаку еще бóльшими силами. Он буквально душил нас массой огня.

На командном пункте армии от близкого взрыва авиабомбы завалило два блиндажа. Бойцы роты охраны и несколько офицеров штаба откапывали своих товарищей. Одному офицеру придавило ногу бревном. При попытке откопать и поднять бревно верхний грунт осаживался и еще больше давил на ногу. Несчастный стал умолять товарищей отрубить ее или отпилить. Но у кого поднимется рука?

На КП армии доносят: смят 109-й полк 37-й дивизии. Бойцы, засев в подвалах и комнатах зданий, дерутся в окружении. Фашисты пустили в ход огнеметы. В 11 часов еще одно тяжкое донесение: левый фланг 112-й стрелковой дивизии также смят. Около 50 танков утюжат ее боевые порядки. Однако эта многострадальная дивизия, имевшая к 13 октября не более тысячи активных бойцов во главе со своим командиром полковником Ермолкиным, не отступила. Она геройски сража-

БОГАТЫРИ ЗЕМЛИ СОВЕТСКОЙ

Маршал Советского Союза
В. ЧУЙКОВ

Сталинград. Командующий 62-й армией генерал Чуйков беседует с автоматчиками. Декабрь 1942 года.
Фото О. Кнорринга.

Сражались за каждый дом, этаж, лестницу...

Сталинград, ноябрь 1942 года.

Фото Г. Зельмы.

лась в отдельных зданиях, в цехах Тракторного завода, в Нижнем поселке и на волжской круче. Долгое время гитлеровцы не могли сломить ее сопротивление. Не случайно немецкий генерал Дёрр позже в своей книге «Поход на Сталинград» вспоминал: «Если нашим войскам удавалось днем на некоторых участках фронта выйти к берегу, ночью они вынуждены были снова отходить, так как засевшие в оврагах русские отрезали их от тыла».

В 11 часов 50 минут противник захватил стадион СТЗ и глубоко вклинился в нашу оборону. До Тракторного завода осталось менее километра. Южнее стадиона находился так называемый шестигранный квартал с каменными постройками. Для наших войск они стали опорным пунктом. Квартал несколько раз переходил из рук в руки. Командир полка Омельченко сам возглавил контратакующие подразделения.

Тем временем по радио открытым текстом неслись все более тревожные донесения, которые перехватывались нашим узлом связи. Привожу их дословно, чтобы передать накаленную атмосферу тех октябрьских дней.

Передают по радио из 117-го гвардейского полка: «Командир полка Андреев убит. Нас окружают. Умрем, но не сдадимся». Полк не сдался, около его командного пункта валялось более ста трупов гитлеровцев, а гвардейцы продолжали драться и уничтожать врага.

Докладывает начальник штаба 37-й дивизии товарищ Брушко: «Гвардейцы Пуставгарова (114-й гвардейский полк), рассеченные танковыми клиньями противника, закрепившись группами в домах и развалинах, сражаются в окружении. Лавина танков атакует батальон Ананьева. Шестая рота этого батальона под командованием гвардии лейтенанта Иванова и политрука Ерухимовича полегла полностью. Остались в живых только посыльные».

В 12 часов 30 минут командный пункт 37-й гвардейской дивизии стали бомбить пикирующие бомбардировщики. Командира дивизии генерала Жолудева завалило в блиндаже. Управление дивизией взял на себя штаб армии. В 13 часов 10 минут в блиндаж Жолудева «дали воздух» — просунули металлическую трубу,— продолжая откапывать генерала и его штаб. В 15 часов к нам, на командный пункт, пришел сам Жолудев. Он вошел мокрый, в пыли, пошатываясь, и доложил: «Товарищи, Военный совет! Тридцать седьмая гвардейская дивизия сражается и не отступит». Доложил, тут же присел на земляную ступеньку и закрыл лицо руками.

В полдень руководство войсками еще более осложнилось. Около 14 часов прервалась телефонная связь со всеми дивизиями. Работали только радиостанции, да и то с перебоями. Вся надежда—на офицеров связи, но эта связь очень медленная, их данные запаздывали. Между тем к 15 часам танки противника глубоко вклинились в наши боевые порядки, выйдя на рубеж заводов Тракторного и «Баррикады». Пехоту противника отсекают от танков огнем наши гарнизоны. Они хотя и разрозненные, но сражаются в окружении и сковывают действия врага: фашистские танки без пехоты вперед не идут, останавливаются, а это уже прекрасная цель для наших артиллеристов и бронебойщиков. И все же к 15 часам танки противника смогли пробиться к командному пункту армии: их отделяют от нас всего лишь 300 метров. В бой вступила рота охраны штаба армии. Сумей противник подойти еще поближе, и командованию 62-й армии пришлось бы непосредственно драться с немецкими танками. Иного выхода не было, мы не смогли куда-либо отойти, ибо лишились бы последних средств управления и связи.

В парке Скульптурный было зарыто в землю до десятка танков 84-й танковой бригады. Им было приказано быть в засаде на случай прорыва немцев. В 15 часов волна немецких танков прорвалась к парку Скульптурный и тут же напоролась на засаду. Наши танкисты били без промаха. Немцы пытались овладеть этим опорным пунктом с ходу, но им не удалось это. И только 17 октября он был разбит вражеской авиацией.

Несмотря на колоссальные потери, гитлеровцы рвались вперед, просачиваясь в образовавшиеся разрывы между боевыми порядками наших частей. В эти дни немцы неоднократно вели бои с охраной штаба армии. На наше счастье, у Паулюса не нашлось хотя бы одного свежего батальона, чтобы захватить командный пункт армии. Скорей всего Паулюс не знал, где он расположен. Думаю, знай Паулюс точно, где мы находимся, он не пожалел бы для этого и дивизии.

В 16 часов 35 минут командир полка подполковник Устинов попросил открыть огонь по его командному пункту, к которому вплотную подошли фашисты и стали забрасывать его ручными гранатами. Открыть огонь по своему командиру! На это не так просто было решиться. И все-таки генералу Пожарскому пришлось дать залп дивизиона «катюш»...

Для обороны заводов Тракторного и «Баррикады» были созданы боевые отряды рабочих, среди которых было немало защитников Царицына. Они вместе с подразделениями войск армии должны были до последнего патрона оборонять свои предприятия. Рабочие были нашими проводниками по улицам и переулкам Сталинграда, по цехам заводов. Не раз в те дни плечом к плечу дрались солдаты и рабочие, обороняя Тракторный и «Баррикады».

...Вот уже несколько октябрьских дней и ночей идут напряженные уличные бои. Площади и улицы города буквально завалены трупами гитлеровцев. Десятки танков — горящих и разбитых — перегородили улицы. Несколько вражеских подразделений пробились к Волге, но закрепиться им там так и не удалось. Артиллерийский огонь с левого берега, дружные контратаки наших войск с флангов отбрасывали фашистов назад. Но гитлеровцы, используя силу авиационных ударов и превосходство в танках и пехоте, рассекли пополам оборону 62-й армии. Полтора километра, отделявшие завод Тракторный от «Баррикад», контролировались противником. Его огнем простреливались все овраги. Со своего командного пункта мы хорошо просматривали Тракторный завод, но не могли видеть бой, который происходил в его цехах. У нас не было связи с бойцами, оборонявшими его, и мы не всегда могли им помочь. Единственно, чем мы могли поддержать их,— это огнем артиллерии: управление ею непрерывно находилось в наших руках. Судьба подразделений, оказавшихся в окружении, в развалинах домов и заводов, была для нас долгое время неизвестной.

62-я армия была разрублена на две части, но она сражалась, не отдавая врагу ни метра территории без боя. Это упорство, героизм и умение разить врага обескровили мощнейшую группировку противника. Он захлебнулся в собственной крови.

8 ноября Гитлер еще раз выступил с истеричным призывом захватить Сталинград во что бы то ни стало. Мы знали об этом его выступлении. И готовились к новым массированным атакам немцев. 10 ноября я подписал приказ: «Противник пытается прорвать фронт в юго-восточной части завода «Красный Октябрь» и выйти к реке Волге. Для усиления левого фланга 39-й гвардейской стрелковой дивизии и очищения всей территории завода от противника приказываю ее командиру за счет сменяемого левофлангового батальона 112-й гвардейской стрелковой дивизии уплотнить боевые порядки в центре и на левом фланге дивизии, имея задачей полностью восстановить положение и очистить территорию завода от противника».

Много позже я узнал, что в это же время по приказу Гитлера командир 79-й пехотной дивизии генерал фон Шверин ставил своему командиру саперного батальона капитану Вельцу задачу:

«Приказ на наступление 11 ноября 1942 года.

1. Противник значительными силами удерживает отдельные части территории завода «Красный Октябрь». Основной очаг сопротивления — мартеновский цех (цех № 4). Захват цеха означает падение Сталинграда.

2. 179-й усиленный саперный батальон овладевает цехом № 4 и пробивается к Волге...»

Два приказа, отданные почти одновременно, наиболее точно отражали в ту пору направления главных усилий воюющих сторон.

Борьба за мартеновский цех длилась несколько недель, а за завод — больше двух месяцев. Гитлеровцы бросили все силы, чтобы захватить «Красный Октябрь»: по их мнению, это был последний опорный пункт Сталинграда. Мы же стремились в это же самое время очистить всю территорию завода «Красный Октябрь» от фашистов.

Когда противники наступают одновременно друг против друга, то это называется «встречным боем». Обычно он происходит на большом пространстве, с широким использованием таких видов маневра, как обход и охват флангов и выход в тыл. В данном случае встречный бой «городского типа» ограничился территорией одного завода — случай, пожалуй, беспримерный в истории войн.

Конечно, гитлеровцы могли бы доставить нам очень много неприятностей, если бы они захватили основные цеха «Красного Октября»,— они стали бы тогда обстреливать все наши переправы через Волгу и даже пристани на правом берегу, которые играли у нас роль временных складов. Замысел немцев был сорван благодаря хорошо поставленной разведке. За несколько дней до начала наступления гитлеровцев на этом участке мы захватили здесь пленных, которые подтвердили все наши предположения о направлении главного удара противника. И приказ об уплотнении боевых порядков на заводе и в цехах был основан на нашей точной оценке сложившейся обстановки.

Произошло то, чего немцы никак не ожидали. Зная о готовящемся их наступлении, командир дивизии Гурьев, находясь на правом берегу Волги в трехстах метрах от мартеновского цеха, не только уплотнил боевые порядки на заводе, но и подготовил свою артиллерию, чтобы в любую минуту открыть огонь по заранее пристрелянному месту — перед цехом № 4. Не могу не привести одну характерную деталь: перед началом встречного боя комдив Гурьев, комиссар Ченышов, начальник штаба подполковник Залезюк находились в трехстах метрах от цехов завода. А генерал фон Шверин, командир дивизии, которая наступала на завод «Красный Октябрь», отсиживался в поселке Разгуляевка — в десяти километрах от завода и от поля боя. В результате и это наступление врага было отбито и оно оказалось последним.

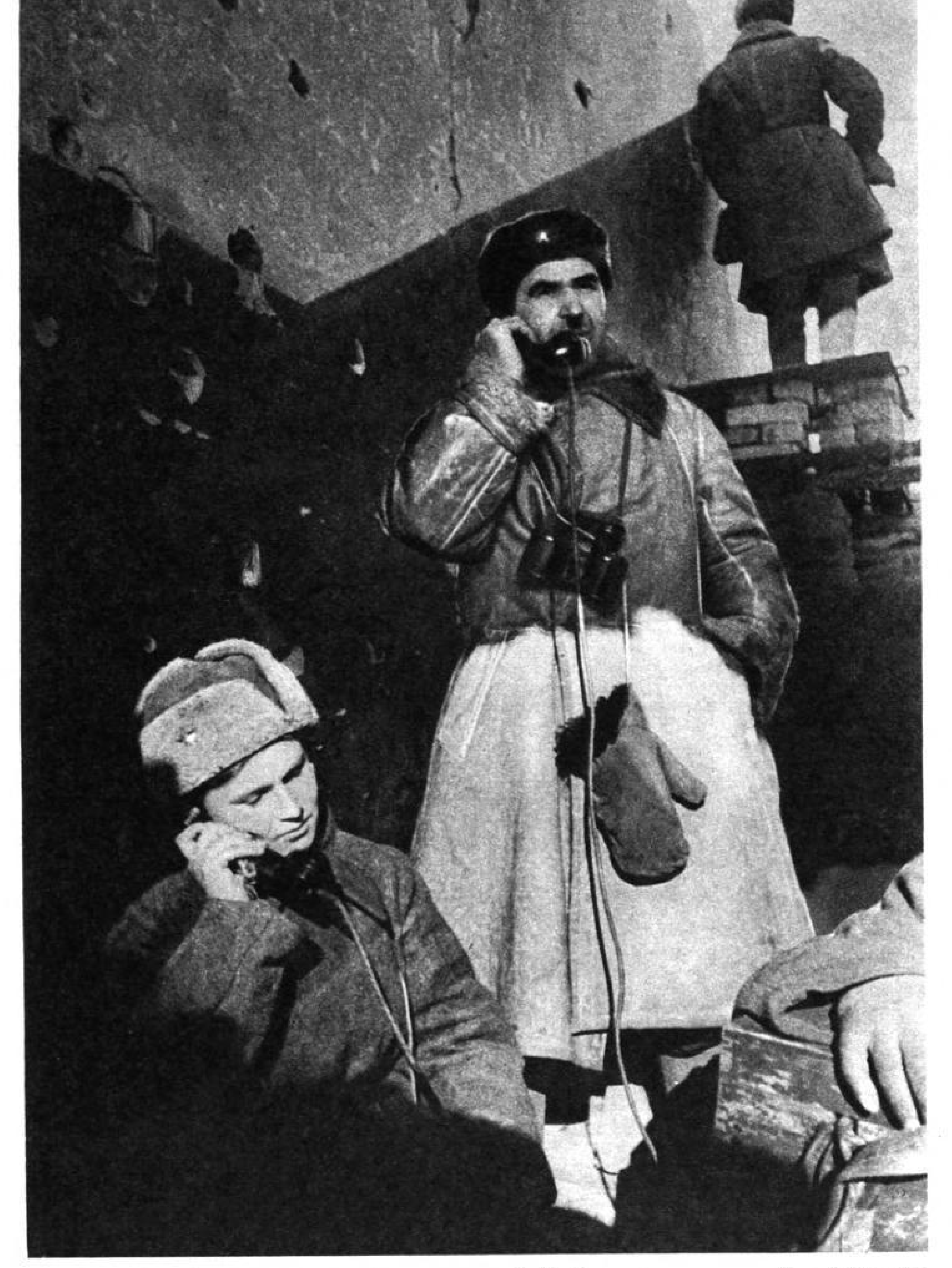
Всему миру известно, чем закончилась продолжавшаяся около шести месяцев Сталинградская битва. Армии фашистского блока потеряли более четверти всех сил, действовавших в то время на советско-германском фронте. Около полутора миллионов вражеских солдат и офицеров было убито, ранено и пленено. Уничтожено и взято в качестве трофеев огромное количество боевой техники и военного имущества врага. Таков итог авантюристического похода гитлеровских войск в район большой излучины Дона и среднего течения Волги.

В феврале 1943 года Гитлер в своей ставке вынужден был признать: «Я могу сказать одно: возможность окончания войны на востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представить себе...»

...Если верить расчетам нынешних стратегов из империалистического лагеря, готовящихся к новой войне с применением термоядерного оружия, то оказывается, что потери в людях и боевой технике на берегах Волги в пору Сталинградского сражения — это всего лишь, как они выражаются, «легкий испуг». Нынешний министр обороны США, прогнозируя будущую войну, сулит человечеству куда более страшные потери. И поэтому, отмечая двадцатипятилетие великого сражения на Волге, мы должны помнить о тех больших задачах, в решении которых призваны принять активное участие не только Вооруженные Силы страны, но и все ее население. Ибо проблема укрепления обороноспособности государства в условиях современной войны решается уже не так, как это было в минувшую войну: требуется боевая готовность к обороне всех граждан Советского Союза.

Укрепление мощи Вооруженных Сил СССР, всего социалистического лагеря — одна из надежнейших гарантий того, что кровопролитное сражение, какое было на берегах Волги, больше не повторится и что минувшая вторая мировая война может оказаться последней войной в истории человечества.

Именно эту надежду хотелось выразить мне, отмечая двадцать пятую годовщину со дня победного завершения Сталинградской битвы.

Сталинград. Декабрь 1942 года. Командир дивизии И. И. Людников. Фото Г. Зельмы.

Иван ЛЮДНИКОВ,
генерал-полковник,
Герой Советского Союза

Солдаты на „Баррикадах"

Выступая с речью на открытии памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал: «Мы говорим «Дом Павлова»— и перед нашим мысленным взором возникают сотни домов, ставших настоящими крепостями, неприступными для фашистов.

Мы говорим «Остров Людникова»— и вспоминаем десятки других островков сталинградской земли, в самые критические дни удержанных мужеством наших солдат и офицеров».

Публикуем записки командира дивизии, что насмерть стояла, обороняя «Остров Людникова».

У каждого ветерана войны есть особенно памятные ему даты и рубежи.

В ночь на 16 октября 1942 года 138-я Краснознаменная стрелковая дивизия, которой я командовал (после Сталинградской битвы она была переименована в 70-ю гвардейскую), переправилась через Волгу и с ходу вступила в бой на территории завода «Баррикады». К этому времени противник уже захватил Сталинградский тракторный завод.

— На «Баррикады»!

С таким кличем солдаты передового батальона 650-го стрелкового полка нашей дивизии ринулись в первую атаку на врагов, и с этого часа до незабываемого дня, когда армия фельдмаршала Паулюса была окончательно разгромлена — свыше ста дней и ночей,— не прекращались ожесточенные бои. А самыми трудными для нашей дивизии были пятьдесят дней и ночей на «Баррикадах», где мы, прижатые к Волге и оторванные от соседей, сражались на той пяди земли, что известна сейчас как «Остров Людникова».

Вот несколько историй, характерных для облика советского воина, сражавшегося в те дни на Волге.

Переправа

Летчики «По-2» первыми назвали «островом» пядь земли у завода «Баррикады». Почти на бреющем полете, выключив моторы, летчики кричали: «Эй, с острова, получайте!» И сбрасывали нам мешки с сухарями и патронами.

Как этот «остров» образовался? Известно, что Гитлер приказал Паулюсу любой ценой «достигнуть берега Волги на всем протяжении Сталинграда». И ценой огромных потерь противнику удалось отсечь нашу дивизию от соседей, прорваться к Волге на ее флангах. Дивизия оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. Она была зажата противником с севера, с запада и с юга, а с востока отрезана Волгой, по которой шел сплошной лед. Остается к этому добавить, что наш берег и тот рукав реки, по которому лодки могли причалить к берегу, простреливался врагом.

Понтонеры и моряки Волжской флотилии вызвались достигнуть огненного «острова». Из двадцати пяти лодок к «Баррикадам» причалили шесть. На наших глазах тонули гребцы, а лодки, груженные боеприпасами и продуктами, уносило вниз по течению к Бекетовке. При выгрузке шести лодок пали сраженные пулями начальник оперативного отдела дивизии майор Константин Рутковский, его помощник капитан Петр Гулько, ординарец начальника штаба дивизии рядовой Кочерга... Это потом поэт напишет о таких переправах: «Кому память, кому слава, кому темная вода,— ни приметы, ни следа».

После одной из таких переправ я вынужден был отдать приказ, устанавливавший для всех — от комдива до рядового — норму суточного рациона продовольствия в следующем размере: сухарей — 25 граммов, крупы — 12 граммов, сахара — 5 граммов. А потом подписал приказ, обязывающий командиров подразделений выдавать солдату на каждый автомат, на каждую винтовку не более тридцати патронов.

И. Евстигнеев. ПОД СТАЛИНГРАДОМ.

В. Дмитриевский. СТАЛИНГРАДСКАЯ ПЕРЕПРАВА.

Г. Прокопинский. СТАЛИНГРАДЦЫ. НОЧНОЙ БОЙ.

Ф. Усыпенко. ОТВЕТ ГВАРДЕЙЦЕВ-МИНОМЕТЧИКОВ.

Вспоминаю об этом, чтобы подчеркнуть истинную цену стойкости и мужества солдат и офицеров, сражавшихся на огненном острове «Баррикад».

Наш адрес

Пополнение не прибывало. Число раненых в дивизии почти равнялось количеству активных штыков на переднем крае трех стрелковых полков. Однажды прибегает ко мне встревоженная медсестра штаба дивизии Серафима Озерова и настойчиво упрашивает пойти к раненым, успокоить их.

— Не могу с ними управиться. Угрожают, что разбегутся, если не придет комдив.

Мы пошли к ним. В землянке при тусклом свете самодельной лампы различаю грязные бинты на головах раненых. Не могу в этом упрекнуть медсестру: нет у нас перевязочного материала, нет медикаментов. Но и жалоб раненых нет. Зачем же им понадобилась встреча с комдивом?

Раздались голоса:

— Хотим знать обстановку.

— Как на переднем крае? Что нас ждет?

С ответами не тороплюсь, да и нет нужды рассказывать раненым то, что они сами видели и знают. Наше положение резко изменится, когда Волга покроется льдом. Враг потому и неистовствует, что намерен сбросить нас в Волгу до ледостава. А выстоять можно и нужно. Эвакуацию раненых на лодках я запретил. Не для того солдат дрался на «Баррикадах», чтобы безоружным и бессильным тонуть в Волге под огнем неприятеля. Разговор был недолгим, по-солдатски честным и суровым. Легкораненые просили меня вернуть их в строй, позволить им поработать у переправы. Но за этой просьбой, которую я «уважил», последовала другая.

— Насчет полевой почты хочу сказать,— поднялся раненный в плечо, уже немолодой солдат.— Почтальон письма не берет, ежели обратный адрес указан. О военной тайне лопочет. А мы хотим, чтобы родные знали: деремся в Сталинграде, за Сталинград! Здесь мы кровь свою пролили, здесь, уж коль придется, встретим свой смертный час как подобает солдату. На этот город сейчас весь мир смотрит. Так нам чего таиться?

Вероятно, я нарушил свои полномочия, но сейчас, четверть века спустя, могу признаться, что разрешил солдатам указывать в своих письмах город, «на который весь мир смотрит».

«Ролик»

На «острове», почти у самого среза крутого оврага, высится над берегом Волги обелиск с коротким названием: «Ролик». На обелиске начертаны фамилии четырех связистов нашей дивизии: Кузьминского и Ветошкина, Колосовского и Харазия.

Короткое и звучное слово «ролик» было позывным этих связистов, оборудовавших свой пункт в двух нишах отвесных стен оврага. А над ними, над самым срезом крутого обрыва, уже были враги. Попытались было немцы спустить к нишам взрывчатку, чтобы истребить связистов, но четыре храбреца огнем своих автоматов срезали веревку, и взрывчатка пронеслась мимо, рухнула вниз, не причинив вреда. «Ролик» действовал, поддерживал с нами связь, не подпуская врага к берегу реки.

Осада «Ролика» продолжалась сорок суток. Когда изредка в безлунную ночь кому-либо из четверки связистов удавалось проникнуть в наш штаб, мы снабжали их необходимым запасом продовольствия и патронов. Для «Ролика» ничего не жалели. О четырех отважных связистах, удерживающих свой пункт, знали все солдаты дивизии. Когда «Ролик» замолкал, на душе было тревожно. Но вот опять слышалась стрельба из расщелин оврага, и солдаты ликовали: «Ролик» вертится, «Ролик» стреляет.

Спасибо рабочим завода «Баррикады» за то, что увековечили подвиг четырех солдат-связистов.

Двое из них — Кузьминский и Ветошкин — погибли, когда мы уже вели последний бой на сталинградской земле, очищая от фашистской нечисти территорию завода «Красный Октябрь». Прочитав эти строки, может быть, откликнется ветеран дивизии связист Колосовский, о судьбе которого ничего не знаем. А разыскать четвертого связиста из «Ролика» помогли нам красные следопыты второй школы Волгограда. В поселке Новый Афон, в Абхазии, работает агрономом Харазия. Мы послали ему приглашение на сбор ветеранов нашей дивизии, посвященный 25-летию разгрома гитлеровской армии на Волге. Там я надеюсь встретить и многих других ветеранов дивизии, в том числе и моего тезку Ивана Ильича Свидрова.

Рапорт Ивана Свидрова

...Это было в Волгограде, когда мы отмечали двадцатую годовщину Сталинградской битвы. Я сидел в президиуме торжественного собрания, и его председатель передал мне письмо. Вскрываю конверт и читаю листок, напоминающий боевое донесение: «Товарищ генерал-полковник. Докладывает бывший сержант 650-го стрелкового полка 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии Иван Ильич Свидров. 24 октября 1942 года мне было приказано с группой из четырех солдат защищать один из домов Нижнего поселка завода «Баррикады». Дом имел важное значение в нашей обороне, и нас предупредили, что удержать его надо любой ценой.

Каждый день мы отбивали по нескольку яростных атак фашистов. Уже трое пали смертью храбрых, а я и старшина ранены. Но мы по-прежнему считали себя «гарнизоном» дома и обороняли его, хотя патроны были на исходе, а фашисты проникли в подвал дома и от своих мы были отрезаны. Дом мы удержали, пока наши контратакой не отбросили фашистов. Но доложить, что «гарнизон» свою задачу выполнил, я уже не мог. И потому делаю это сейчас.

Тяжело раненного, контуженного, переправили меня на другой берег Волги и эвакуировали в тыл. После выздоровления вернулся в строй, сражался на других фронтах. В госпитале узнал, что наш «гарнизон» считают погибшим и родным послали «похоронные». А я сейчас живу и работаю в Волгограде. Приглашаю вас в гости».

Взволнованный этим письмом-донесением, оглядываю зал и поднимаю конверт как знак ожидаемой встречи.

Так мы встретились с одним из маленьких начальников маленького «гарнизона», а их было много в домах Нижнего поселка «Баррикад», где каждое строение стало неприступной для врага крепостью.

А письмо-рапорт Ивана Свидрова я отправил в музей боевой славы нашей дивизии как документ, свидетельствующий о солдатской верности и доблести.

* * *

Свой короткий рассказ мне хочется закончить строками из сочиненной солдатами песни. В редкие минуты затишья мы распевали ее:

От разрывов улицы дрожали.
Но не дрогнул фронт наших полков.
Мы стеной гранитной дружно встали
На защиту волжских берегов.
Мы сражаемся на «Баррикадах»,
Не страшит нас самый ярый бой.
Грянем, братцы, песню о солдатах,
О героях сто тридцать восьмой.

Надеюсь, что мы, ветераны сто тридцать восьмой, скоро встретимся у волжского берега, на «Баррикадах».

Каждый третий

В кабинете Таисии Ивановны Штыковой, заместителя главного врача Московской больницы имени Боткина, уже несколько дней работает тарификационная комиссия. Пересматривается заработная плата для работников, получавших ранее менее шестидесяти рублей в месяц.

— Для нашей больницы,— говорит Таисия Ивановна,— Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, предусматривающее увеличение минимума заработной платы рабочих и служащих, имеет особое значение. Коллектив у нас большой, много технического персонала: санитарки, уборщицы, гардеробщицы, дворники, швеи, лифтеры. Все это низкооплачиваемые профессии. Мы подсчитали, что у нас теперь каждый третий работник получит прибавку к заработной плате. Примерно 840 человек будут зарабатывать сейчас на 10—15 рублей больше. Вот мы и собрались, чтобы уточнить новую, индивидуальную для каждого работника зарплату. В эти дни у нас в коллективе как бы праздник. У всех настроение приподнятое...

Знакомимся с санитаркой Пелагеей Никитичной Селиверстовой, одной из многих, кому с первого января была повышена зарплата.

— Я здесь работаю с 1934 года,— рассказывает она.— Раньше получала пятьдесят рублей, а теперь буду получать шестьдесят девять. Это не все. Получаю еще пятьдесят рублей в месяц пенсии. Я ведь пенсионерка. Только без работы сидеть не могу: скучно. Пока здоровье позволяет, буду работать. А пенсию-то мне сейчас выплачивают полностью, независимо от того, работаю я или нет. Вот и посчитайте: набирается почти сто двадцать рублей.

Каждый по-своему комментирует прибавку к зарплате.

Гардеробщица Анастасия Ивановна Коновалова:

— Прибавка к моей зарплате — пятнадцать рублей. На них сейчас можно купить приличное платье.

Машинист-оператор газовой котельной Александра Ивановна Маслова:

— Лишние десять рублей в бюджете семьи значат очень много. Фактически это квартирная плата.

Мария Федоровна Чебирева, няня:

— Теперь ежемесячно буду получать на пятнадцать рублей больше. Деньги вроде и не такие большие, но для меня имеют значение. Серьезное подспорье в бюджете...

...В комнате Таисии Ивановны продолжает работать комиссия. Шуршат листы со списками фамилий нянь, санитарок, уборщиц...

О. БОРИСОВ

М. Ф. Чебирева: — Прибавка к зарплате — большое подспорье.

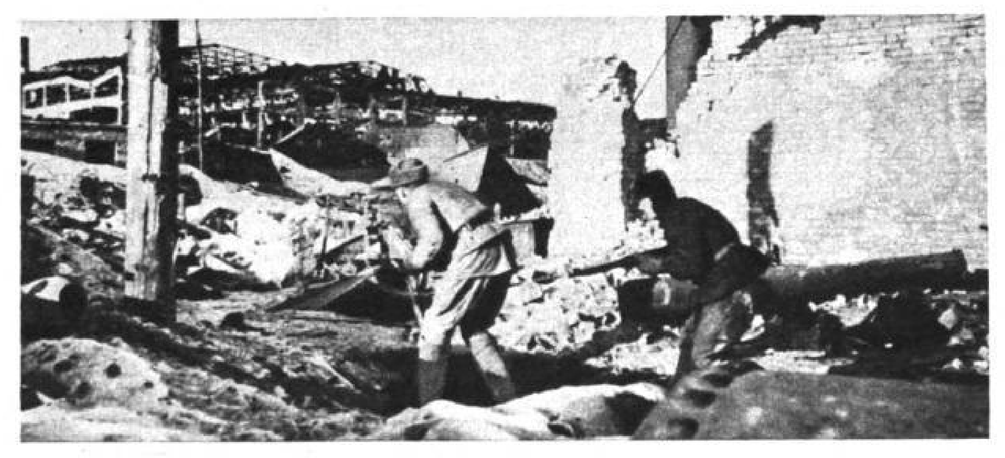
О. КНОРРИНГ

Из блокнота военного корреспондента

ПЕШКОМ ПО

Во время Сталинградской битвы автор этого репортажа, тогда военный корреспондент газеты «Красная звезда», был свидетелем ликвидации окруженной немецкой группировки. В его архиве сохранились журналистские блокноты и фотографии того времени.

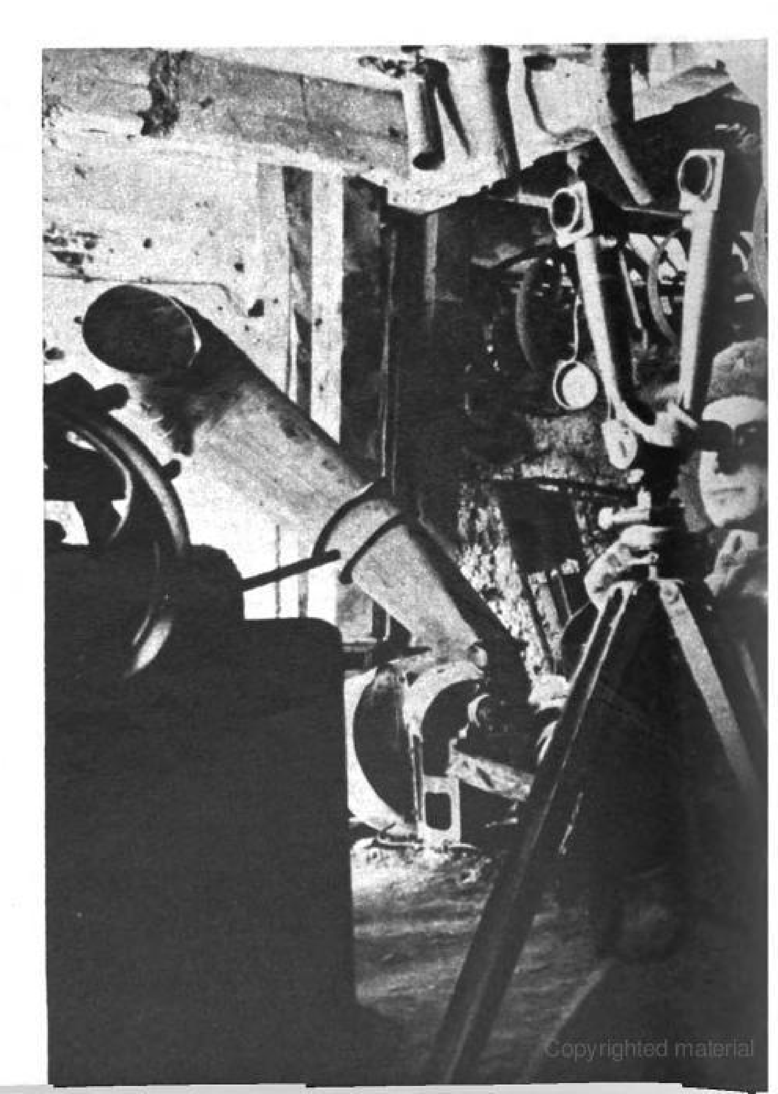
Руины Сталинграда.

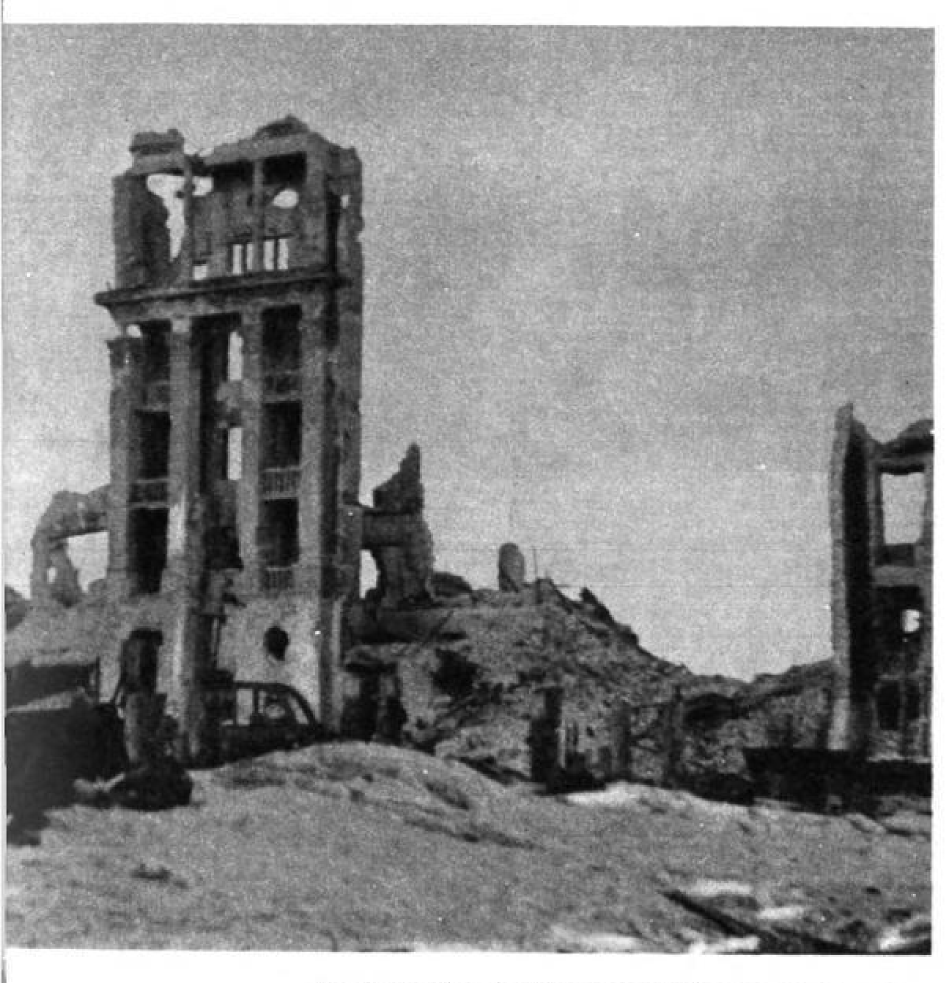
Бой в районе завода «Красный Октябрь».

Этого верблюда в 1945 году я встретил в Берлине, куда он дошел вместе с армией Чуйкова.

ИСТОРИИ

Артиллерийский наблюдательный пункт на мельнице.

Начало декабря 1942 года. Завод «Красный Октябрь». Он уже почти целиком очищен от противника, и только в крайних цехах и главной конторе еще находятся немцы. По неглубокому ходу сообщения поднимаюсь от Волги вверх к заводу. Дня три назад здесь можно было двигаться только ползком: это место непрерывно обстреливалось пулеметами и артиллерией, а метрах в ста, в засаде, подкарауливая неосторожных, сидели немецкие снайперы. Часто за котелок волжской воды (пить ведь надо) приходилось расплачиваться человеческой жизнью.

Сейчас полегче. Немцев отбросили метров на пятьсот, и ходить стало безопаснее.

Мне хочется через пробоину от снаряда в высокой заводской трубе сфотографировать сверху позиции немцев. Для этого придется подняться к пробоине по железным скобам, находящимся внутри трубы.

Иду по заводу. Знакомая обстановка мартеновского цеха. Линия печей, чугунные плиты пола. Все исковеркано. Крыша сорвана. Толстые железные балки согнуты, как соломинки. Некоторые из них завязаны в причудливые узлы. Всюду зияют дыры от снарядов.

Командный пункт полка находится внутри одной из печей. Вход — отверстие сантиметров восьмидесяти высотой. Приходится ползти по слою золы на животе. Наконец, отодвинув дверь — плащ-палатку, вползаю в печь. Камера с аркообразным потолком. Направо — два топчана с постелями и стол. Налево, в углублении, прижав к уху трубки, сидят телефонисты.

Подполковник — командир полка гладко выбрит, белый целлулоидный воротничок, чистенькая, не помятая гимнастерка. Как это ему удается здесь — уму непостижимо. Ведь подполковнику все время приходится бывать на самых горячих участках. Около него командиры батальонов — майор и капитан. Склонившись над нарисованной на листе бумаги схемой, обсуждают операцию захвата заводской конторы. Картой они вообще не пользуются. Воевать даже по плану города здесь, где война идет буквально в квартирах домов, очень трудно. Поэтому они сами чертят себе схемы участка и воюют по ним.

Неожиданно раздается визг кошки. Кто-то нечаянно наступил ей на лапу. Лезу под стол и вытаскиваю огромного серого кота весьма мрачного вида. Кот этот имеет свои заслуги. Он был захвачен в немецком доте, а затем его несколько раз посылали к немцам с листовками на шее. Каждый раз он возвращался обратно без листовок. Некоторое время спустя я видел, как кота посылали к немцам в последний раз («Больно стал жирный, боимся — съедят»).

Присутствую при выдаче партийных документов вновь принятым в партию. Ленинский уголок, где все это происходило,— точно такая же печь, как и командный пункт. Называют фамилии, и к столу, на котором тускло горит коптилка, один за другим подходят вооруженные, небритые люди, черные от угольной пыли. Говорят коротко и скупо: «Отдам Родине все, если потребуется — и жизнь». Затем исчезают в полумраке печи.

Вылезаю на свет божий и пробираюсь в цех № 3, только что отбитый у немцев.

Прошу встречного автоматчика проводить меня на КП батальона.

Мы долго ползли в абсолютной темноте по какой-то каменной трубе, пока добрались до КП, где-то в подземелье. У входа лежит убитый командир батальона. Офицер, сменивший его (пятый по счету за время сталинградских боев), по нескольку раз в день проходит мимо своего предшественника: с похоронами убитых трудно, земля замерзла, сплошной камень. Выносить в тыл опасно да и некому, каждый боец на счету. Навстречу — солдат со снайперской винтовкой. «Как охота?» Отвечает спокойно, с некоторым разочарованием: «Сегодня плохо. Всего один. Туман, ничего не видно».

Хорошо, что я задержался у минометчиков. Пока наблюдал, как они стреляют, немецкий снаряд свалил трубу, с которой я собирался делать снимок. Вот и знай, где найдешь, где потеряешь.

Идет бой за контору завода. Половину здания занимают немцы, другую — мы. Противники находятся в нескольких метрах друг от друга, через стенку. Слышно, как за стеной немец колет дрова. Под нами в подвале сидит немецкий автоматчик. Сидит уже трое суток, отрезанный от своих. Выхода у него нет, но он не сдается: боится.

Ночую в одной из землянок уже в другом полку. Спать укладывают на нижнюю полку. Я знаю, как дорого каждое место в блиндаже. Спрашиваю: «Кто здесь спит?» «Теперь никто. Вчера убили лейтенанта, командира роты».

На стене фотография девушки. «Чья она?» — спрашиваю. «Общая. Сначала была Сережкина, его знакомая. А теперь общая: все на нее смотрим. В скверную минуту разговариваем с ней».

Утром вновь хожу по заводу. Бой идет за одну из улиц поселка. За день потеснили немцев метров на триста — четыреста. Фотографирую разрушенные здания, сгоревшие баки с горючим, обуглившиеся поезда. Вернувшись на «Красный Октябрь», встретил в цехах группу людей в штатском. Что сей сон значит? Знакомлюсь. Это инженеры. Приехали осматривать завод на предмет его восстановления.

А мне надо спешить дальше. В городе ни на какой машине, кроме как на танках, передвигаться нельзя. Всюду пешком. Пешком по истории...

...Январь 1943 года. Вместе с нашим корреспондентом Васей Коротеевым сижу на наблюдательном пункте артиллеристов. Коротеев до войны работал в Сталинграде секретарем обкома комсомола. Для него это родной город. Весть о каждом освобожденном квартале приводит его в дикий восторг.

Десять, двадцать, тридцать минут, час, другой гремит артиллерия. Немецкие позиции заволокло густой пеленой дыма. Наконец, когда канонада достигла апогея, заговорили «катюши».

Бой за Сталинград вступил в последнюю фазу. Линия обороны прорвана повсюду, и гитлеровцы отходят к городу. Балки, где только что были немцы, полны вражеских машин, танков, орудий и всяческого военного снаряжения.

Мороз градусов тридцать да еще с ветром. Мы стоим на высотке. Город словно на ладони. Видно, как подтягиваются наши войска.

На улице группа автоматчиков окружила пленного в немецкой форме — власовец. Оцепенел от страха. Все время повторяет: «Братцы мои, русский я, русский!» Подходит дряхлый, исхудалый старик, чудом оставшийся в живых. Автоматчики к нему: «Дедушка, рассуди. Русский ли это человек?» Старик долго всматривается в лицо пленного, тихо покачивает головой и говорит: «Нет, сынки! Это не русский человек...»

...Станция Садовая. Поселок превратился в какой-то приемочный пункт. Сотни, а затем тысячи немцев колоннами, во главе с унтер-офицерами, тянутся сюда сдаваться в плен. Над головами на палках белые флаги, сделанные из нижних рубашек или простынь.

Слушаю рассказ, как капитулировала немецкая дивизия генерала фон Дреббера.

К передовой подъехала машина с парламентером. Затем наш майор в сопровождении лейтенанта и семи автоматчиков пошел в расположение немцев. Штаб находился в подвале разрушенного дома. Генерал в русском полушубке поверх шинели сидел за столом. Комната полна офицеров. Когда наши вошли, все, кроме генерала, встали и взяли под козырек.

Генерал. Какие вы предлагаете условия?

Майор. Наши условия изложены в ультиматуме командования фронтом. Безоговорочная капитуляция. Сдайте оружие!

На глазах генерала слезы. Трясущимися руками он отстегнул пистолет и положил его на стол. Один за другим к столу стали подходить офицеры. Козыряли и складывали свои пистолеты.

Кольцо окружения все стягивается и стягивается. Бой идет в центре города. На берегу реки Царицы выстроился длинный ряд орудий. Артиллеристы прямой наводкой добивают остатки несдающихся гитлеровцев, а между пушек, не обращая внимания на огонь немцев, пляшет от радости Вася Коротеев.

Стихи волгоградцев

Михаил ШАПОВАЛОВ

ДЕРЕВЬЯ

Нашей школе
оказано было
доверие,
На кургане Мамаевом
мы
сажали деревья.
Рыли ямы,
потом
опускали в них
корни,
И за землю
держались
корни упорно.
По кургану
гуляли
весенние ветры.
А деревья
нам дали
молодые и тонкие.
И когда
мы несли их,
волновались девчонки.
— Осторожней,—
кричали,—
не сломайте ветви!..

На кургане Мамаевом
мы
сажали деревья.
А теперь
они выросли,
те деревья.
И зеленым флажком
на кургане
полощется
Совсем незнакомая
рослая рощица...
Я, конечно,
тогда понимал,
что мы делаем.
Но потом
это как-то
все позабылось.
А ведь в рощице
есть и мое
дерево,
В самой чаще
ее
притаилось.

Федор СУХОВ

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Поднялся́ на Мамаев курган,
С непокрытою встал головою
Отгремевшей войны ветеран,
Убеленный стальной сединою.

И стоит он, глаза опустив,
Чуть насупив тяжелые брови,
Может, бывший начдив иль комдив,
Что здесь пот или кровь свою про́лил.

А быть может, простой рядовой,
До сих пор не попавший в начальство,
Что ни разу с передовой
Даже к старости не отлучался.

Впрочем, кто бы он ни был, ему
Есть что вспомнить и есть что поведать,
Не кому-то, ему самому
Подала свои руки Победа.

Как желанно они горячи,
До чего они солнечны были,
Эти звонкого счастья лучи,
Эти руки, что мир весь взбодрили!

Обхватили цветы пьедестал
Над могилами павших героев.
Не нарушат немые уста
Обретенного на́век покоя.

Только горестно тронут сердца
На покатой вершине кургана
Не окрепшего в жизни юнца
И видавшего смерть ветерана.

Вас. ДЬЯЧЕНКО

НЕМЕЦКОМУ ДРУГУ

Вальтер Штокман, немец, коммунист,
Добрый и безжалостный, как истина,
Обними меня рукой единственной.
До чего ж ты крепок и плечист!

Вальтер, бывший рядовой солдат
Армии позорной и низложенной,
До сих пор в глазах твоих встревоженных
Горестно дымится Сталинград.

Я переступаю твой порог:
Русский гость сегодня в доме немца,
Где сошлись, как сходятся у сердца,
Боль и радость всех твоих дорог.

Нам с тобою долго говорить
О красивом городе над Волгой,
О стране твоей, свободной, вольной,
С чистым взглядом молодой зари.

Нам с тобою вспоминать о тех,
Кто с фашизмом долго насмерть бился,
Кто с большой войны не возвратился
До сих пор еще, как мой отец.

Это наша прошлая беда.
Ну, а как нам быть в таком вопросе:
Чтобы не взлетели в никуда
Юный Волжский и старинный Цоссен?

Ты, еще в войну прозревший, ты
Должен снять неверную, обманную
С глаз сородичей в другой Германии
Черную повязку слепоты!..

Говорят, время стирает все. Но бывают события, неподвластные времени. С годами они, как морщины на лице человека, становятся глубже и зримее...

Года два тому назад боннский канцлер Эрхард объявил об «окончании послевоенного периода». Но разве память выключают декретами?

У многих немцев, живущих по ту сторону Эльбы, год 1945-й и его предвестник — Сталинград вызывают до сих пор боль и горечь. Я видел стены в старых церквах с заклинаниями, нанесенными детской рукой: «Боже, сделай так, чтобы мой папа вернулся из-под Сталинграда»...

«Немец до сих пор не может переварить, как могло случиться, что его разбили «русские варвары»,— сказал мне однажды писатель Эрих Куби. Правда ли это? Как любое обобщение, оно не охватывает всей сложности жизни.

В мае 1945 года наши солдаты не встречали в Германии ни одного фашиста, который открыто признал бы себя таковым и был бы готов «умереть за идею». Фашизм уже не был идеей, и у него не было мучеников. Все тогда от него открещивались, как участники банды после ее разгрома. Даже Геринг в сорок пятом без малейшего сожаления снимал свои ордена на самой обычной кухне, у самой обычной плиты. И каждый спешил тогда сбросить с себя фашизм, как грязное белье с предательскими пятнами крови.

Недавно мне довелось познакомиться с воспоминаниями бывшего полковника Вильгельма Адама, личного адъютанта Паулюса, командовавшего шестой армией в «сталинградском котле». Адам приводит один из последних разговоров с Паулюсом:

«— Выстоять — это историческая задача шестой армии на Волге,— цитирует Паулюс первую фразу приказа Гитлера и добавляет: — У меня во всех отношениях связаны руки.

— Я понимаю вас, господин генерал. Но какой же смысл имеет это «выстоять» сейчас? Мы же не выберемся отсюда. Разве можем мы взять на себя ответственность за гибель целой армии?

— Но вы же знаете приказ. От того, сколь долго мы продержимся, зависит успех образования новых позиций на южном фронте.

— Прошло уже много недель после этого приказа. По-моему, он давно устарел.

Генерал несколько секунд смотрел на обитую досками стену блиндажа, затем повернулся ко мне и, поняв, что объяснения не устранили сомнений, продолжал:

— Вас не удовлетворил наш разговор. Я догадываюсь, о чем вы думаете. Вы сравниваете мою позицию с действиями Райхенау в прошлом году, когда он, вопреки приказу Гитлера, повел войска на прорыв из кольца на Донце. Но ведь я же не Райхенау».

Бывший помощник Паулюса приводит этот спор не ради поиска «военной истины». Вильгельм Адам преследует другую цель: «Он (Паулюс), я и большинство других крутились в те годы в зловещем дьявольском кольце. Райхенау или Паулюс — оба варианта были направлены на продолжение войны».

Кто осознал это, тот разорвал «дьявольское кольцо» германского милитаризма, для которого мир всегда был лишь передышкой между двумя войнами. Вильгельм Адам живет сегодня в Германской Демократической Республике...

Внутренние фронты между войной и миром не соответствуют государственным границам. На западном берегу Эльбы есть тоже свои «полковники», такие, как Вильгельм Адам. В их глазах Сталинград стал смертным приговором, вынесенным историей не только военной школе пруссачества. В немецком языке есть ужасная пословица: «Война — отец всех вещей». Для многих под Сталинградом лопнула и эта «премудрость», взращенная теми, кто смотрел на народ как на толпу резервистов.

В Дюссельдорфе, на площади Бисмарка, размещается правление Союза немцев, борющихся за единство, мир и свободу. Эта партия либеральной буржуазии, интеллигенции была основана бывшим канцлером Веймарской республики Иозефом Виртом. Сейчас ее возглавляет Иозеф Вебер. Он бывший полковник генерального штаба. Выходец из дворянской семьи, Вебер преодолел традиции извечных

STALINGRAD

Сталинград — с той стороны

поставщиков офицерства для кайзеров и фюреров. Много ли таких? Кто из них может сказать, что местом рождения их ненависти к войне был Сталинград? Такой официальной статистики нет в Западной Германии, где борцов за мир регистрирует лишь тайная полиция.

Каково же соотношение в Западной Германии между теми, для кого послушание — закон, и теми, для кого сопротивление милитаристам — историческая закономерность? Оно меняется, но в его колебаниях есть постоянная величина: «Сталинград». Он эталон расплаты за рабское подчинение для тех, кто и сегодня не прочь отправиться в поход на Восток.

В старом гарнизонном городе Минден — он опять стал таковым — случай свел меня с бывшим офицером генерального штаба. Местный журналист, познакомивший меня с ним, шепнул: «Он летал в Сталинград с последним приказом к Паулюсу».

— О, это было ужасно: оторванные головы, руки, торчащие из снежных сугробов, и грохот, грохот, грохот...— Мой новый знакомый вдруг осекся, видимо, сообразив, что мне-то об этом нечего рассказывать.

— Как же сейчас после Сталинграда вы смотрите на войну и мир?

Бывший генерал — после разгрома на Волге его повысили в чине — замахал на меня руками.

— Нет, нет, войны не будет!

— Но к чему же такие обширные военные приготовления?

— Это только для обороны. Да, да, для обороны. Вы не верите?

Я заметил, что Советская Россия никогда не нападала и поэтому непонятно, почему для обороны сравнительно небольших границ ФРГ требуется полумиллионная армия. Мой собеседник решил пустить в ход, видимо, свой последний аргумент:

— Вы поймите: сейчас для Запада война против Советского Союза — это безумие, а для нас — самоубийство. Будь она возможна, я бы первый взялся за оружие.

Он вновь осекся.

— Вы поймите меня правильно, ведь я же профессиональный военный.

Да, я его понял. Это один из тех, у кого «мундир всегда под кожей», и, пожалуй, впервые я физически ощутил, сколь необходимо сегодня наше военное могущество. Но насколько же велики были потрясения минувшей войны, если в головы вот этаких проникла мысль о том, что новый поход — это самоубийство. Но ведь они еще тешат себя надеждой на то, что им, быть может, когда-нибудь представится возможность «взяться за оружие».

Недалеко от Франкфурта, в захолустном городке, стоит каменная фигура гроссмагистра рыцарского ордена. Щупленький, с непомерно большим мечом, он, наверное, тоже после Ледового побоища на Чудском озере мечтал о новых крестовых походах... О неприступный берег Волги разбился «дранг нах остен» XX века...

Средневековая Германия была классической страной алхимиков. Они искали золото — благородный металл. В Западной Германии все послевоенные годы господствовала иная школа алхимиков. Взбалтывая антикоммунизм с остатками расизма, они обращали горечь и боль от потерь минувшей войны в ненависть, в яд реванша. Удалось ли это? Думается, что «благородного металла» они не получили, как и их средневековые предшественники. На поверхность реваншистской реторты всплывает пока лишь мусор нации.

В. МИХАЙЛОВ

Бонн.

Франц ФЮМАН
(ГДР)

Нибелунги

Добыча червей, чернозема,—
выкормыши элиты
лежат вдалеке от дома,
прóкляты и забыты,
лишь вороньем воспеты,
воспитанным их мозгами,
и злые ржавые ветры
их прах занесли снегами.

Где страны, что их рождали?
Страны эти вдали.
Кто гнал их в чужие дали?
Они за фюрером шли,
сулившим почет за рвенье
и награду за ратный труд.
Они родились на Рейне
и на Дону гниют.

Но там, где они ступали,
трава не могла расти,
и виселицы встали
вехами их пути.
Слов о славе и чести
назойливый треск утих,
нажива — цель этих бестий,
и подл фанатизм их.

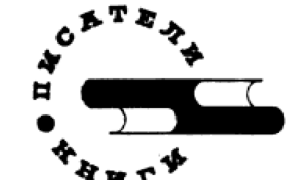
Слова, слова-лицемеры,
исчерпаны лжи рудники;
исподтишка изуверы
вонзали в друзей клинки.
Чужой наслаждаться мукой,
у брата отнять кров —
дела их, тому порукой
вождя и Валгаллы зов.

Они шли, как страшные вьюги,
и тлеют у дальних границ,
воинственные нибелунги,
династия убийц.
Они поросли травою,
и сорван их черный стяг,
и прóкляты все герои
зовущих к разбою саг.

А попранный луг зеленеет,
и вновь встают города,
сиренью с берега веет,
и нет от крови следа.
Склонился пахарь над пашней,
чтоб колос родился в срок.
Быть подлой сказкой вчерашней —
таков нибелунгов рок.

Перевел с немецкого
В. Куприянов.

ПОСТУПЬ СОЛДАТА

Новая книга стихов и поэм Михаила Горбунова «Березка на камне» раскрывает перед читателем образ «человека с ружьем». Название книги в этом смысле очень символично. Камень — это невзгоды военной поры, березка — это символ мира, жизни, радости и любви. По своему творческому характеру М. Горбунов — поэт лиро-эпического склада. Его тяготение к сюжетно-повествовательной манере письма расширяет возможности его дарования. М. Горбунов стремится к тому, чтобы у строки была широта звучания, чтоб за ее словесным начертанием был виден смысловой горизонт, чтоб метафоричность художественного образа не заслоняла его идейной нагрузки. Каждое его стихотворение пронизано доверительностью и откровенностью, лирической задушевностью и глубинным пониманием насущных проблем современности.

Встань,
войны торжественная мета.
Время,
перед памятью замри...
Двое
у разбитого лафета
под тяжелым знаменем
зари,—

и дальше стремительно раскрывается картина, полная батального трагизма. Поэт не показывает «сам момент» боя. Да это и не нужно. Мы и так четко видим характер и размеры поединка советских артиллеристов с фашистскими танками, видим и его героический финал — «четыре длинных черных дыма, как удавы, ползают вдали». Кто они, эти батарейцы? И поэт нам говорит, что один из них совсем мальчик, к щеке которого еще не прикасалась бритва, и другой — широкий, седоглавый, кавалер солдатского ордена Славы. Это стихотворение значится в сборнике под тремя традиционными звездочками, а я бы назвал его «Отец и сын».

Одно из заглавных стихотворений сборника «Березка на камне» названо «Год рождения 1924-й» и носит биографический характер целого поколения, на плечи которого легла самая суровая ноша войны. Многим из них в последний раз ложилась под строевой шаг в учебных ротах рыжая осенняя замять сорок второго года. Но те, кто навеки уснул, погасив своим сердцем осколочный ветер войны, всегда будут жить в памяти благодарных потомков. О них — о своей солдатской юности — пишет М. Горбунов, пишет поэтично, ясно, мужественно.

Раздел сборника «Поступь» посвящен будням нашей армии, совершенствующей свое боевое мастерство. И опять в центре — рядовой солдат. М. Горбунов находит для него новые краски, новые образы.

Николай АГЕЕВ

Михаил Горбунов. Березка на камне. Военное издательство Министерства обороны СССР. 1967.

ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

Вышел в свет роман Геннадия Гончаренко «Разгром», завершающая книга трилогии «Годы испытаний», о трагичных и мужественных 1941—1943 годах Великой Отечественной войны.

Воинская основа романа «Разгром», как и двух предыдущих книг трилогии, правдива и исторична. Первые же страницы вводят читателя в ставку Гитлера в Берлине, где идет обсуждение новых планов захвата Сталинграда и намечаются строгие сроки его падения.

А генералы, прибывшие с фронта, хорошо знают, что сопротивление русских войск под Сталинградом с каждым днем и часом нарастает. Именно в этот период Ставка Советских Вооруженных Сил разрабатывает замысел об окружении и уничтожении у стен Сталинграда группировки немецко-фашистских войск.

Соблюдая подлинность исторических фактов, писатель вводит в роман представителей Ставки — Жукова Г. К. и Василевского А. М., прибывших на Сталинградский фронт. Они готовят совместно с командующими фронтов, армий, корпусов и дивизий эту грандиознейшую стратегическую операцию и впоследствии непосредственно руководят ею до полного разгрома врага.

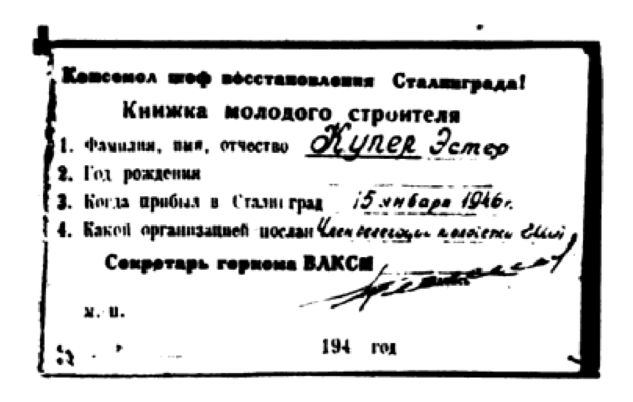
Центральной фигурой романа, как и в предыдущих книгах, остается тот же Канашов, начавший войну подполковником и выросший под Сталинградом до генерала, командира корпуса, Героя Советского Союза. Читателя не в меньшей мере волнуют судьбы и других героев: командира полка Миронова, его брата Евгения, дочери Наташи, погибающей на боевом посту, врача Аленцовой, ординарца Каменкова, заслонившего от пули своего командира...

Автору удалось в образах героев — солдат и командиров — многосторонне и масштабно показать народ на войне, раскрыть, как постепенно освобождается наш воин от благодушия, как мужает и закаляется он в ожесточенных сражениях.

Н. БОГДАНОВ

Геннадий Гончаренко. Разгром. Военное издательство Министерства обороны СССР. 1967.

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

Комсомол шеф восстановления Сталинграда!

Книжка молодого строителя

1. Фамилия, имя, отчество Купер Эстер
2. Год рождения
3. Когда прибыл в Сталинград 15 января 1946 г.
4. Какой организацией послан

Секретарь горкома ВЛКСМ

М. П.

194 год

В Краснооктябрьском районе нашего города рыли котлован под фундамент нового дома. Экскаватор зачерпнул ковшом, и неожиданно открылась могила советского воина. Останки погибшего в боях за Сталинград перенесли в братскую могилу на Мамаев курган, и, может быть, никогда не узнали бы его имени, если бы в могиле не нашли медаль «За отвагу» № 85691. Медаль принесли в музей, и довольно скоро мы установили, что выдана она была узбеку Шамсутдину Маджитову, командиру отделения 124-й стрелковой бригады. В наградном листе сказано, что «9 сентября 1942 года в боях за Сталинград, в районе Городища, тов. Маджитов огнем своего автомата остановил атакующих бандитов и уничтожил восемь пьяных фашистов. Под прикрытием его огня стрелковое отделение заняло новые позиции. При его участии 17 сентября было взято в плен пять фашистов».

В Музее обороны около полутора тысяч экспонатов, и за каждым из них — судьба человека, сложная, прекрасная, героическая, а порою и трагическая. Разными путями приходят в музей экспонаты. За одними мы «охотимся» годами, другие являются сами. Я расскажу о некоторых последних наших приобретениях.

«Книжка молодого строителя Сталинграда». Она прибыла... из Америки. Как-то в музей пришла группа американских туристов. Среди них была Эстер Купер-Джексон. Она сказала, что двадцать лет назад вместе с делегацией молодых американцев приезжала в наш город и даже помогала восстанавливать его, работала в бригаде каменщиков Нины Миляевой. А через некоторое время из США пришел пакет. В нем — «Книжка молодого строителя», выданная Эстер Купер, и фотография, на которой изображены члены молодежной делегации США на стройке.

Еще один документ: рисунок немца, достаточно выразительно запечатлевший бедственное положение гитлеровских вояк, попавших в окружение. Автор изобразил Сталинград в виде огромного котла, куда сверху, с самолетов, на парашютах спускаются ящики, мешки с продовольствием и... лошади — явный намек на голод, при котором осажденные рады были бы и конине. Рисунок получен от московской студии телевидения, а ей прислали его из Подольска. Но кто его автор, как и почему он оказался в Подольске, нам до сих пор установить не удалось.

Работники музея ведут большую работу по розыску материалов, относящихся и к периоду Октябрьской революции, гражданской войны.

Так, например, нам было известно, что первым председателем исполкома большевистского Совета города был Яков Зельманович Ерман — пламенный большевик, превосходный оратор, талантливый организатор. В 1918 году он был убит врагами революции при возвращении с V Всероссийского съезда Советов. Шел ему двадцать третий год. Наши сотрудники нашли его сестру — С. З. Ерман, и она передала музею ценные подлинные документы: мандат ЦК РСДРП за подписью Е. Стасовой от 8 марта 1918 года, в котором сказано, что ЦК поручает товарищу Якову выступать от имени партии и защищать ее программу, делегатский билет на II Всероссийский съезд Советов, членский билет Царицынской организации РСДРП.

В приказах Реввоенсовета республики от 7 сентября 1922 года в числе награжденных высшей в то время наградой Советского государства — орденом Красного Знамени, значится участница обороны Царицына — Наталья Федоровна Бочкова. Кто она? О ней ничего не было известно. И вот начались упорные, кропотливые поиски. Очень сложными путями удалось выяснить, что Наталья Федоровна живет в Керчи. Она пенсионерка, инвалид гражданской войны. Во время обороны Царицына служила сестрой милосердия на бронепоезде «Коммунист». Однажды вместе с бронепоездом «Коммунист» бой против белых вел бронепоезд «Гром». Схватка была жестокой, раненых много. Наталье Федоровне приходилось несколько раз под непрерывным огнем противника переходить с «Коммуниста» на «Гром» и обратно. Она сама была тяжело ранена, но ничто не могло заставить ее покинуть свой пост.

Нам удалось с помощью пенсионерки Е. Г. Демидовой, служившей в 10-й армии, оборонявшей Царицын, получить фотографию Н. Бочковой тех лет. Сейчас эта фотография — в экспозиции нашего музея.

Директор Музея обороны Волгограда
Г. ДЕНИСОВ

Делегация молодежи США на строительстве дома.

„ЗА ОТВАГУ" № 85691

Я. З. Ерман.

Н. Ф. Бочкова.

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

КТО ПРОДОЛЖИТ РАССКАЗ?

В прошлом году в нашем городе группе участников Великой Отечественной войны вручались правительственные награды. Среди награжденных был Федор Михайлович Чусов, удостоенный ордена Отечественной войны 2-й степени. Я спросил у офицера Катав-Ивановского горвоенкомата Г. И. Карнаухова: «За какие заслуги награжден Федор Михайлович?» Вот что он рассказал:

— У этого человека интересная судьба. В одном из номеров «Огонька» за 1965 год была опубликована заметка «Кто продолжит рассказ?». Автор, подполковник милиции Кречет, писал, что у него более двадцати лет хранится кем-то наспех составленная схема обороны железнодорожного узла Сталинграда. Схему нашли в залитой кровью полевой сумке. Там же лежал листок бумаги, на котором были записаны фамилии девяти бойцов и трех командиров. Среди героев, оборонявших железнодорожный узел Сталинграда, был и наш земляк, Чусов, которому недавно вручили орден. Вы можете с ним познакомиться, сейчас он живет в селе Тюбелясы.

Вскоре я попал в это село и, конечно, побывал у Чусова. Встретил меня еще не старый человек, сухощавый, высокого роста. Я попросил его подробнее рассказать о ратных делах.

...В первый же год войны вместе с другими колхозниками из Дуванского района Башкирии Федор Михайлович ушел в армию. Участвовал в освобождении города Калинина, потом — под Ржевом — был ранен. Отлежавшись в госпитале, старший сержант Чусов снова отправился на фронт защищать Сталинград.

Бывший пехотинец стал наводчиком-артиллеристом, и вскоре вновь сформированные артиллерийские расчеты под прикрытием ночи были переброшены на огневые позиции в район обороны железнодорожного узла.

— Горячие были дни,— вспоминает Чусов.— Сплошной гул стоял на Волге от беспрерывных бомбежек, грохота танков, пулеметной трескотни, артиллерийских залпов. Шесть яростных фашистских атак пришлось выдержать нашей батарее. Вечером на позицию пришел командир, старший лейтенант Стасюков, и сообщил нам, что насчитал против наших позиций 32 подбитых вражеских танка.

Командир похвалил нас, записал наши фамилии и сказал, что представит к награде. Вскоре меня тяжело ранило. В сознание пришел только на седьмые сутки. Три месяца говорить не мог. Выйдя из госпиталя, был демобилизован по инвалидности. Это было в 1944 году.

— Федор Михайлович, вы хорошо знаете бойцов и командиров, которые упоминаются в журнале «Огонек»? — спросил я.

— Были мы вместе недолго и потому узнать друг друга как следует не успели. Знаю только, что Петухов и Шаяхметов — мои земляки, из Башкирии. А лейтенант Шпанюк и младший лейтенант Ямов незадолго до этого прибыли из суворовского училища.

Вот то немногое, что мне удалось узнать у старого солдата о людях, героический подвиг которых был описан в «Огоньке». Видимо, вопрос не снят: кто продолжит рассказ?

Ф. КОПЫРКИН,
редактор городской газеты «Авангард»

Катав-Ивановск,
Челябинской области.

Николай БЫКОВ

ОГНИ ВЕЧНОГО ДОЛГА

Я только что вернулся из Волгограда. Город имени великой нашей реки и сам похож на могучую реку. Ее главное русло — проспект имени Ленина, до краев наполненный живым потоком рабочего люда, автомашин, трамваев. Вечером, когда зажигаются огни, а светофоры напоминают красные и зеленые бакены, сходство города с рекой усиливается еще больше.

Людское течение выносит меня на площадь Павших борцов. В январе здесь кружилась под негромкую музыку елка, наряженная в разноцветные огоньки, и дети еще не насытились ее праздничным присутствием в их городе и каждое утро затаскивали в этот сказочный уголок своих взрослых.

В инее провода,
В сумерках города,
Вот и взошла луна,
Чтобы светить всегда...—

тоненько поет пятилетняя Аленка, пританцовывая вокруг дедушки.

Аленкин дедушка Василий Кириллович на вид совсем еще молодой. Но когда мы заговорили о минувшей войне, выяснилось, что Василий Кириллович артиллерийским офицером побывал в самом начале мая 1945 года в гулких подвалах фашистского рейхстага...

Такой уж это город — куда бы ни пошел, с кем бы ни заговорил, война напоминает о себе. Но мне хотелось узнать побольше о нынешнем городе, о самом будничном, о негероических, быть может, на вид героях строящегося города. И Василий Кириллович Чистилин, все тот же дедушка Аленки, девочки с большими, умеющими разговаривать глазами, с готовностью поведал о делах на своем керамическом заводе. И вдруг он опять упомянул к слову Берлин. Как так? А как же, Василий Кириллович только-только вернулся из гостей — он был в ГДР по приглашению своих старых друзей: ведь артиллерийский капитан Чистилин по образованию инженер и за орудия встал только по великой нужде. Но едва затихли последние залпы, он снова носился по холодным цехам разбитого завода — нет, не на опаленной Волге, а там, в Галле и в его окрестностях. Был, оказывается, двадцать лет назад дедушка Чистилин директором сразу нескольких цементных заводов, там помогал он молодым немецким товарищам восстанавливать промышленность их будущей республики. И друзья не забыли его, пригласили на празднование 50-летия Советской власти.

Вот он какой, Василий Кириллович, участник штурма Берлина! А вот Аленка ничего этого не знает, знает только, что дедуля добрый...

Нет, положительно нельзя в этом городе забыть войну... Работают на «Красном Октябре» четыре брата Гончаровых. Хорошо работают. Ведут в три смены разговор с большим огнем металлургии. Сталь варят, выдают прокат. Сто миллионов тонн стали в юбилейном году — это и их тонны! И казалось бы, ничто не связывает, например, младшего брата, Михаила, с войной. Маленький его домик (правда, у самого подножия Мамаева кургана) тесноват вообще, а еще в нем тесно от книг: и папа-рабочий и сын-второклассник учатся. А над письменным столом фотография и подпись: «Дорогой дедушка Петя, ты был отважным героем». Дедушка Петя... На выцветшей фотографии нестарый, но, видать по усам, бывалый солдат, известный снайпер Герой Советского Союза Петр Алексеевич Гончаров. Признание отмщенной Родины. Признание внука, которого так и не увидел молодой дед. Что дороже? Дороги оба признания...

— Миша, ты помнишь отца?

— Смутно. Я маленький был. Знал, что он забегал домой, когда здесь кольцо замкнули. Мама с нами в Рынóк отсюда перебралась, там в какой-то норе она спасала нас, четверых... Отец тогда уже гремел по всему фронту, а всего он более четырехсот фрицев уложил...

— Четыреста сорок пять! — вставил слово Андрей.— У нас в городе есть улица имени дедушки Пети.

Улица Гончарова... Нет, этот город никогда не забудет той войны. И если на «Красном Октябре» говорят с гордостью о братьях Гончаровых: о Федоре, бригадире электриков, о крановщике Владимире, о Викторе, мастере с высшим образованием, о подручном сварщика из цеха блюминга Михаиле,— то обязательно к их достоинствам добавят святое: «Сыны нашего рабочего, вырубщика Петра Гончарова, героя войны...»

Я иду проспектом Ленина, сворачиваю к Волге. Хочу уйти от войны. Мальчишки лезут по развороченным балкам мертвой мельницы, знаменитой мельницы на берегу реки, мельницы, оставленной нетронутой, такой, какой вышла из битвы. Учитель остался внизу, стоит, задрав голову, прислушивается к ребячьим голосам, волнуется...

А над Волгой зарево. Огни города, похожего на могучую бурную реку. Пристани — это заводы: «Красный Октябрь», завод бурового оборудования «Баррикады», знаменитый Тракторный. А еще завод тракторных деталей и нормалей, где работает ювелир-шлифовщик Герой Социалистического Труда Н. И. Терещенко, а еще завод синтетического каучука и Волгоградский завод стройматериалов, и шинный, а еще... Гудом полнится река жизни в рабочем городе.

...Угол Гагарина и Краснопитерской. Над волжским обрывом поднята на пьедестал зеленая башня танка. Ствол пушки смотрит на главное русло города-реки. «Здесь начинался передний край обороны 13-й гвардейской дивизии...» Здесь? У самой Волги? Сколько же шагов они не дошли? Не доползли?.. Дети с визгом летят от зеленой башни вниз — к Волге — на санках!..

А рядом булочная и мемориальная доска. Тут была центральная переправа... Та самая переправа — под огнем! Дом № 33. А в доме № 31 живет человек, который очень любит детей, который всегда — после самой войны,— всегда с ними. Минер и разведчик, кавалер всех трех степеней ордена Славы , а ныне начальник пионерского лагеря Николай Петрович Красюков. Он живет как раз там, где была центральная переправа, у самой Волги, откуда начинался его военный путь до Праги. Но вначале Николай Петрович в разбитом городе отбивал у врага камень за камнем. Он дрался у переправы, первым лез в огонь на вокзале и только потом пошел с фронтом дальше, дальше... Теперь он всегда с детьми из Бекетовки, в пионерлагере имени 81-й гвардейской дивизии! Его дивизии...

И дети здесь говорят о войне, и улицы, и дома. Город и река не дают забыть о войне, нет такой улицы, чтобы можно было уйти в тишину. На завод? Там музей обороны «Красного Октября». В универмаг забежать? Но теперь все уже знают, какие события разыгрались в подвалах универмага в конце января и начале февраля 1943 года. Двадцать пять лет назад!

«Вот и взошла луна, чтобы светить всегда»,— поет Аленка, девочка с глазами, которые умеют так много рассказать. Но не слышит ее дедушка Василий Кириллович, сидит над словарем, складывает по словам ответ товарищам в ГДР... А над городом действительно взошла луна. И звезды над Волгой. И негасимый огонь на площади Павших борцов. И почетный караул пионеров возле того огня — пост № 1. Первый боевой пост в жизни. Родина доверила. А где-то в маленьком домике на дальней окраине города, растянувшегося вдоль реки, горит свеча. Уже поздно, но мама Олимпиада Андреевна не спит. И, чтобы не тревожить своих домашних вспышкой электрического света, она зажгла свечу и смотрит на фотографию. Николай на ней совсем маленький. А погиб он, когда ему было уже девятнадцать. Заткнул яростью своей, своею жизнью хлеставшую свинцом вражескую амбразуру. Было это ровно четверть века назад. Еще в январе, до подвига Матросова. На фотографии — Герой Советского Союза Николай Сердюков, мальчишка, который никогда так и не видал, какая она — Золотая Звезда Героя...

Я только что из этого города, я видел его огни — огни памяти и вечного долга живых перед мертвыми.

Маргарита АГАШИНА

МАЛЬЧИШКАМ ВОЛГОГРАДА

Горит на земле Волгограда
Вечный огонь солдатский —
вечная слава тех,
кем фашизм, покоривший Европу,
был остановлен здесь.

В суровые годы битвы
здесь насмерть стояли люди —
товарищи и ровесники
твоего отца.

Они здесь стояли насмерть!
И были средь них солдаты —
мальчишки в серых шинелях,
наши простые мальчишки,
немного старше, чем ты.

К нам приезжают люди —
жители всей планеты —
мужеству их поклониться,
у их могил помолчать.

И пусть эти люди знают:
Вечный огонь Сталинграда
не может померкнуть, пока
живет на земле волгоградской
хотя бы один мальчишка!

Запомни эти мгновенья.
И если ты встретишь в жизни
трудную минуту,
увидишь друга в беде
или врага на пути,—
вспомни, что ты не просто мальчик,
ты волгоградский мальчишка,
сын солдата,
сын Сталинграда,
капля его Бессмертия,
искра его Огня.

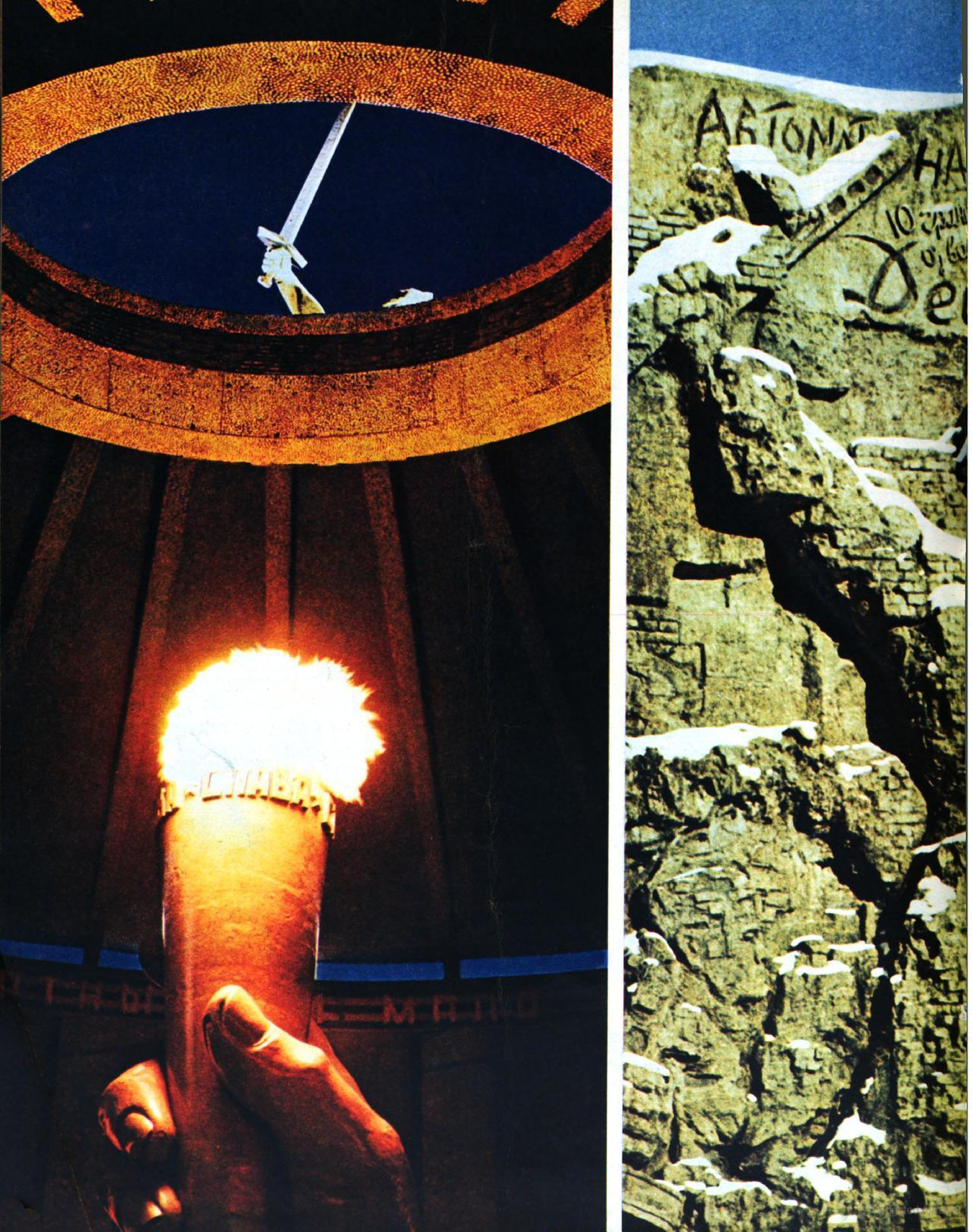
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

А рядом — пост № 1, почетный караул пионеров у Вечного огня.

Огни «Универмага». Здесь 25 лет назад в подвале был пленен штаб немецко-фашистской армии.

Родина помнит. Мать помнит.

Еще одна примета мирной жизни Волгограда: планетарий, «звезды» на небосклоне...

...И вечен огонь мартенов.

Действие нового романа Николая Горбачева «Дайте точку опоры» вводит в атмосферу тех лет в истории Советской Армии, когда в военном деле совершалась революция: на смену старой технике бурно и властно шла новая — ракетная.

Николай ГОРБАЧЕВ

Рисунок Ю. ВЕЧЕРСКОГО.

Сняв светло-серую габардиновую тужурку и оставшись в легкой шелковой форменной рубашке, Янов обернулся, провел рукой по ежику коротких, под машинку стриженных волос — привычка, выработанная годами.

Майор Скрипник, адъютант, вытянувшись у двери, ждал обычных утренних вопросов.

— Что нового? Кто звонил?

Вопросы и распоряжения следовали вперемежку, и адъютант знал: ответы на них нужно давать лаконичные, иначе маршал насупится, в сердитой задумчивости примется теребить бровь.

— ...Звонил генерал Сергеев, хотел уточнить детали о составе и планах Государственной комиссии по «Катуни». Позвонит вам. Справлялись из военно-промышленной комиссии...

— О чем?

— Не знаю. Тоже позвонят.

И замолчал, думая о том, что настроение маршала чем-то омрачено: в глуховатом голосе резковатые нотки. А ему, Скрипнику, надо знать причину. Для него этот невысокий стриженый хмуроватый человек значит больше, чем просто начальник... Что у него? С Ольгой Павловной хуже?

Адъютанту показалось на мгновение, что маршал прочитал его мысли. Янов глухо и негромко сказал:

— Хорошо. И пошлите машину за врачом к Ольге Павловне.

— Есть!

Адъютант готов был повернуться, рука легла на дверную ручку, но Янов вновь взглянул на него колюче и строго, будто на провинившегося.

— Читали, товарищ Скрипник, что сегодня американский патрульный бомбардировщик уронил в океан атомную бомбу? Понимаете, что означает «холодная война»?

— Означает, что от холодной до горячей один шаг.

— Вот именно! — Янов раза два затянулся, не поднимая головы, в раздумье проговорил: — Ну, хорошо... Пожалуйста. Свободны.

Оставшись один, Янов в той же позе, стоя у стола, оглядел большой кабинет.

Все здесь привычно и неизменно, как было вчера, месяц назад и даже год. Взгляд маршала скользнул, не задержавшись ни на чем. По какой-то неведомой ассоциации припомнился взгляд адъютанта. Как он смотрел? С болью и жалостью...

Боль и жалость. Они у Янова от иного: от смрадного и муторного духа войны, которым, ему казалось, уже веяло из тревожных сообщений газет и с белых плотных листов бюллетеней. Да, ему кое-что видится иначе, чем другим. Пожалуй, так. И в этом весь смысл и вся особенность его положения...

Вот говорят о революции в военном деле. И она, верно, идет, иначе не может быть. Сегодня там же, в газете, вычитал... Веление времени! Видно, «Катунь» имел в виду, новую ракетную систему.

В затылке дернуло, заломило. Янов вытащил из кармана продолговатый флакон — теперь он всегда носил его с собой, — высыпал на ладонь две бесцветные маленькие, как пуговки, таблетки.

Но ее, революцию-то, надо еще совершить! В этом главное!

Война... Это слово пугало его тем, что за ним тотчас чередой вставали леденящие душу картины, которые видел на пути от западных границ до Волги и обратно. Под Сталинградом... В напряженные и трудные дни он приехал туда: казалось, вот-вот оборвется, словно перенапряженная струна, оборона у Волги. Бои перекинулись в корпуса Тракторного, кое-где фашистские автоматчики прорывались к обрывистому берегу реки, и, пожалуй, не было непростреливаемой полоски между передовой и берегом, не простреливаемой не только артиллерией, минометами, но и «трескунами» — автоматчиками. Здесь он услышал эту кличку и понял по своему многолетнему опыту: коль русский человек стал подсмеиваться, иронизировать над противником в крутые и опасные дни, значит, рассеялся страх отступления, значит, хватил солдат, как тот сказочный богатырь, силенок от земли-матушки. Закрыв глаза, он отчетливо представлял: Сталинград — всего махонький кружочек на огромном теле России, и к этому кружочку от многих других точек тела бегут торопливые лучи жизни — эшелоны, машины, обозы, сосредоточиваются несметные людские силы.

Командный пункт фронта размещался в крутояре берега. Саперы потрудились на совесть: под толщей вязкой, глинистой земли — лабиринты ходов, отсеки, комнаты, даже залы, главные и запасные выходы. Тут было спокойно. Спокойно, если не считать, что всякую секунду возникали неожиданности: срочно дать подкрепление — на правом фланге «трескуны» опять попытались прорваться к берегу; у трамвайной линии надо выровнять переднюю линию обороны; подбросить «портовикам» «огурцов» или «арбузов». Словом, спокойствие было сугубо относительным.

Его, Янова, отговаривал седой генерал, командующий артиллерией: зачем лезть на передовую — все необходимые данные представят сюда. У генерала — сухощавое, без морщинки, интеллигентное лицо; эту интеллигентность подчеркивали очки в тонкой золоченой оправе. Он когда-то вместе с Яновым заканчивал «дзержинку», хотя в ту пору они мало знали друг друга — учились на разных курсах. Но встретились по-дружески, и, видимо, на правах старого знакомого тот считал своим долгом уберечь представителя Ставки от случайностей. Но Янов настоял на своем, попросив дать ему в провожатые посмышленее офицера из штабарта, хорошо знающего обстановку и позиции. Генерал сквозь очки взглянул на него, но тут же опустил красноватые от усталости веки и встал, высокий, прямой. «Извините, но я не могу подвергать вас опасности без санкции Военного совета и командующего фронтом. Доложу». Янов тогда усмехнулся: «Пожалуйста». Нет, он не осудил генерала: случись что с ним, представителем Ставки, тому несдобровать.

Все, конечно, тогда разрешилось в его, Янова, пользу. Провожатым оказался майор Сергеев, высокий, под стать своему генералу, ходил ровно бы на ходулях. Да, тогда еще майор...

Картина мертвого, разрушенного города потрясла Янова. Собственно, города не существовало: горы развалин, кое-где еще вздымались в белесое, холодное и низкое небо коробки домов со срезанными крышами, облупившиеся, щербатые, с проломанными боками, изъеденными пулями, будто оспой; оконные пустые проемы зияли, точно глазницы; печальные остовы заводских корпусов с обнаженными ржавыми переплетами походили на гигантские скелеты неведомых доисторических животных, уже тронутые неумолимым временем.

На Тракторном передовая подходила почти вплотную к командному пункту дивизии, тоже вгрызшемуся в яр. Трескотня слышалась в двух сотнях шагов, наверху, среди умолкших, мертвых цехов, и командир дивизии, полковник — левая кисть была у него перемотана грязным, размочаленным бинтом — даже тут, в отсеке под землей, увешанный гранатами, автоматом, пистолетом, пояснил: «Случается, из блиндажа и сразу наверх — отбивать автоматчиков».

Облазив передовую и возвращаясь назад, неподалеку от КП в ярке, — по дну

его щетинился квелый, подсеченный и потемневший от холода бурьян,— они наткнулись на группу подростков, грязных, худых и оборванных. Ребята, одетые в потрепанные пальто, закутанные в материнские полушалки, ели из солдатских котелков; горка наломанных ноздревато-черствых кусков хлеба возвышалась на мешковине в центре. Возле ребят сидел старшина из комендантского взвода — должно быть, приписник, с рыжеватыми, подкуренными усами, в шинели и примятой на один бок командирской фуражке. Он поднялся с земли, заприметив у подошедших Янова и Сергеева под солдатскими накидками далеко не солдатские шинели, а на Янове, кроме того, новенькие, нефронтовые сапоги — генеральские «бутылки». Маленькая девочка, ближняя к старшине, выделялась особенной худобой: личико будто подернуто солончаковой коркой, щеки впали, глаза из синеватых ям смотрели неотрывно, не мигая, только на хлеб. Она сосредоточенно ела, приход незнакомых людей не отвлек ее. Поношенная, застиранно-белесая телогрейка с закатанными рукавами висела на плечиках, точно на огородном шесте. Она медленно пережевывала хлеб, обхватив кусок обеими руками. Щемящая тоска сжала сердце, и Янов задержался в ярке, возле ребят. Старшина, по-военному подсобравшись, ответил на его вопрос: «Как есть перед утром обнаружились... Оттуда, из Гавриловки, пришли! — И он метнул на сидевших ребят удивленный и счастливый взгляд, уверенно добавил: — Ночью переправим за Волгу. Определятся. Жить будут».

Покинув ярок, Янов с майором спустились в подземелье КП, а несколькими минутами позже начался беглый, беспорядочный обстрел из минометов. «Для страху садит»,— проговорил солдат-связист. А потом кто-то вошел за дощатую переборку, горько сказал: «Там ребят побило и старшину Евлакова, мина в точности угодила».

Побледнев, Янов торопливо вышел из блиндажа. Двух ребят унесли — их тяжело ранило,— четверо лежали на том месте, теперь уже навечно, и среди них сосредоточенно евшая хлеб, в мешковатой телогрейке девочка... Голова в полушалке чуть запрокинулась, в строгости застыли глаза, устремленные в невысокое, придавленное небо, будто очень хотели разглядеть, что там, за предзимней неласковой хмурью. Хлеб так и остался зажатый в ее окаменевшей левой руке. Лежал рядом и старшина — без фуражки, шинель растерзана в клочья, залитое кровью лицо уткнулось в стылую и черную землю, примяв опаленные гарью, жесткие, ссеченные будылины. Мина шестиствольного миномета угодила именно сюда, в узенький коротышку-овражек, приютивший детей.

И хотя Янов отчетливо мог представить, что в войне и до и после того памятного случая гибли десятки тысяч детей, но вот эти ребята, чудом пробравшиеся через передовую, когда спасение было близким и был хлеб в их руках, эта девчушка с зажатым куском остались в его памяти навсегда...

Захваченный воспоминаниями, такими отчетливыми, нисколько не притушенными, ровно их не коснулась всесильная забывчивость, он не заметил, что уже отрешился и от этой почти во всю стену карты, и от потоков света, предвестников жары и духоты, от глобуса на блестящих шарах в чугунной подставке.

Янов вздрогнул: обожгло болью пальцы правой руки. Окурок сигареты дотлел до самого ободка мундштука. Ткнув его в пепельницу, подумал: «Зря курю... Врачи не разрешают — гипертония!» И теперь только почувствовал на лбу клейкую испарину. От жары, что ли? Уже с утра дает о себе знать. Сердце? «Впрочем, ерунда все эти симптомы! — упрекнул себя.— Раскис, рассолодел!»

Янов сел к столу, дотянувшись, нажал кнопку. Распахнулась дверь — майор Скрипник встал у порога.

— Слушаю.

— Дежурного генерала, пожалуйста.

— Ждет в приемной.

— Хорошо. На десять часов прошу пригласить ко мне генералов Василина и Сергеева. Предупредите: разговор пойдет о «Катуни».

— Есть! — Адъютант помедлил, словно раздумывая, сказать или нет, и, когда Янов поднял глаза, сказал: — Вы просили вчера напомнить о новом офицере — инженер-подполковнике Фурашове.

— Хорошо. Спасибо. Скажу, когда пригласить.

* * *

Поджарый, ослепительно сверкающий серебристый «ИЛ-14» распластался на стоянке. Фурашов рассеянно наблюдал за последними приготовлениями экипажа и невольно перебирал в памяти ту первую встречу с маршалом Яновым. Сколько утекло с тех пор? Времени не так много, но событий... Тогда он, Алексей, прибыл в Главный штаб, к новому месту службы. Прибыл из Знаменска. А теперь он уже командир одной из первых ракетных частей и должен через несколько минут лететь в Знаменск — вот только подъедет маршал...

У самолета толпились генералы, полковники — некоторых Фурашов не знал, видел впервые.

Маршал подъехал за десять минут до отлета.

Оживленно здороваясь, глуховато, отрывисто что-то говорил, невысокая его фигура за выстроившимися генералами не была видна Алексею. Но вот он, здороваясь с генералом, взглянул в сторону Фурашова. Упрямые, колючеватые глаза под фуражкой дрогнули веселой добринкой.

— А-а, Фурашов! — Подойдя, подал руку, не очень твердую, но энергичную.— Здравствуй, командир! Небось, в шесть выехал? С пяти на ногах?

— Точно! — улыбнувшись, пробасил подошедший генерал Сергеев. В плащ-пальто он выглядел высоким, могучим. Вся группа передвинулась за маршалом, обступила теперь Янова и Фурашова. Сняв светлую, под цвет тужурки, габардиновую фуражку, Янов провел платком по голове.

— Как, не пора там?.. Экипаж?..

Чернобровый капитан-летчик в кожаных сапогах, перетянутых ремнями под коленками, выступил вперед, доложил:

— Самолет к полету готов, товарищ маршал!

— Ну, пожалуйста.

Алексей устроился в последнем ряду, у бортового круглого иллюминатора. Откидное кресло под белым отутюженным чехлом мягко скрипнуло пружинами. Да и весь самолет был белый, чистый, словно только

из заводского цеха,— самолет Главкома. Впереди справа белая штора отгораживала часть кресел — салон для начальства.

Шагая по проходу, Янов глуховато спрашивал летчика:

— Куда, командир, идти? Здесь?

У белой шторы обернулся, взглянул весело на заполнявшиеся ряды — позади него спокойно возвышался под самый потолок генерал Сергеев,— к нему и обратился шутливо Янов:

— А Фурашова... представителя войск, не потеряли?

Алексей поднялся неловко на полусогнутые ноги — мешал узкий проход между креслами:

— Слушаю, товарищ маршал.

— Проходите-ка сюда, поближе!

Взяв чемоданчик, Фурашов протиснулся между кресел, и то ли оттого, что было неудобно, неловко в узком проходе, то ли от внимания — генералы оборачивались на него,— почувствовал жаркий прилив крови к лицу. Сергеев, пропуская его вперед себя, потрепал дружески по спине:

— Давай, давай! Начальство приглашает — подчиненный не может перечить.

За белой перегородкой Янов опустился в кресло к узенькому, в одну доску столику с привинченной настольной лампой и, ска-

зав: «Что это мы отгородились?» — отдернул штору. Потом вытащил пачку сигарет, долго мял между пальцами белую, с коричневым мундштуком сигарету и, впадая в свою обычную задумчивость, потирая голову левой рукой, заговорил:

— Вот говорят... Обвиняют даже — медлим! А что тут можно сделать? Как найти правильный и разумный выход? Слушаешь одних — разумно, других — тоже... Хотя доказывают разное, противоположное... Голова идет кругом! Вот и летим тоже — вон нас сколько!..

Он приподнял устало тяжеловатые, набрякшие веки, и Алексей увидел в глубине его глаз искреннюю горечь. И понял: нет, этот пожилой человек ни на минуту не переставал думать о том, о чем думал и он, Фурашов. Он, маршал, жил своими сомнениями, которые, видно, точили его и снедали, и это были те же думы, те же сомнения, что и у Фурашова.

— Не верю,— сухо и тихо отозвался Сергеев.— Не верю, что уже готовы показать. Попытка, чтоб не завернули, не отставили испытания...

Он смолк, должно быть, не желая больше распространяться, поджал губы — признак сердитости, недовольства собой. Фурашов знал эту его привычку еще с фронта. Молчали и другие. Янов сквозь сизую растекавшуюся табачную кисею вдруг улыбнулся, провел рукой по голове:

— Ну... ладно! Уморил? Не буду... Картежники есть? Преферансисты?

— Найдутся,— проговорил знакомый Фурашову по прошлой работе в Москве генерал.

Вскоре за столиком «резались в пульку». Янов не играл, смотрел игрокам в карты, шутил. Фурашов тоже не участвовал в игре, сидел рядом с генералом Сергеевым,— тот играл сосредоточенно, но с веселыми прибаутками, смачно сбрасывая карты.

Дома из белобокого силикатного кирпича, прямые, ровно нарезанные улицы и белоголовые, в цвету акации... Знаменск. Все здесь было знакомо, привычно для Фурашова, точно он и не уезжал отсюда на эти два года. Пьяняще медовым духом ударило в ноздри. И Алексей вспомнил с внезапным сосущим подныввом сердца ту первую весну, дома, будто охваченные белым бездымным пламенем, белую лепестковую налеть. Утром, бывало, степной шаловливый ветер дохнет в улицы и сердито закружит на асфальтированных тротуарах удивительную поземку — лепестковую. А после умчится опять в степной простор, оставив под домами, под каменными бровками белые медоточивые заструги...

Полковник, с кем поселили Фурашова в гостинице, оставив чемоданчик, ушел по своим делам. Раздевшись до пояса и поплескавшись вволю под краном, Фурашов почувствовал приятную свежесть и теперь, вернувшись в комнату, еще продолжал растирать тело и лицо махровым полотенцем. Не успел он надеть рубашку, в дверь постучали. Алексей автоматически бросил «Да!», но тотчас понял: совершил оплошность — и кинулся к стулу, на спинке которого висела его одежда. В дверном проеме вырос Сергей Умнов. Показалось, Сергей вроде стал меньше ростом, приземистее. Он был без формы — в пестрой рубашке с расстегнутым воротом и засученными рукавами, загорело-кофейное лицо и руки, светлые волосы отбелились, нос в бело-розовых крапинах, видно, только отшелушился. В нем трудно было признать инженер-майора, «гиганта», одного из ведущих конструкторов системы, «десятую руку», как говорил он сам, профессора Бориса Силыча Бутакова.

— Испугал? — Умнов шагнул через порог.— Можешь не одеваться: тут хоть до Адамова костюма раздевайся! Мозги плавятся... С приездом в Знаменск.

Они крепко стиснули друг другу руки. Алексей подставил стул. Умнов присел на самый краешек.

— Готовитесь? — покосился Фурашов.

— Готовимся. Покажем... Иллюминацию, фейерверк... Главный распорядитель...— Он вдруг не договорил, махнул рукой.

— Разочаровался?

— В нем? Не то... Просто переоцениваются ценности, в результате чего каждая приобретает свою естественную стоимость... Говорят, даже в музеях это практикуется. Хотя там вещи неизменны, а тут живая природа.— Он усмехнулся горьковато, края губ опустились.— В Москве читал на магазинах? «Продажа товаров по удешевленным ценам». По удешевленным ценам... понимаешь? Абракадабра, но есть какая-то в ней сермяжная правда. Вроде скрытой насмешки... Ладно! Как дома, Алеша?

— Так себе... По-прежнему,— ответил Фурашов, не желая вдаваться в излишние подробности. Видел: Сергей спросил это так — из приличия. Его занимало другое.

— А у тебя? Леля, ребята?.. Давно не виделись.

— Сходит, терпимо...— Он встал, прошелся, заложив руки в карманы брюк, остановился, глядя вниз, на ковровую дорожку.— Так-то мы, друзья, расползлись... Разные дела у тебя, у Коськи, у меня... Лебедь, рак да щука!

Он помолчал.

Молчал и Фурашов, теряясь в догадках: что происходит со всегда спокойным «гигантом»? Раньше, в академии, ребята шли именно к Сергею получить консультацию: он мог по десятку раз объяснять какой-нибудь «ротор», «дивергенцию», их физическую суть, всякий раз по-новому объясняя их «соль». И без тени недовольства, ровно, спокойно, даже если попадался «круглый тумак».

— Алексей, знаешь, только строго между нами...— проговорил он, все так же глядя вниз.— Я ведь предложил новый блок, новую «сигму». Принцип работы совсем

другой... Но это три месяца отсрочки! Для меня дело решенное... А для других... на три месяца все позднее... «Поздравляю! Превосходно, Сергей Александрович! Но вы опрометчивы, торопливы»,— так он мне сказал. И... на три месяца предложил блок поставить на лабораторные испытания. Понимаешь политику? Надеется, авось, все уладится без нового блока, завтра покажем, что он нормальненький, паинька,— слава есть, все есть. А через три месяца тихомирно заменим блок. И опять же довесок к нашим акциям: как же, мол, работали, думали! В общем, главное — любыми путями не прерывать испытания. Вот где собачка Моська зарыта!

Он сел на стул, сломился, потом так же резко выпрямился, встал, усмехнулся, взглянув на Фурашова. Тот сидел недвижно, во все глаза глядел на друга и не понимал, что с ним происходило.

— Ничего этого я тебе не говорил, Алеша... Мы ведь с тобой как-никак противные стороны! Ты — принимающая, я — сдающая... Парадокс! — Рассеянно-печальная улыбка осветила его лицо.— А-а, будь! Отдыхай. Утро вечера мудренее.

И пока Алексей сообразил — остановить, удержать, что-то надо сказать, Умнов уже шагнул к двери, и она, легкая, фанерная, закрылась за ним.

Фурашов соскочил со стула, в окно увидел, как в предвечерних сумерках мимо мелькнула цветная рубашка Сергея, и снова опустился на стул, только сейчас понял: так, без рубашки, голяком, просидел во время всего визита Умнова.

Алексей поджидал Сергея в коридоре «банкобуса» — приземистого служебного здания, тоже из серого силикатного кирпича,— в нем происходили оперативные летучки, совещания во время полигонных испытаний. Фурашов помнил: когда-то тут стоял простой кузов автобуса — первые «банки» разгорались в нем, и кто-то тогда метко окрестил кузов «банкобусом». Прошло время, нет того кузова, а вот к этому зданию приклеилась прочно та кличка.

В коридоре, пока не началось короткое, летучее заседание — на нем доложат программу пусков, утвердят ее,— толпились штатские и военные, шумно беседовали, смеялись, говорили о совершенно посторонних вещах.

Разглядывая этих мирно и, кажется, безмятежно беседующих людей, Алексей подумал: через несколько часов начнутся испытания, пуски. Как они пройдут, никому не известно, и все ли тогда вот так мирно обойдется? «Ах, Сергей, Сергей, надо, чтобы все вчерашнее сказал, и именно сейчас, тут...»

Краем уха слушал: один из знакомых конструкторов с упоением представлял сцену ловли щуки, жестами и мимикой подкрепляя свой рассказ о воскресной «грандиозной» вылазке на озеро.

— Щуке сто лет, прапрабабушка! Глаза красные — неонки,— во! Мохом вся обросла... Силища! Она туда, сюда...

«Значит, убеждены, будет все в ажуре! Иначе воскресенье не воскресенье — «загорали» бы тут, на площадке, вкалывали бы до одури»,— промелькнуло у Алексея.

И хотя это было успокоительной и даже спасительной мыслью, тревога не снялась. Удивительно, что ощущение тишины, которое преследовало его все последние дни, както странным и непонятным образом вроде бы усиливало, оттеняло вот эту тревогу.

В другой группе стоял Янов, курил, слушая со знакомой, очень простой, искренней улыбкой высокого штатского,— кто он, Алексей не знал. Тот возвышался над маршалом на целых две головы. Речь, видно, тоже шла о чем-то веселом: брови Янова взметывались вверх, глаза под ними искрились молодо, задорно — просто минутная отрешенность от дел, минутный отдых от забот. На лице профессора Бутакова, во всей фигуре было привычное, отточенное до малейших деталей достоинство. Обстановка? Фурашов знал: в иных условиях, на отдыхе, в пойме реки, куда по воскресеньям, оторванные от семей и московских квартир, живущие здесь по нескольку месяцев безвыездно, одуревшие от недельной работы на бетоне, в духоте горячих, каленых кабин, вырывались конструкторы и военные, Борис Силыч становился простым, естественным, заядлым рыболовом. Раздевшись до трусов, обтягивающих полнеющий, округлый живот, в тюбетейке, смастеренной из носового платка,— четыре усика торчали из узелков,— он простаивал в воде часами. После сам заваривал рыбацкую, тройную уху, колдовал над ведром у костра. А позднее первый, прикрякнув молодецки, поднимал стопку... Что ж, можно понять его подчиненных, можно понять и восхищение Сергея Умнова. Но вчера...

— Так что все в сборе? — спросил громко Янов. Алексею показалось, взгляд маршала, чуть удивленный, скользнул по его одинокой фигуре у стенки.— Будем начинать, товарищи! Как, Борис Силыч?

И, расставив широко руки, как бы приглашая и вместе с тем пропуская своих собеседников вперед, пошел по коридору к открытой, распахнутой в конце двери.

— Сергей, стой! — Фурашов схватил за рукав пиджака вошедшего с улицы Умнова.— Погоди, Сережа... Слушай... Думал над твоими словами... ночью. Скажи все сейчас, на комиссии...

— Чудак, Алешка! — усмехнулся Умнов понимающе и вдруг похлопал по руке Фурашова, и в этом похлопывании друга Алексей почувствовал обидную снисходительность, точно тот хотел сказать: «Эх ты, клюнул... всего на минутную слабость! Истина — джин в бутылке!» — Пошли, опаздываем!

В динамике булькнуло — и вдруг:

— Внимание! В воздухе высотная скоростная цель!

И хотя этой минуты Фурашов ждал, но сейчас голос густой, с низким тембром голос руководителя испытаний заставил его внутренне вздрогнуть и будто привел в чувство: ну что ж, сейчас все начнется... Он представил, как где-то вырулил на взлетную полосу самолет-мишень, дрожа всем корпусом, словно иноходец, замер на мгновение у черты, и вот команда по радио: взлет! Взмыл, лег на строгий курс...

Полутемнота в индикаторном зале: маленькие лампочки отбрасывают от козырьков свет только на пусковые панели с глубоко спрятанными кнопками. Голубоватые мерцающие развертки медленно скользят по квадратам экранов: слева направо, слева направо... На стойке — ряды лампочек под звездчатыми колпачками; одни темны, мертвы; другие, по диагонали, перемигиваются, точно переговариваются на своем языке; третьи горят ровным матово-белым светом: ракеты прошли подготовку...

И опять неожиданно:

— Есть цель! Дальность, азимут...

— Первая — есть захват! Вторая — есть захват!

— Есть автоматическое!

Щелкают мягко кнопки, переключают невидимые схемы, настраивают аппаратуру, все эти шкафы на ту, еще пока далекую цель, на самолет-мишень; он идет к своей верной... Мысль оборвалась у Алексея, перекинулась на другое.

«Как Сергей? Его «сигма»?.. Он во втором зале... Да, на заседании Бутаков держался козырем! Веселым был профессор... Уверен!»

— Цель в зоне пуска!

И опять включился динамик, и тотчас явственно, с веселыми густыми нотками голос Бутакова ворвался в тишину:

— Прошу вас, товарищ маршал... Товарищи члены комиссии, наступает час...

— Вы уж не пугайте нас, Борис Силыч! Мы и так вроде на сковороде... Ну, пожалуйста, пожалуйста...

Кто это? Тоже весело, но возбужденно. Да, да, маршал Янов. Рад. Волнуется...

Потом общий переговор, во внезапном гуде и свисте динамика отдельные слова: «Исторический акт», «Ясно — готовы!», «Ну, пожалуйста, пожалуйста...» С металлическим звяком, резко выключился динамик, и сразу возле Фурашова голос офицера наведения:

— Пер-рр-вая, пуск!

Сколько прошло времени — секунда, две, пять... или минуты? Их отстукивает сердце Фурашова; удары — вот они, тугие, резиновые... От пульта офицера наведения прямо по напряженным перепонкам с царапающей болью:

— Ракета... взорвалась!

И тут же в динамике властный голос Бутакова:

— Пуск второй ракеты!

— Втор-рр-ая, пуск!

И сразу же:

— Срыв сопровождения! Ракета не управляется!

— Сергей Александрович... как блок «сигма»?! — Голос тот же, властный, голос Главного.

— «Сигма» работает неустойчиво... Джин покидает бутылку!

— Оставьте шутки!

— Ясно, оставить шутки...

У Алексея екнуло сердце: странную уловил интонацию в ответе Умнова — и отрешенность и вроде бы... какую-то игривость.

В суматохе не выключили динамики, и теперь весь разговор из комнаты членов комиссии — тревожный, беспокойный — разносился в каждом зале, уголке.

— Понимаете, Борис Силыч, мишень может уйти...

— Это не главное в сегодняшнем дне!

— Нужно дать команду на самоликвидацию, товарищ маршал...

— Поднять истребителей, расстрелять мишень?

— Отставить! Есть запасной канал... Внимание! Вторым каналом огонь!

— Пуск!

Это уже прозвучало рядом с Фурашовым. Разговор в динамиках оборвался: то ли кто-то догадался наконец выключить динамики, то ли там молча ждали, как будут развиваться события. Воцарилась тишина. Тишина тут, у экранов. Тишина во всей вселенной. Какой-то всего один критический миг небытия, безмолвия, в котором оцепенело все окружающее... Вся тревога, вся усталость бессонной ночи слились у Фурашова в эту тяжесть, оттекшую к ногам, налитым, чугунно-недвижным. Офицеры наведения, операторы тоже замерли у экранов, замерли в напряженных позах: будто тут, в индикаторном зале, пронесся секундный ледяной ураган и закостенели, заморозились люди.

— Цель уничтожена!

Фурашов, качнувшись, поискал за спиной руками опору: было желание прислониться на минутку спиной, снять подступившую дрожь в теле. И увидел: из боковой двери, откинув маскировочную штору, появился Янов, за ним — профессор Бутаков. У маршала голова откинута назад, будто ему трудно ее держать, тяжелые, синеватые веки опущены — казалось, он так, вслепую, идет на выход; у Бутакова мраморно-высеченное лицо спокойно, только кожа на сухих щеках натянута туже и чуть сдвинулся узел галстука под крахмальным белым воротником рубашки.

— Нет, нет, Борис Силыч! Вы понимаете, мы отвечаем с вами за все... за тех детей... девчушку в полушалке...

Странный голос — тихий, надтреснутый, будто говорит сам с собой.

— Какие дети, Дмитрий Николаевич?! Какая девчушка?! Не успели заменить блок «сигму»,— есть новейшая конструкция...

Янов не ответил. Распахнув железную ребристую дверь в узкий выходной коридор, шагнул навстречу тугому, плеснувшему снаружи свету — только тут, в Знаменске, он такой ослепительный, режущий, как от электросварки.

Ленинград, Кронштадт, Выборг

НА ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

На встрече в Смольнинском районе.

В гостях у моряков.

Встречи редакции «Огонек» с ленинградцами, ставшие традиционными, начались в этом году в районе, где 50 лет назад находился штаб Октября, где жил и работал В. И. Ленин, в районе, который широко известен научными открытиями и славными производственными делами.

В зале Дворца культуры имени Дзержинского собралось около 400 человек. Конференцию открыл секретарь Смольнинского райкома КПСС Ю. Сапожников. Ленинградцы были ознакомлены с редакционным планом на 1968 год, с работой отделов: международного, художественного оформления, науки и других. Корреспонденты рассказали о своих творческих командировках.

Встреча, длившаяся четыре часа, вызвала большую заинтересованность читателей. Они высказали пожелания больше писать о современниках, рабочих, ученых. Проректор Ленинградского университета, известный в прошлом боксер Г. Шатков, предложил расширить спортивную тематику. Старший научный сотрудник Русского музея А. Дмитренко рекомендовал чаще публиковать рассказы об интересных находках, которыми располагают многие музеи. Было высказано пожелание пропагандировать наиболее крупные коллекции известных музеев страны.

Аудитория второй встречи — матросы и офицеры подразделения — одного из старейших в советском Военно-Морском Флоте. Большой зал базового клуба заполнен жизнерадостными парнями. Они горячо и сердечно обсуждали работу журнала, высказывали претензии, что жизнь флота еще редко освещается на полосах «Огонька». Матросы Н. Зеленов, А. Ханеев и другие говорили о необходимости более строгого отбора произведений молодых живописцев, рекомендовали больше публиковать на художественных вкладках произведений русских классиков.

Во Дворце культуры имени Мартынова состоялась встреча с жителями Кронштадта. Ее открыл первый секретарь Кронштадтского райкома КПСС Л. Вахрамеев. В зале собрались рабочие, служащие морского завода и матросы. Советы читателей были разнообразны: ярче освещать жизнь рабочих, молодежи, больше давать фотоочерков, чаще публиковать материалы антирелигиозного плана.

И, наконец, четвертая встреча — в центральной библиотеке города Выборга. Лютый мороз не помешал встрече. Открыла ее секретарь Выборгского горкома КПСС Г. Дементьева. Она сообщила, что в городе 700 семей являются постоянными подписчиками «Огонька». Но читателей значительно больше. Товарищи А. Хлебников, А. Гарин, Е. Гельфер, В. Шабат говорили о том, что в журнале отсутствуют научно-фантастические рассказы, юмористические фотоочерки, мало печатается фельетонов...

К читателям приехали главный редактор А. Софронов, члены редколлегии Д. Бальтерманц, И. Долгополов, сотрудники редакции К. Бакши, А. Сербин, К. Черевков, Н. Ананьев.

В работе читательских конференций участвовал председатель областного общественного совета по пропаганде и распространению печати при Ленинградском обкоме КПСС Н. Коровичев.

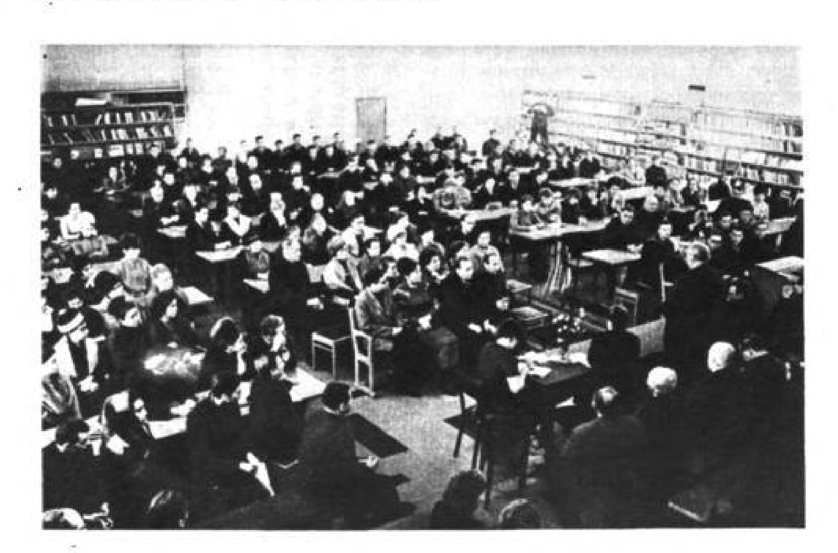
В вечерах «Огонька» приняли участие ленинградские поэты и писатели: Всеволод Азаров, Николай Браун, Владимир Константинов, Олег Левицкий, Борис Рацер, Леонид Хаустов, Георгий Холопов, Анатолий Чепуров.

В Ленинграде, Кронштадте, Выборге и в клубе моряков были горячо приняты выступления композитора А. Аверкина, солистов Мосгосконцерта Зинаиды Кирилловой и Алексея Кузнецова, артистов Ленконцерта Анны Дорожко, Надежды Крюченковой, Александра Лепянского, Елены Фигон, солиста ленинградского мюзик-холла Эдуарда Боксера, артиста театра имени Комиссаржевской Виктора Чистякова, пианистки Валентины Павиной, аккомпаниатора Александра Гургеля, конферансье Якова Кипринского.

В зале кронштадтцы.

В центральной библиотеке Выборга.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Ю. Серадского.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ В ЖИЗНЬ

— А мне, когда мне будут делать операцию?

В голосе Васи нет и нотки страха, только нетерпение, только требовательная надежда.

— Потерпи, теперь уже скоро, вот еще немного окрепнешь,— успокаивает его хирург Людмила Михайловна Чепкая.

Да, тут, в Днепропетровском научно-исследовательском институте восстановления и экспертизы трудоспособности инвалидов, операций не боятся даже самые маленькие пациенты. Операция для них — средство лечения, операция — возможность, часто единственная возможность, встать на ноги, не в переносном, а в буквальном смысле, вернуться в жизнь. Я видела, как люди, перенесшие в раннем детстве полиомиелит и церебральные параличи, делали в этих стенах свои первые, еще нетвердые шаги. Первые шаги не в годовалом возрасте, а в семь, десять и даже двадцать лет!

— Вам не понять, что это такое, не понять, что делают для нас врачи,— сказал мне дрогнувшим голосом Толя Мирошниченко.

Толя худенький, смуглый, с выразительным нервным лицом. В институт, где мы случайно разговорились, он пришел не как пациент, не по делу, а просто так, проведать, как заходят в дом близких родственников. Одиннадцать лет был связан Анатолий Мирошниченко с врачами клиники. В раннем детстве мальчик перенес коревой энцефалит, после которого остались парализованными ноги и правая рука. Родители отдали его в один из детских домов инвалидов Министерства социального обеспечения Украины. В 1956 году, когда мальчику было тринадцать лет, он впервые попал в клинику Днепропетровского института. С тех пор хирурги сделали ему восемь восстановительных операций, мальчик прошел целый комплекс медицинских процедур. И с каждой новой операцией, которые ему делала замечательный хирург Людмила Михайловна Чепкая, с каждым новым месяцем лечения юноша тверже держался на ногах, выравнивалась его походка. А сейчас Анатолий ходит без костылей и даже без палочки. Он уже закончил десятилетку, работает на радиозаводе сборщиком приемников.

Была я в гостях и у другого воспитанника Днепропетровского научно-исследовательского института, юноши, хлопчика, как говорят на Украине, Миколы Саенко. Он живет в маленьком селе Николаевка, Новомосковского района, Днепропетровской области.

Хирург, кандидат медицинских наук Людмила Михайловна Чепкая рассказывала мне о Саенко как об одном из самых трудных своих больных. Совсем маленьким он перенес воспаление мозга. У него бездействовали ноги и руки, он не мог даже говорить. Тело больного сотрясали страшные судороги. Лечиться Николай начал поздно: ему было уже больше двадцати лет. И даже наиболее оптимистично настроенные врачи не могли предположить, что через пять лет после начала лечения мы будем сидеть у Миколы в гостях в его чисто выбеленной мазанке, выходящей окнами в сад, и слушать, как он читает нам стихи, и свои собственные, мягкие, лиричные, чуть грустные, и стихи своих любимых поэтов — Маяковского, Заболоцкого, Светлова.

Ефросинья Васильевна — мать Миколы — угощает нас мочеными яблоками. На столе стоит пишущая машинка с началом будущего, еще не родившегося стихотворения Николая, на этажерке — книги любимых поэтов, а на стене кнопками приколота грамота: Микола Саенко — лауреат областной литературной премии.

Микола и Инна Ивановна Литвиненко, ученый секретарь Днепропетровского НИИ, кандидат медицинских наук, вспоминают своих друзей — врачей института. Инна Ивановна рассказывает, кто защитил диссертацию, где работают сейчас ребята, закончившие лечение вместе с Саенко. И если наш хозяин рад встрече, то еще больше, глядя на него, радуется Инна Ивановна.

— Жаль, что у лечащего врача Николая Людмилы Михайловны Чепкой сегодня операционный день и она не смогла поехать с нами,—шепчет мне она.—Это счастье—увидеть своего, казалось бы, безнадежного больного таким бодрым.— И уже громко прибавляет:— Скоро мы ждем тебя, Микола, в Днепропетровск. Полечишься еще немного, а на будущий год можно поступать в университет, верно?

— Да, на филологический,— серьезно соглашается Николай. И вдруг говорит те же слова, которые я уже слышала от Анатолия Мирошниченко: — Вам не понять, что сделали для меня врачи института...

...Хирургическое вмешательство — лишь одно из средств лечения в Днепропетровском научно-исследовательском институте восстановления и экспертизы трудоспособности инвалидов Министерства соцобеспечения Украины. Научные сотрудники разработали целый комплекс, включающий в себя лечение импульсными токами, электросном, современными медикаментами, лечебной физкультурой, подводной гимнастикой.

В клинике после обеда тихий час. В кабинете физиотерапии тоже сонное царство. Но тут сон у детей вызван специальным аппаратом. На спящих пациентах резиновые очки. Слабые ритмические импульсы, посылаемые аппаратом, вызывают в коре головного мозга торможение — повышенная нервная возбудимость, в которой постоянно находится больной, стихает, наступает отдых.

Заведующий отделом Иван Николаевич Сосин рассказывает о других методах лечения.

— Например, общеимпульсная терапия — воздействие слабыми импульсными электрическими токами на нервные окончания рук и ног больного,— говорит Иван Николаевич.— Зачем мы это делаем? Дело в том, что у целого ряда больных нарушено чувство ориентации, все ощущения, поступающие в центральную нервную систему от кожи и мышц, идут у них как бы беспорядочно. Импульсная терапия нормализует эти ощущения, создавая тем самым определенную настройку центральной нервной системы.

Для того, чтобы снизить спазмы, добиться расслабления мышц, пользуются в институте и микроволновой терапией (воздействием на позвоночник больного), и теплом, и массажами.

Если при церебральных параличах задача врачей — успокоить центральную нервную систему больного, снять напряжение мышц, то при последствиях полиомиелита, когда наблюдается ослабление, вялость мышц больного, врачи предписывают совсем иное лечение. Все электропроцедуры, действие ультразвука, ультрафиолетовое облучение, лечебная гимнастика направлены теперь на то, чтобы стимулировать деятельность мышц, повысить кровообращение.

— Конечно, все эти методы лечения существовали в медицине, как говорится, и до нас,— предупреждают меня в институте,— но мы их впервые объединили в единый комплекс, разработали специальную схему, применимую к нашим больным.

К трем часам, как правило, все лечебные процедуры заканчиваются, и клиника превращается... в школу. В классах изучают ариф-

В рентгеновском кабинете. Профессор Анна Семеновна Ланцетова (в центре) и научные сотрудники, хирурги, кандидат медицинских наук Людмила Михайловна Чепкая и Алексей Тарасович Жук изучают рентгенограмму больного перед очередной операцией.

За здоровьем Васи Музыки ежедневно следят профессор А. С. Ланцетова и старшая операционная сестра Н. А. Осадчая.

— Вам не понять, что сделали для меня врачи,— говорит Николай Савенко.

Игорь Высоцкий (11 лет) поступил в клинику с параличом правой руки и ноги после перенесенного менинго-энцефалита. Сейчас здоров, учится в 3-м классе.

метику, алгебру, географию, биологию, историю по программе общих массовых школ. Занятия ведут учителя с высшим педагогическим образованием. Очень хорошо сказала мне директор института, доктор медицинских наук, профессор Анна Семеновна Ланцетова:

— Свою медицинскую работу мы сочетаем со становлением личности больного. К нам приползают, приезжают на тележках — от нас уходят, уходят в жизнь.

Да, вылечить больного — значит не только сделать ему операцию, не только назначить те или иные процедуры, но и дать ему образование, профессию и, наконец, устроить на работу после выхода из клиники. Больные выпиливают фигурки, лепят, рисуют. Девочки делают выкройки, шьют платья, сначала куклам, потом и себе; мальчики переплетают учебники, книги, чинят репродукторы и радиоприемники. Ребята начинают как бы с интересной игры, потом постепенно втягиваются в работу, видят ее плоды, труд для них становится необходимым. Воспитанники Днепропетровского института работают на комбинате детской игрушки (там нужны художники и швеи), в оптико-механической мастерской, на радиозаводе. Вот почему дом на берегу Днепра часто называют не только научно-исследовательским институтом восстановления трудоспособности инвалидов, но и институтом становления личности. И можно пожелать, чтобы институты, подобные Днепропетровскому, были не только на Украине, но и в других республиках.

Кроме практической работы, в лабораториях ведутся интересные исследования, они обобщаются в докторские и кандидатские диссертации, создаются новые медицинские приборы для диагностики и лечения заболеваний, сотрудники выступают с докладами на научных конференциях.

С большим интересом прослушали ученые мира доклад директора института Анны Семеновны Ланцетовой на Нью-Йоркской VIII международной конференции травматологов и ортопедов. Успехи в лечении полиомиелита, достигнутые в городе на Днепре, показались зарубежным ученым почти невероятными.

А в Днепропетровском институте я все время слышала от сотрудников, как мало еще удалось сделать. «Вот войдет в строй девятиэтажный лабораторный корпус, тогда... Вот закончим строительство нового лечебного бассейна, вот усовершенствуем прибор, вот создадим так называемый центр реабилитации инвалидов, центр восстановления трудоспособности не только детей, но и взрослых, тогда... а пока мы сделали еще очень немного»,— говорят сотрудники института.

Но я не могу с этим согласиться. Дать счастье только одному человеку, помочь становлению его личности — уже много, очень много. А искусством и силами души врачей, работающих в доме на берегу Днепра, возвращено в жизнь более тысячи детей. Да, через руки врачей клиники прошли 1 066 детей! Так пусть же родные и близкие, друзья и любимые этих вставших в строй людей скажут, много это или мало...

ПОЭЗИЯ ЯННИСА РИЦОСА

Великий греческий поэт Яннис Рицос брошен за решетку в своей собственной стране. Чем же заслужил автор «Слов очевидца» подобную кару? Тем, что мыслил, писал, чувствовал, любил свободу и хранил верность своему народу. Каждое из этих действий, этих чувств и все они вместе — самое тяжкое преступление в глазах тех, кто на словах или на деле преступает законы человеческой совести.

Яннис Рицос родился в мае 1909 года. Накануне своего семнадцатилетия он тяжело заболел туберкулезом и долгое время лечился в санаториях.

Во времена диктатуры Метаксаса поэт удостоился высокой, но драматической чести: его книга «Эпитафия» была конфискована и сожжена вместе с другими запрещенными произведениями у колонн афинского храма Зевса. Спустя двенадцать лет, поскольку Рицос не отказался от своих прогрессивных убеждений, его сослали на остров Лемнос, а затем на Макронисос и Ай-Стратис. В 1952 году он вышел на свободу. В 1954 году женился. У супругов Рицос родилась дочь, которой любящий отец посвятил поэму «Утренняя звезда». За свою очень известную «Лунную сонату» поэт получил государственную премию.

В 1966 году Яннис Рицос по приглашению Союза кубинских писателей и деятелей искусств посетил Гавану. Здесь мы с ним и познакомились, здесь он соприкоснулся с нашим духовным миром и вызвал у нас чувство глубокой симпатии к своему творчеству и себе как человеку.

Яннис Рицос — человек незаурядный, очень приятный в обращении, легко очаровывающий собеседника. Он прекрасно говорит по-французски. Многие его произведения переведены на этот язык.

Его стихи — молнии, несущие в себе заряд глубокой таинственности, драмы, невыразимых чувств, свидетельствуют о тончайших и в то же время сильных движениях души.

Читая эти стихи, мы испытываем горячее уважение к одному из самых выдающихся представителей мировой поэзии, ставшему жертвой режима насилия и произвола, дни которого, как дни любого режима насилия и произвола, сочтены.

Николас ГИЛЬЕН

(Получено через АПН).

СУМАСШЕДШИЙ

Вагонетка остановилась у берега.
Семь железных бочек на платформе.
Красных — шесть, одна — зеленая.
Лошадь на лугу пасется.
Пьет возница вино в таверне.
Сумасшедший, с острова который,
встал у пристани и крикнул:
«Эта вот зеленая — других сильнее!»
И откуда знать ему, что́ в ней такое
и кому она принадлежит?

ДЕНЬ

Пробили три часа, разделись и нырнули в море,
вода не оттолкнула их прохладой.
Бескрайний берег блещет наготой, он мертв и одинок.
Там, вдалеке, закрытые дома;
все словно в пар укутано лощеный.
Случайная повозка, удаляясь, скрывается из глаз.
В порту над крышею таможни приспущен флаг.
Наверно, кто-то умер.

ТРУЖЕНИК СЛОВА

Он всю свою жизнь проработал без отдыха,
горел вдохновеньем и верил в бессмертье —
в свое, конечно, в первую очередь.
Но вдруг однажды поднялся ветер
и настежь с грохотом раскинул двери.
Он увидел, как статуи бьются носами о землю,
и понял: слова, что писал он с таким усердьем
всю свою жизнь, теперь затвердели;
он гладил их пальцами, как сухую,
жухлую кожу мертвой коровы.
Но он продолжал работать, как прежде,
пока не смешались смерть и бессмертье,
пока забытье не спуталось с опьяненьем.
Постиг он тогда, что значит работать,
качаясь между ничтожеством и славой.
Маятник ухал, как барабан ночью,
как будто марш отбивал для солдат сонных
на переходе между двумя боями.

Перевод В. Беленького.

ИСКАТЕЛЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В эстонской деревне Альбу стоит памятник писателю-демократу, классику эстонской литературы Антону Таммсааре. На граните — бронзовый барельеф: над болотом, поросшим чахлыми сосенками, заходит вечернее солнце. Понурая лошадь тянет телегу по дороге. В телеге молодая женщина с грустным, застывшим лицом. Позади тяжело ступает мужчина. Это крестьяне-молодожены, герои романа Таммсааре «Истина и справедливость», переселяются на убогий болотный хутор Варгамяэ. На камне высечены слова из первой главы романа.

В этих местах 30 января 1878 года родился Антон Таммсааре, и о здешних крестьянах писал он в своих рассказах, повестях и романах. Отец его — небогатый эстонский крестьянин, который мечтал только об одном: как свести в своем небольшом хозяйстве концы с концами. А мальчик с детства интересуется литературой, много читает. И, окончив волостную школу, хочет учиться дальше. Учиться во что бы то ни стало, несмотря на категорическое запрещение отца: в крестьянском хозяйстве нужны крепкие молодые руки. Два года мальчик работал на земле и все-таки поступил в частную гимназию. Чтобы как-то просуществовать, он работает в этой гимназии швейцаром. Заниматься приходилось урывками, но он блестяще заканчивает учение.

После окончания гимназии какое-то время сотрудничает в газетах, пишет рассказы, литературные обозрения. Одновременно слушает курс юридического факультета в Тартуском университете, лекции по истории, по естественным наукам, с увлечением изучает иностранные языки, русскую и западноевропейскую литературу.

Таммсааре оставил после себя большое литературное наследство. Он писал во всех литературных жанрах, был блестящим литературным переводчиком. Великолепны его переводы «Обломова» Гончарова и «Преступления и наказания» Достоевского...

Романы, повести и рассказы Таммсааре составляют целую эпопею, героем которой является эстонский народ. Сын крестьянина, писатель хорошо знал быт сельских тружеников, в одиночку боровшихся с природой на своем убогом клочке земли, гнувших спину на помещичьих полях и на кулацких хуторах.

Самое значительное произведение Таммсааре — это пятитомный роман «Истина и справедливость». Это энциклопедия жизни Эстонии, история возникновения, развития и упадка ее буржуазии. Само название романа говорит о его проблеме: о правде и праве в обществе, где властвуют волчьи законы эксплуатации.

Свои последние произведения Таммсааре создавал в годы реакции в Эстонии, когда беспощадно искоренялось все передовое и прогрессивное. Поэтому, естественно, он обращается к аллегории. За сказочной формой пьесы «Королю холодно» нельзя не увидеть политических параллелей. Образ немощного старца короля невольно напрашивается на сопоставление с деятелями некогда стоявшей у власти эстонской социал-демократии.

«Новый Ванапаган в Пекле» — последний роман писателя, написанный им за год до смерти — в 1939 году. В форме народной сказки писатель рассказал о трагической судьбе простодушного бедняка Юрки, полжизни работавшего на хитрого богатея Антса.

...В двух километрах от памятника писателю сейчас находятся земли колхоза, который называется в честь великого произведения Таммсааре — «Истина и справедливость». Ведь речь в романе идет о людях этой земли. В любое время года у каменного подножия памятника можно увидеть букеты зелени или цветов. И даже зимой к памятнику ведет тропа, протоптанная в глубоком снегу.

Н. МАКСИМОВ

В. Одинцов. ЗА СТАЛИНГРАД.

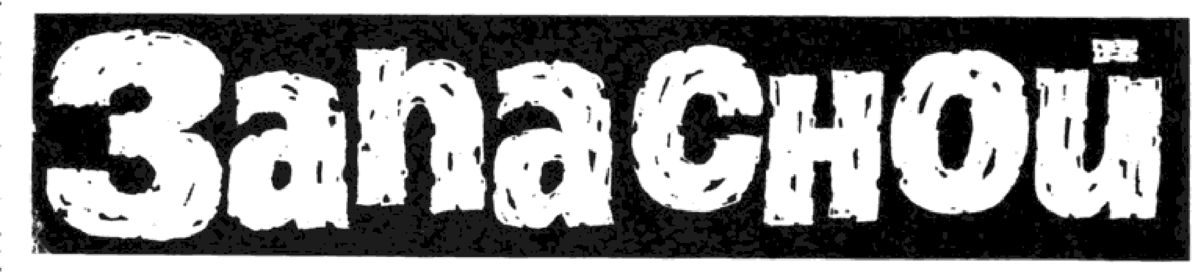

В. Ефанов. СТАЛИНГРАД. ВЕДУТ ПЛЕННЫХ.

Леонид ТАМАЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. УШАКОВА.

27

Вагон, в котором Маясову пришлось ехать домой, был переполнен. Он вышел покурить в тамбур и больше уже не возвращался.

И то ли от холодного предутреннего воздуха или потому, что с каждым часом пути все более отдалялись дневные неприятности, мысли его постепенно делались менее хаотичными. Он опять подумал о милицейской версии. Еще раз попытался рассмотреть ее без предубеждения. Каковы их доводы?

Главный — записка. Написана печатными буквами. Следы пальцев отсутствуют. Ее стиль, обороты, блатные словечки — все говорит за то, что убийца из уголовного мира или хорошо знаком с ним... Петька Косач судился за воровство два раза. Для него в «мокром деле» лучше обойтись без отпечатков пальцев, потому что Петькины отпечатки хранятся в картотеке уголовного розыска, где ему уже дважды приходилось «играть на рояле». Играть в третий раз Петьке нет резону...

Довод второй. За несколько дней до ночного налета на Дом культуры Косача видели вместе с Савеловым. Они сидели в баре за одним столиком. Петька наливал Савелову пиво. Тот что-то говорил Косачу, хмуро кивал. Из бара они вышли вместе. Возле дверей Петька засмеялся и похлопал Савелова по плечу. Так вести себя случайно познакомившиеся люди едва ли могут...

И, наконец, довод третий. Разговор Савелова с Ласточкиным. Они сидели в служебной комнате Ласточкина в Доме культуры, в комнату зашла молоденькая кассирша. Она положила на стол газетный сверток, перевязанный шпагатом, сказала, что сейчас вернется, только на минутку забежит к бухгалтеру. На недоуменный взгляд приятеля Ласточкин объяснил, что кассирша сделала из него инкассатора: «Возим с Люсей деньги в банк». Савелов поинтересовался: помногу ли приходится возить и вообще большие ли сборы делает клубная касса? Ласточкин кивнул на сверток, предложил: «Угадай!» Савелов подержал сверток на ладони, сказал: «Смотря какие купюры». Ласточкин назвал приблизительную сумму. «Ого! — улыбнулся Савелов.— Как раз бы мне на мотоцикл, да еще с коляской...» Потом разговор у них пошел о мотоцикле, который Савелов хотел купить, чтобы ездить на работу. Он уже начал копить деньги...

«Неужели деньги?» — вдруг спросил себя Маясов. Ради денег некоторые способны на все, теряют голову.

Если угрозыск прав, если тут замешаны деньги, нет больше веры, которая давала силы бороться, отстаивать свою правоту. Значит, нет и не было того человека, в которого Маясов поверил.

...На третий день после приезда полковника Демина в Ченск Маясов заболел и пролежал дома целую неделю.

Когда он вернулся в отдел, на него хлынула целая лавина вопросов. Демин почти не закрывал своего блокнота. Их разговор продолжался с небольшими перерывами три дня. За это время Маясов смог убедиться, какой деловой хваткой обладает этот болезненный на вид, седоволосый полковник, какая необыкновенная у него работоспособность. Ставя перед Маясовым вопрос за вопросом, Демин старался дойти до самого дна, не оставлял для себя ни малейших белых пятен в деле. Эта тщательность нравилась Маясову, так как он сам презирал дилетантство в любых его проявлениях и умел ценить по-настоящему добросовестный труд.

В один из вечеров Демин сидел в кабинете Маясова над раскрытым блокнотом. Но не писал, а только задумчиво глядел на бумажный лист. Ему припомнился разговор с начальником управления после дерзкой вспышки и внезапного ухода Маясова из генеральского кабинета.

— ...Я понимаю Маясова и, откровенно говоря, не завидую ему,— сказал тогда Винокуров.— Ведь за Савелова ему пришлось выдержать настоящий бой. Маясов уверовал в его порядочность, и вдруг оказывается, что он вор и грабитель. Такое не сразу укладывается в голове. Но убийство — факт, а моральный, так сказать, облик Савелова — мистика, и вот рождается предположение о связи между делом об убийстве и прежним делом, кленовоярским. Какая тут может быть связь?.. Если допустить, что Савелов действительно был сообщником Никольчука, шпионскую деятельность которого не сумели вскрыть, то для предположений есть широкие возможности. Логично считать, например, что Савелов убит теми, на кого он работал. Почему убит? Здесь уже труднее быть конкретным. Возможно, он стал больше не нужен своим хозяевам. Или слишком много знал о них. Или они заподозрили его в предательстве, потому что Савелов трижды вызывался в Ченский отдел КГБ... Но каковы бы ни были причины убийства, суть версии Маясова неизменна: при расследовании надо отталкиваться от прежнего, кленовоярского дела...— Генерал остановился посредине кабинета.— А что это означает? Для Маясова это значит рубить сук, на котором сидишь. И Маясов его рубит: своей версией по делу об убийстве он допускает несостоятельность собственных прежних выводов по делу о шпионаже...

— Но это же явное неверие в себя,— сказал Демин.

— Неверие в себя? — переспросил Винокуров.— Однако не всякий на это пойдет. Нужна смелость. Ведь Маясова за язык никто не тянул...— Генерал помедлил.— Но главное не в этом. Какая бы из версий — милицейская или маясовская — ни оправдалась, Маясов все равно остается в проигрыше. И он сам это понимает... Сейчас Маясов ратует за свою версию. Что ж, его право. Но беда в том, что его аргументация исходит только из того, что Савелов-де по своей натуре не мог стать вором. Короче говоря, Маясов руководствуется больше своими чувствами, чем логикой фактов. А это для контрразведчика опасно... Может помешать добраться до истины...

Припомнив эти слова теперь, Демин подумал, что его командировка в Ченск оказалась полезной во многих отношениях. Он на месте изучил оперативную обстановку, без чего нельзя было определить, правильно ли велось кленовоярское дело.

Но Демин не смог закончить свою работу. Однажды утром его неожиданно вызвал к телефону генерал Винокуров. Разговор был короткий. Положив трубку, полковник спросил:

— Когда ближайший самолет?

Маясов заглянул в расписание, лежавшее на столе под стеклом.

— Ровно в одиннадцать.

Демин быстро собрал со стола бумаги, сложил их в сейф. Ключ от сейфа отдал Маясову.

— Поговорим, когда вернусь... Направление работы остается пока прежнее...

И он уехал. И не возвращался в отдел вот уже пятый день. Все это время Маясов чувствовал себя связанным по рукам и ногам. «Направление работы остается прежнее...» Это надо было понимать, видимо, так: расследование по делу Савелова продолжают органы милиции, а он, Маясов, и его сотрудники по-прежнему выжидают, стоят в сторонке, занимаются другими вопросами. Но ведь «другие вопросы» не идут ни в какое сравнение с делом Савелова. К тому же это дело приобрело для него, Маясова, принципиальное значение.

Но самое главное — с каждым днем уходило дорогое время...

На шестые сутки Маясов не выдержал: решил действовать. Для этого у него все уже было обдумано и подготовлено.

В половине двенадцатого он приказал Тюменцеву подать машину и поехал в уголовный розыск. За эти дни к подполковнику Шестакову он наведывался часто, интересовался, нет ли чего «новенького». Сегодня Владимир Петрович приехал к нему с просьбой: дать отделу провести некоторые оперативные мероприятия параллельно с мероприятиями уголовного розыска. Без этого разрешения Маясов действовать не хотел, опасаясь помешать сотрудникам милиции. Шестаков не возражал. Он только сказал, чтобы Маясов информировал его обо всем, что будет представлять интерес для уголовного розыска.

Выйдя из милиции, Маясов отпустил Тюменцева на машине обедать, а сам пошел в отдел пешком: после болезни у него временами еще побаливала голова. День был жаркий, и он свернул на бульвар, в тенистую аллею. И пока шел по ней, все время думал об одном — о своих предположениях, реальность которых решился доказать. Собственно, на это его вызвала сама обстановка. Но как бы там ни было, отступать он теперь уже не мог. И не потому, что нуждался в реабилитации, а потому, что не считал себя вправе отступать в начатых поисках истины. Только этим он и руководствовался.

Почему он не приемлет милицейской версии? Потому ли только, что Савелов, по его соображениям, вообще не мог стать вором?

Маясов знал, что дела о шпионаже, кроме всего прочего, характерны одной особенностью: про многие из них никогда нельзя сказать: «Все сделано». Такое утверждение невозможно даже в том случае, если дело уже сдано в архив, а его объект — шпион — получил по заслугам.

В кленовоярском деле среди не выясненных до конца обстоятельств было одно, вызывавшее особенно серьезные подозрения. Как показал Никольчук, Барбара Хольме, связник западноберлинского разведцентра, от имени полковника Лаута дала ему зимой новые установки. А именно: переключить свое внимание с завода «Кленовый Яр» на Зеленогорский химический комбинат.

Для организации работы на новом месте Никольчук попросил у нее денег. Барбара Хольме сказала, что нужная сумма уже предусмотрена шефом. И тут же сообщила о тайнике, из

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

которого в назначенный день Никольчук может взять деньги. Тайник находился якобы на Староченском кладбище под мраморной плитой крайней могилы девятого ряда.

Однако этих денег Никольчук не получил. Более того, отправившись на кладбище, он убедился, что в том месте, о котором сказала Хольме, едва ли вообще можно было устроить тайник.

В поисках разгадки, почему агенту не были доставлены обещанные деньги, Маясов и его помощники перебрали не одну версию, пока не пришли к такому выводу: деньги Никольчуку не принесли, видимо, потому, что с переменой устремлений лаутовской разведки с «Кленового Яра» на Зеленогорск роль Никольчука навязана кому-то другому, находящемуся, по всей вероятности, в Зеленогорске. При подобных обстоятельствах разведцентр счел излишним посылать крупную сумму в Ченск, Никольчуку.

Когда Маясов докладывал свои соображения по этому поводу начальнику управления, тот в общем одобрил их. Однако тут же предостерег майора, чтобы он не слишком увлекался созданной версией:

— У противника, конечно, свои планы. Не исключено, что, не добившись желаемого в «Кленовом Яру», решили попытать счастья в Зеленогорске... Но имейте в виду, Владимир Петрович, зеленогорский продукт «Б» хоть и разновидность кленовоярского топлива, однако во многом ему уступает. Поэтому вашей главной задачей было и остается обеспечение безопасности «Кленового Яра»... Что касается Зеленогорского химкомбината, то тут мы с вами обязаны принять некоторые дополнительные меры...

Маясов сразу же освободил от всяких других обязанностей капитана Дубравина и поручил ему заниматься только тем, что так или иначе помогло бы выйти на след возможного преемника Никольчука в Зеленогорске.

Никто не мог сказать, чем бы закончилась эта работа, сколько времени пришлось бы действовать в новом направлении, если бы не вспышка чрезвычайных событий. Сперва вдруг выяснилось, что принадлежавший изменнику родины уникальный портсигар оказался у лаборанта оборонного завода. А потом лаборант был кем-то зверски убит.

Маясов понимал: там, где Демин, может быть, колебался из-за недостаточного знания всех обстоятельств дела, для него самого, для Маясова, сомнений не было. Отчасти поэтому он теперь и решился на активные действия до возвращения заместителя начальника управления в Ченск.

В новом оперативном плане Маясов в числе прочего наметил провести две беседы: с Ласточкиным и Булавиной, людьми, наиболее близко знавшими Савелова.

К артистке отправился капитан Дубравин, а сам Маясов поехал в Дом культуры — к Ласточкину...

Через три часа Владимир Петрович вернулся в отдел. К сожалению, его разговор с Ласточкиным не много прибавил к тому, что уже было известно.

Вскоре вернулся и Дубравин. Прямо с порога капитан сказал густым басом:

— Или эта кареглазая что-то темнит, или я ни шута не понимаю в людях!

То, что капитан сумел выудить из беседы с Булавиной, заинтересовало Владимира Петровича новизной кое-каких деталей, которые могли повернуть дело совсем в другом направлении.

Когда Дубравин закончил свой рассказ, Владимир Петрович спросил:

— Так, говоришь, портсигарчик смутил ее?

— В этом вся соль...

28

На другое утро, прямо из дому, Владимир Петрович поехал в милицию. Шестаков был у себя.

— Нового ничего нет? — привычно поинтересовался Маясов.

Шестаков мрачно усмехнулся.

— Ты что, думаешь, если к нам будешь через день ходить, то расследование ускорится?

— А кто же вас подталкивать должен, как не я? — шутливо сказал Маясов.

Но Шестаков не принял шутки.

— Я тебе, Владимир Петрович, уже говорил: пока Петьку Косача не разыщем, едва ли распутаем этот клубок.

— Ладно,— сказал Маясов.— Я к тебе сейчас не за тем приехал.

И он коротко рассказал все, что удалось узнать за последнее время о любовнице Савелова — Булавиной.

— В общем, ведет она себя как-то неестественно и в высшей степени нервозно...— заключил Маясов.

— Для нас это не новость,— сказал Шестаков.— В ее положении спокойной быть нельзя.

— Отчасти правильно... Но можно и по-иному на это взглянуть. Если ее горе искренне, то за ним стоит что-то еще, какой-то непонятный страх... И другое припомни: ее показания — из допроса в допрос одно и то же, как заводная...

— И что же ты предлагаешь?

— Мы к этой артистке не первый день присматриваемся. А теперь я пришел к выводу, что прежний план действий надо поломать и все повернуть по-другому...

— Давай точнее.

— Предлагаю вызвать Булавину к нам, в КГБ, допросить ее официально, а потом посмотреть, как она на это станет реагировать. Это будет началом...

— Обожди! — Шестаков протестующе поднял широкую ладонь.— У нас с Деминым договоренность: мы ведем следствие и вас информируем. Что касается твоей затеи, я не вижу в ней необходимости: в милиции ли допрашивать Булавину или в КГБ, какая разница?

— Есть разница, и большая! — горячо сказал Маясов.— К допросам в милиции Булавина, если хочешь, привыкла. Вызов же в КГБ заставит ее взглянуть на происходящее с иных позиций: почему вдруг органы госбезопасности заинтересовались этим, так сказать, сугубо уголовным делом? Короче говоря, новая обстановка должна вызвать у нее новую реакцию...

Шестаков задумчиво погладил бритую голову, сказал:

— Нет, Владимир Петрович, на это я не могу пойти.

По приезде к себе в отдел Маясов долго раздумывал над сложившейся обстановкой. В конце концов начальник областного управления КГБ рано или поздно должен узнать о его самовольно начатых действиях...

Маясов снял трубку с белого телефона, набрал номер. Поздоровавшись с генералом, стал с помощью переговорного кода докладывать о том новом, что выявилось по делу Савелова в последние дни. Закончил он просьбой о разрешении на допрос Булавиной.

Винокуров помолчал, потом сказал:

— Не возражаю. Но все же посоветуйтесь на месте с Деминым. Он сегодня вылетел к вам...

Если отбросить все чисто психологическое и потому в какой-то степени субъективное, быть может, отклоняющееся от истины, то фактически полученное капитаном Дубравиным из беседы с Булавиной сводилось к тому, что она действительно видела у Савелова серебряный портсигар с орлом на крышке.

С этого фактического, точно установленного и начали допрос Демин и Маясов.

Ирина Булавина в белой нарядной кофточке сидела у столика, приставленного к большому письменному столу, за которым устроились Демин и Маясов — оба в офицерской форме, с орденскими колодками на кителях. Отвечая на вопросы, Булавина то и дело прикладывала кружевной платочек к своему пряменькому носу, пила воду из стоявшего перед ней стакана. Однако, несмотря на свое явное беспокойство и неуверенность, она долго ничего не хотела прибавить к прежним показаниям, данным ею в милиции. А между тем и Демину и Маясову было ясно, что эта молодая красивая женщина с карими блестящими глазами что-то не договаривает. И, похоже, не договаривает умышленно...

Прошло, наверное, более часа, прежде чем в допросе наметился перелом. Уличив Булавину в противоречивости ответов, Демин заставил ее взглянуть на обстоятельства дела как бы другими глазами. И она, видимо, поняла, что держаться той линии, которой она держалась до этого, попросту неразумно.

Допив воду в стакане, Булавина потупила взгляд и вдруг сказала, что серебряный портсигар Савелов получил в подарок от нее.

Маясов и Демин удовлетворенно переглянулись: их предположения подтверждались.

— А как это получилось? — спросил полковник.

— Игорь однажды увидел его у меня, и портсигар ему понравился...

Черкнув несколько слов на бумажке полковнику, Маясов спросил:

— А как этот портсигар, Ирина Александровна, очутился у вас?

Булавина смутилась, хрустнула пальцами, на лице ее выступили розовые пятна. Было заметно, что она не знает, как ответить на этот простой вопрос. Заминка вышла длительной и неловкой. Видимо, Булавина и сама поняла это. И как бы стараясь поскорее заполнить гнетущую паузу, невнятно проговорила, что это портсигар ее мужа.

— В таком случае странно, что эту вещь вы подарили своему знакомому. Вы не находите? — спросил Маясов.

Булавина подавленно молчала.

— Хорошо,— сказал Демин,— это портсигар вашего мужа. Тогда вы, наверное, знаете, что означает вензель «АБ»... вот здесь на крышке.— Полковник протянул Булавиной раскрытый портсигар.

Она взяла его. Ее маленькая рука заметно дрожала.

— Я никогда этим не интересовалась...

На все последующие вопросы она отвечала еще более неопределенно и туманно: «Этого я не знаю», «Затрудняюсь что-либо сказать». Или просто пожимала плечами.

Было ясно: артистка не желает говорить полную правду. И Демин решил прекратить эту бесперспективную карусель.

— Ладно,— сказал полковник,— видимо, о портсигаре нам следует расспросить его хозяина...

Булавина подняла настороженный взгляд.

— Ваш муж дома? — спросил Демин, делая вид, что не замечает ее беспокойства.

— Он сейчас в театре.

— Очень хорошо. Допрос пока прерывается. До свидания.

— До свидания...— растерянно проговорила Булавина.

Когда дверь закрылась за артисткой, Маясов спросил:
— А не рано вы ее отпустили?
— В самый раз,— уверенно сказал Демин.
— Сама дозреет?
— Вполне возможно...— Полковник вставил сигарету в янтарный мундштучок.— Теперь у нее в голове сильнейшая сумятица. Но она ни за что на свете не допустит, чтобы эту историю узнал ее муж.

29

Ирине было нестерпимо обидно. Почему она должна страдать, таиться, фальшивить? Она давно уже не знает ни минуты покоя. День и ночь настороже. Стала рассеянной, и уже не одно замечание от режиссера получила из-за этого. Сколько ей пришлось пережить, переплакать втихомолку. Но кому она может открыться?

Стоит лишь заикнуться, кем оказался ее отец, и все полетит кувырком. Ее сразу же уволят из театра. Знакомые отшатнутся, станут обходить стороной. Окончательно развалится семья. И она останется одна, с беспомощным сыном на руках, без средств к существованию...

Конечно, времена изменились, это всякий знает. Однако где гарантия, что лично ей ничего не будет, что ее не тронут, пощадят, оставят в покое?..

«А что, если пощадят? — вдруг спросила себя Ирина.— Если во всем откровенно признаться, могут ведь и пощадить?..» Но она тут же отогнала эту мысль. Нет. Что угодно, любая ложь, но только не быть растоптанной!..

Сцепив на коленях пальцы, Ирина стала вспоминать, как и с чего началась эта измучившая ее до предела история.

...Летом сорок шестого года, в жаркий полдень, они с матерью и отчимом шли по пыльной Болотной улице. И там, возле дома с тесовым заборчиком, повстречали Рубцова. Когда отчим ушел в парикмахерскую, они втроем присели на теплую от солнца скамеечку у забора, и мать сказала Ирине, что Арсений Павлович до войны был товарищем ее отца.

— Почему же до войны? — заулыбался Рубцов.— И в войну вместе горе хлебали.

— Простите,— сказала мать и тут же попросила его рассказать об всем, что ему было известно об Александре Букрееве.

Рубцов стал рассказывать, от волнения беспрестанно поправлял закатанные рукава гимнастерки на загорелых жилистых руках. Он хотел закурить — вынул из кармана портсигар, достал из него папиросу. И тут увидел глаза матери, смотревшие на этот портсигар. Арсений Павлович смутился.

— Да, да, это Сашин портсигар...— сказал он.— Однажды, уходя в разведку, мы решили обменяться чем-нибудь на память...— Рубцов помедлил.— Но теперь, Валентина Петровна, эта вещь по праву должна перейти к вам...

Булавина подержала портсигар в ладонях, потом молча передала дочери. Ирина попыталась его открыть, но не смогла.

— Он с секретом,— сказала ей мать.— Надо нажать на орлиный глаз.

Положив портсигар на колени, Ирина изо всей силы надавила пальцем на черное зернышко орлиного глаза. Послышался четкий щелчок. Раскрыв портсигар, как книгу, девочка увидела на золотистой внутренней стороне крышки тонкую паутинку гравировки вокруг букв «АБ»...

Мать взяла у девочки портсигар и протянула его Рубцову. Но Арсений Павлович протестующе поднял руки.

— Нет, нет,— строго сказала Валентина Петровна.— Саша подарил портсигар вам, и вам он должен принадлежать. Как память о нем.

— Память о нем — самое дорогое для меня,— промолвил Рубцов и, нагнувшись, признательно поцеловал Булавиной руку...

Так Ирина впервые узнала о существовании отцовского портсигара. Тогда, в сорок шестом году, она, разумеется, и не предполагала, что эта красивая серебряная коробка еще сыграет в ее жизни какую-то роль. Она попросту забыла о ней. Однако через пятнадцать лет отцовский портсигар снова попал к ней в руки. Его отдал ей все тот же Рубцов, когда она пришла к нему за советом после того, как получила от отца перепугавшие ее письма. Возмущенный до глубины души, Арсений Павлович бросил на стол злосчастный портсигар и заставил Ирину взять его, сказав, что не хочет хранить память о предателе...

Ирина встала со скамейки и пошла по аллее, ведущей с бульвара на улицу.

Подходя к своему дому, она замедлила шаг. А потом и вовсе остановилась. Здесь на углу, возле магазина, прижавшись друг к другу стеклянными боками, стояли три телефонные будки.

Ирина раскрыла сумочку и стала искать двухкопеечную монету. Она искала долго, медленно — оттягивала время, напряженно думала: позвонить — попросить совета, или не делать этого, потому что, быть может, совсем с другого конца надо начинать?

И все же наконец решилась. Вошла в будку, плотно притворила дверь. Номер она знает на память: 2-37-35. Палец потянул диск вправо и вниз: один раз, второй, третий, четвертый... И вдруг нерешительно замер на последней цифре «5». Как будто его приморозило... Прошло, наверное, не меньше минуты. Рука, застывшая на диске, делалась все тяжелей. И тут Ирине показалось, что она услышала произнесенную вслух собственную мысль: «А что, если все-таки пощадят?..»

Рука сорвалась с телефона. Ирина повесила трубку, привалилась затылком к стеклянной стенке...

30

В пятом часу вечера Маясову позвонил лейтенант Зубков.

— Артистка пришла домой,— торопливо доложил он.— Прошу записать номер, по которому она пыталась с кем-то связаться по телефону.

— Почему «пыталась»?— не понял Маясов.

Зубков коротко рассказал, как вела себя Булавина в телефонной будке. И опять попросил скорее записать номер. Видимо, времени для обстоятельного доклада у него не было.

Маясов записал цифры и сказал:
— Это же неполный номер?
— Последнюю цифру, товарищ майор, точно установить не удалось.
— Продолжайте наблюдение...

Маясов вызвал капитана Дубравина и приказал выяснить номер абонента, которому хотела звонить Булавина.

Дубравин ушел, а Маясов опять стал ждать. Ровно в пять вернулся из столовой Демин. Они просидели вдвоем до девяти. И все напрасно. Артистка не возвращалась. Кажется, их предположения оказались слишком оптимистичными...

Не пришла Булавина и на другой день.

И на третий, в субботу, она тоже не явилась... Впрочем, в субботу о ней почти не вспоминали. Потому что с утра произошли два события, которые не могли не взволновать всех, кто работал по делу Савелова, и особенно самого Маясова.

В половине десятого позвонил начальник уголовного розыска Шестаков. Он сообщил, что прошедшей ночью удалось арестовать Петьку Косача.

— Если есть время, приезжайте,— пригласил подполковник.

Демин сказал, что поедет в милицию сам. Маясову оставалось лишь молчаливо согласиться. Как ни хотелось ему поговорить с этим вором, поехать на допрос он не мог: его уже ждал Дубравин.

Сразу же, как только Демин уехал, Маясов пригласил капитана к себе.

— Работу мы закончили,— доложил Дубравин.— Результат получился, я бы сказал, несколько неожиданный...

— Ну, ну!

— Удалось установить, что из всего списка вероятных абонентов Булавина знакома лишь с одним.

— С кем?
— Это наш старый знакомый...
— Давайте без загадок,— нетерпеливо сказал Маясов.
— Рубцов Арсений Павлович.
— Какой Рубцов?.. Фотограф?
— Да, тот, что сообщил нам весной о Никольчуке...

Когда вернулся Демин, настала его очередь удивляться.

— Это тот самый Рубцов?..— переспросил он.— Действительно интересное совпадение... Это надо немедленно проверить!

31

Оправдавшиеся прогнозы не могут не вселять в человека гордость за свое умение предвидеть.

Однако Маясов не ощущал ничего подобного. Наоборот, ему казалось, будто он потерял что-то. Это странное ощущение не покидало его с той самой минуты, как Демин рассказал о допросе Петьки Косача. После этого допроса уже ни у кого не могло остаться сомнения, что Савелов в ограблении Дома культуры не участвовал и вообще не имел никакого отношения к воровской братии. Таким образом само собой снималось подозрение в убийстве его соучастниками-грабителями. А предположение Маясова, что это убийство, видимо, имеет какое-то отношение к кленовоярскому делу, кажется, начинало оправдываться...

Какое же место в преступной шпионской цепи, первым звеном которой был Никольчук, мог занимать Савелов? — спрашивал себя Маясов. И тут же вместо ответа на вопрос задал себе другой: но почему Савелов обязательно должен занимать место в этой цепи? Отчего, скажем, не предположить обыкновенного стечения обстоятельств? Если бы так! К сожалению, дело, по-видимому, обстоит хуже. Значительно хуже...

Эти сомнения разъедали когда-то прочную веру в собственную правоту, как кислота разъедает металл. И Маясову временами казалось, что сомнения вот-вот одолеют его, заставят капитулировать — признать, что он как оперативный работник оказался не на высоте, допустил непоправимую ошибку в оценке личности погибшего парня.

Становилось ясно, что без артистки им клубка быстро не распутать.

Маясов уже собирался отдать приказ, чтобы Ирину Булавину пригласили в Ченский отдел КГБ, но повестку писать не пришлось. Булавина пришла сама.

Это произошло в понедельник, в десятом часу утра. Маясов вышел из-за стола, поздоровался с ней за руку, подвинул ей стул.

— Одну минуту, Ирина Александровна...— Майор позвонил по телефону Демину — тот сидел у Дубравина,— сообщил о приходе гостьи.

Ожидая полковника, Маясов завел речь о ближайших театральных премьерах, о последних ролях Булавиной. Она отвечала рассеянно, односложно. За прошедшие четверо суток ее будто подменили: лицо осунулось, под глазами лежали тени.

Когда наконец пришел Демин, Маясов сказал:

— Что ж, Ирина Александровна, расскажите, с чем пожаловали...

У нее был такой вид, что она вот-вот заплачет. Маясов подал ей воды.

— Благодарю.— Булавина отпила глоток, вздохнула.— Я пришла, чтобы сказать вам всю правду об этом портсигаре...

32

В большом светлом кабинете генерала Винокурова были раскрыты все окна. Не переставая, мягко жужжали два настольных вентилятора в никелированных решетках. И все равно было жарко, душно...

Прилетевшие из Ченска Демин и Маясов молчаливо ожидали генеральского «да» или «нет» своему замыслу, венчавшему трудную многомесячную работу.

Винокуров читал их доклад... Протянув руку к деревянному стакану, он вынул красный карандаш и поставил им жирный восклицательный знак на полях. Маясов увидел, что это было то место, где подводились итоги второго допроса Булавиной...

Ему припомнился разговор с Деминым после этого допроса.

— Как хотите,— сказал тогда полковник,— а что-то не нравится мне эта возня Рубцова с букреевским портсигаром... В самом деле, смотрите, что происходит: встревоженная тайными письмами отца, Булавина решается открыться его старому товарищу. Она приходит к нему за утешением и советом. И ничего этого не находит. Наоборот, друг семьи безжалостно растравляет ее рану. Да еще швыряет ей портсигар отца... Это ультрапатриотическое негодование можно было бы понять, если бы Рубцов впервые услышал, кем оказался его бывший друг. Но ведь о предательстве Букреева он, выходит, знал и раньше. Об этом он сам рассказал Булавиной. Так почему же девятнадцать — двадцать лет он преспокойно носил портсигар в своем кармане, носил и не возмущался, не выбросил его на помойку? А стоило ему увидеть букреевские письма, как он вдруг вознегодовал: эта вещь, видите ли, жжет ему руки!

Демин внезапно умолк, потом сказал:

— Надо попытаться разыскать материалы о довоенной жизни Букреева. И все, что касается его службы в Красной Армии.

Первый «заход» по архивам мало прибавил к тому, что уже было известно о Букрееве и Рубцове со слов Булавиной. Удалось узнать номер части, в которой служили Букреев и Рубцов, и фамилию ее командира. А дальше уже просто повезло: скоро стало известно, что этот бывший командир части живет в Москве, на Зубовском бульваре. К нему немедленно вылетел Дубравин.

Полковник в отставке Яблоков рассказал, что старший лейтенант Букреев, которого он помнил как ротного командира, был вместе с ним в лагере военнопленных вблизи поселка Борисина до тех пор, пока Яблокова не перевели в другой лагерь. Но суть не в том.

Осенью сорок первого года в Борисинском лагере находился и Рубцов — об этом он сам написал в анкете, когда устраивался на службу в ченское фотоателье. К тому же Яблоков, хотя и не помнил Рубцова, сказал, что все оставшиеся в живых люди его полка могли оказаться только в Борисинском лагере — самом ближнем от места последнего боя части.

Таким образом, выходило, что Букреев и Рубцов попали в плен в одно и то же время. Однако это никак не вязалось с версией Рубцова: Ирине Булавиной он рассказал, что Букреев переметнулся к немцам еще до того, как их часть попала в окружение.

Но зачем было Рубцову столь безбожно искажать факты? Не мог же он забыть, как на самом деле все произошло?..

Когда возникли эти вопросы, оказалось, что к ним сам по себе тяготеет еще один — его высказал Демин:

— Чем объяснить явно демонстративную возню Рубцова с букреевским портсигаром?

С этого момента, можно считать, в развитии кленовоярского дела начался новый этап. Занимаясь всесторонним изучением личности Рубцова, Маясов пришел к переоценке некоторых фактов из биографии этого скромного служащего фотоателье. И прежде всего одного его поступка, который чекистами до этого квалифицировался не иначе, как патриотический. В высшей степени патриотический! Да по-другому и быть не могло: с помощью Рубцова удалось обезвредить агента американской разведки — Никольчука. За это Рубцов был удостоен тогда благодарности и награжден ценным подарком.

Теперь же, с получением новых данных, этот «патриотический поступок» впервые представился Маясову не с блестящей фасадной его стороны, а как бы с черного хода. Все, что было связано с заявлением Рубцова на Никольчука в органы госбезопасности, показалось уже в ином свете. «Сообщил или выдал?» — вот как стоял теперь вопрос...

Когда Маясов о своих предположениях рассказал Демину, тот понял все с полуслова и заметил:

— В делах, связанных с убийствами, работать по одной версии рискованно. Вы можете сказать, что и разбрасываться неразумно. Это, конечно, так. И все же целесообразнее действовать одновременно в нескольких направлениях...

Таких направлений было два. Первое составляло цепь Никольчук — Рубцов — Булавина — Савелов. Второе — Никольчук — Букреев — Бу-

лавина — Савелов. Главной считалась «рубцовская» версия.

...Генерал прочел доклад, закрыл папку, посмотрел на Демина, потом на Маясова.

— Что ж, интересно... Похоже, перед нами крупная фигура,— сказал Винокуров.— Здесь надо бить наверняка...

33

Вот и настал день свадьбы старшего брата Тюменцева — Николая. Долго оттягивали и переносили его, ждали, когда получат квартиру, но справлять свадьбу пришлось все-таки не у себя: слишком много набралось гостей.

Неожиданно выручил майор Маясов. Когда Петр Тюменцев рассказал ему о возникшем затруднении, майор договорился со своими знакомыми, у которых была четырехкомнатная квартира на Проспекте химиков, и они с удовольствием предоставили ее в распоряжение молодоженов.

В день свадьбы, ровно в пять, все приглашенные сидели за двумя длинными столами, составленными буквой «Т» в самой большой комнате.

Неразлучные друзья, Рубцов и Тюменцев, пристроились с краю стола, за которым сидели жених и невеста, откуда всех хорошо было видно. Арсений Павлович был без жены: она уехала в командировку. И все время весело намекал Петру, что сегодня никто не помешает им разгуляться: «Хочешь пей, хочешь пой, хочешь барыню пляши!..»

Когда выпили за здоровье молодых и начался общий шумный, бестолковый застольный разговор, Арсений Павлович, любопытный, как всегда, стал расспрашивать Тюменцева о тех, кого не знал за столом. Положив широкую ладонь ему на плечо, Петр охотно рассказывал обо всех по очереди:

— ...А вот тот, лобастый, в стильном костюмчике, тоже родня невесты — Аркадий. Хват парень! Работает в Москве, в Торговой палате, все время по заграницам ездит. Говорят, квартира у него — антикварный магазин...— Тюменцев понизил голос, подмигнул весело: — А рядом с ним Нинка сидит — видишь, крепенькая, как репка? Подруга невесты... Аркашка не столько из-за свадьбы, сколько из-за нее приехал. Только Нинка что-то все волынит. Или не любит его, или все по нашему Кольке, по жениху вот этому, сохнет... Кто их, девок, разберет!..— Тюменцев махнул рукой, наполнил коньяком рюмку Арсения Павловича.

— А себе? — спросил Рубцов.— Ты и так меньше меня выпил.

— Мне же режимить надо, Павлыч... «Первая перчатка области» — это на тарелочке не поднесут.

Рубцов вдруг брезгливо сморщил губы:

— Коньяк-то, братцы, горький!..

— Горько! Горько! — закричали вокруг.

Жених и невеста встали, смущенно поцеловались. Все шло своим чередом...

— Слушай, а кто это сидит вон там, черный, как грач? — шепотом спросил Арсений Павлович.— Что-то знакомая физия.

— Так это же Кузьмич... Бывший председатель Хребтовского колхоза.

— А, точно!.. За что же его вытряхнули?

— Сам попросился... Там теперь нужен председатель с агрономическим образованием,— почти сердито сказал Тюменцев.

Рубцов часто в последнее время вот так насмешничал. И вообще стал какой-то неуравновешенный: то веселый, то мрачный, нелюдимый. Причину таких зигзагов Петр связывал с недавней женитьбой Арсения Павловича: «Три года вдовствовал и, пожалуйте, влип! От этого, наверное, и выпивать стал чаще...» Впрочем, эти «капризы натуры», как называл их сам Рубцов, не мешали им дружить по-прежнему. Тюменцев великодушно прощал их Арсению Павловичу за его отходчивость: пошипит, пошипит и опять человеком станет...

Вот и сейчас, видя, что разговор неприятен другу, Рубцов мирно сказал:

— Ну, ладно, не хмурь свои пшеничные брови... Давай-ка по маленькой!

И Тюменцев сразу оттаял. Что ни говори, все-таки мировой он, простецкий мужик, Арсений Павлович...

Гулянье было в полном разгаре, когда к столу, где сидел Тюменцев, подошел улыбающийся Аркадий.

— А не пора ли, Петя, показать свое искусство?..

— Это можно,— сказал Тюменцев и пошел в сутолоке искать куда-то отлучившегося Рубцова.

Он нашел его в прихожей. На предложение Тюменцева «малость размяться» Арсений Павлович весело, по-пионерски отсалютовал:

— Всегда готов, Петруша! — И, слегка покачиваясь, зашагал вслед за Тюменцевым в комнату.

Там было шумно, поставили пластинку на радиолу, кто-то уже плясал, слышался дробный перестук каблуков по паркету... Выждав, когда плясавшая пара выдохлась и отступила в сторону, Рубцов с Тюменцевым перемигнулись, попросили поставить пластинку снова и, растолкав кольцо гостей, вышли в круг.

Они плясали недолго, не больше трех минут. Но уж это была пляска! За их ногами невозможно было уследить. Дребезжали стекла книжного шкафа, дрожал пол, и все вокруг били в ладоши. Волосы у плясунов растрепались, лица стали красными. Шел неистовый спор: кто кого?..

Этой сумасшедшей пляске научил Петра Арсений Павлович. Называлась она «Нашенская»: тот, кто переплясывал партнера, обычно выкрикивал: «Нашенская взяла!»

Сейчас эти слова прокричал Тюменцев: его приятель сдался — выбежал из круга прямо к раскрытому окну, плюхнулся на подоконник.

А через несколько минут тут уже образовался мужской кружок. Рубцов рассказывал веселые анекдоты. Москвич Аркадий, успевший порядком захмелеть, угощал всех настоящими гаванскими сигарами.

Арсений Павлович понюхал сигару с видом знатока и заметил:

— Такую курить не здесь, в толкучке, а где-нибудь в тишине, в мягком кресле, с кофейком...

— Есть тут такой уголок,— сказал Тюменцев. И тоже понюхал свою сигару.

В это время девушки налетели на мужскую компанию, начались танцы... Лавируя между парами, Тюменцев и Рубцов одни пошли в дальнюю комнату, отведенную для отдыха гостей.

Там никого не было. Через раскрытое окно падал тусклый свет уличного фонаря.

Рубцов устало опустился на диван. Достав перочинный ножик, крепким ногтем раскрыл миниатюрные ножницы, обрезал кончик сигары, закурил. Комната наполнилась душистым дымом.

— Для полного удовольствия действительно только чашки кофе не хватает,— сказал он, блаженно закрыв глаза.

— Попытаюсь организовать,— откликнулся Тюменцев и исчез за дверью.

Рубцов распустил галстук, вытянул ноги. Голова слегка кружилась, клонило в сон...

Должно быть, он задремал на несколько минут, потому что не помнил, как в комнате очутились Нина и Аркадий, о которых Тюменцев рассказывал за столом.

Освещенные светом фонаря, они сидели на подоконнике. Точнее, сидела она, а он, взлохмаченный, в расстегнутом пиджаке, стоял рядом и пьяно, горячо бормотал что-то о ее недальновидности.

Мысленно чертыхнувшись, что потревожили его покой, Рубцов собрался было встать и уйти. Но вставать не хотелось, глаза слипались сами собой. Лучше сидеть как сидел. Все равно здесь, за шифоньером, его в полумраке не видно.

А невнятное бормотание у окна продолжалось:

— Ты, Нинка, пойми: не могу я больше без тебя!.. Уверяю, не пожалеешь, если станешь моей женой...— Аркадий полез к девушке целоваться. Но она оттолкнула его:

— Здравствуйте!

Видимо, отпор разозлил незадачливого жениха.

— Можешь здорово просчитаться! — грубо сказал он.— Через десять дней еду в командировку в Берлин... И ты узнаешь, что имеешь дело с богатым человеком...

Нина громко засмеялась.

— Зря смеешься! — обиделся Аркадий.— Я, если хочешь знать, ждал этой командировки пятнадцать лет.— Он вытащил из кармана бумажник, а из него — какой-то листок, повертел, им перед лицом Нины.— Вот смотри!.. Впрочем, что мне бумажка, я все и так помню, разбуди хоть ночью — пожалуйста: Дрезденштрассе, дом пять, во дворе, под средней колонной...

Нина равнодушно спросила:

— И что же там, под этой твоей средней колонной?

— Драгоценностей на четыреста пятьдесят тысяч, вот что! — понизив голос, сказал Аркадий.

Нина захохотала.

— Это что же, наследство твоей тамбовской тетушки? Но почему оно оказалось в Берлине?

— Дура! — не выдержал Аркадий. И, убрав бумажник в карман, спокойно объяснил: — Один пленный немец, Герман,— пусть, как говорят, земля ему будет пухом,— за одну услугу рассказал мне, что эти драгоценности в свое время принадлежали крупному фашисту. Он попал в немилость к фюреру, ну и припрятал камешки. Герман сам их замуровывал...

Нина перестала смеяться. Они помолчали немного, потом она попросила у Аркадия заветную бумажку и, повернувшись к свету, прочитала вслух:

— Дрезденштрассе, пять, во дворе, под средней колонной...

34

Над Берлином стояла душная, сырая ночь. Улицы в этот поздний час были малолюдны, пустынны — можно свободно мчаться по ним, и это движение доставляло полковнику Лауту удовольствие: он всегда любил быструю езду...

Вспыхнул красный зрачок светофора. Полковник резко затормозил. Высунувшись из кабины, осмотрелся. Фридрихштрассе... Здесь начинался демократический сектор. Невидимая граница двух миров. Полковник еще не знал, что вскоре здесь поднимется стена, но торопился так, будто предчувствовал это.

Через минуту грузовик уже снова мчался, набирая скорость. По обеим сторонам от мостовой потянулись громады домов в светлой облицовке — новые постройки на месте послевоенных руин и пепелищ...

На перекрестке Лаут крутнул руль вправо. Грузовик свернул на неширокую безлюдную улицу с высокими каштанами вдоль тротуаров. Дрезденштрассе.

У трехэтажного дома со светящимся номером «5» Лаут притормозил машину и осторожно, стараясь не задеть бортами кирпичные стены, въехал под невысокую, узкую арку. Во дворе с разбитым посредине цветником, окаймленным асфальтовой дорожкой, было пустынно. В центре цветника, как бы вырастая из клумбы, стоял фонарь. Его желтоватый свет бликами отражался в лужицах, образовавшихся в неровностях асфальта.

Лаут вылез из кабины, тихо прикрыл дверцу.

— Приехали,— сказал он, натягивая на голову капюшон черного плаща.

Из кузова выпрыгнули двое в таких же плащах, только мокрых и блестевших от дождя. Лаут что-то приказал им коротко и негромко. И они, открыв боковой и задний борта, сноровисто и бесшумно стали вытаскивать из грузовика деревянные щиты и расставлять их один возле другого.

Через несколько минут рабочий коридор был готов. Он замыкал пространство от чугунной крышки канализационного люка до средней из трех колонн, которые поддерживали портик террасы, ведущей из старинного особняка во двор.

Один из помощников Лаута бросился в конец «коридора» и, поддев железным крюком тяжелый чугунный диск, открыл темный спуск в канализационный колодец. Потом принес из машины и пристроил на внешней стороне углового щита железный трафарет: «Осторожно! Ремонт канализации».

Теперь как будто все готово, можно начинать. По команде Лаута его помощники подтащили к колонне инструменты. Ломом сняли асфальтовый слой, облегавший массивный цоколь. Под асфальтом грунт оказался сравнительно мягким. В дело пошли лопаты. Помощники сбросили плащи — копали в одних рубашках.

На первом этаже особняка, справа от террасы, вдруг ярко вспыхнул в окне электрический свет. Через несколько минут во двор вышел человек в пальто с поднятым воротником.

— Доброй ночи,— сказал он.— Как лицо официальное, хотел бы знать, чем товарищи намерены заниматься в нашем дворе?

— А вы что, не видите? — пробурчал Лаут, показывая, что не намерен вступать в подробные объяснения.

— На производство канализационных работ необходимо разрешение городских властей,— сказал человек в пальто, поглаживая пальцами седые усы.

Лаут вынул из кармана бумажку, молча протянул усатому. Разрешение на производство ремонтных работ было хотя и липовое, но исполненное на подлинном, неподдельном бланке и с настоящей печатью соответствующего отдела городских властей демократического Берлина.

Возвратив Лауту бумажку, старик развел руками:

— Извините, долг службы...— И медленно побрел к подъезду.

Проводив его взглядом, Лаут подошел к работавшим у колонны парням, нетерпеливо спросил:

— Ну как?

— Пока ничего похожего,— ответил голос из ямы.— Попробуем еще с полметра снять.

— Не с полметра, а столько, сколько понадобится! — сказал Лаут.

Он опустился на корточки у края ямы. Вынув карманный фонарь, направил белый луч на обнажившийся кирпичный фундамент колонны. Грунт вокруг кладки был вперемешку с крупным щебнем и кусками битого кирпича. И Лаут то и дело освещал эти камни и комья земли: ему начинало казаться, что под ними вот-вот откроется заветный ящичек, или железная банка, или какая-то другая посудина, доверху наполненная изящными безделушками, каждая из которых стоит кучу бумажных денег.

Парни копали, не разгибая спины. Теперь Лаут следил за каждым движением их лопат: он опасался, что вместе с землей они выбросят и сам драгоценный клад. Наконец снизу донеслось:

— Стоп! Кажется, докопались...

Лаут отрывисто приказал:

— Наверх!..

И как только они, тяжело дыша от усталости, вскарабкались на земляную насыпь, он спрыгнул вниз, на их место.

То, что Лаут затем увидел под лучом своего фонаря, заставило его выругаться сквозь зубы. С минуту он стоял неподвижно. В фундаменте была небольшая ниша — в объем вынутого из кладки кирпича. Именно вынутого, а не случайно выпавшего: ровные, гладкие внутренние стенки ниши, следы аккуратной наружной заделки — все говорило, что это — дело рук человеческих. Драгоценности могли быть замурованы только здесь. Но их уже нет. Кто-то сумел опередить...

Через два дня после ночной поездки Лаута в Восточный Берлин Маясов прилетел в областной центр: его срочно вызвал Винокуров.

Как только он появился в кабинете и закрыл за собой дверь, генерал сказал весело:

— Есть интересные новости!.. Наши друзья из ГДР сообщили, что позавчера дом номер пять на Дрезденштрассе посетили американские гости...— Генерал вынул из папки несколько фотоснимков.— Вот, полюбуйтесь: ночную операцию возглавлял сам шеф русского филиала полковник Лаут...

Когда Маясов, просмотрев снимки, положил их на стол, Винокуров сказал:

— С Рубцова теперь глаз не спускать! Используйте, Владимир Петрович, все средства...

Окончание следует.

ТРАГЕДИЯ в СИЦИЛИИ

Тяжелейшая катастрофа постигла жителей острова Сицилия. Землетрясение, самое сильное после мессинского в 1908 году, превратило в руины города и деревни. Без крыши над головой остались тысячи и тысячи людей. Число установленных жертв буйства природы перевалило за пятьсот.

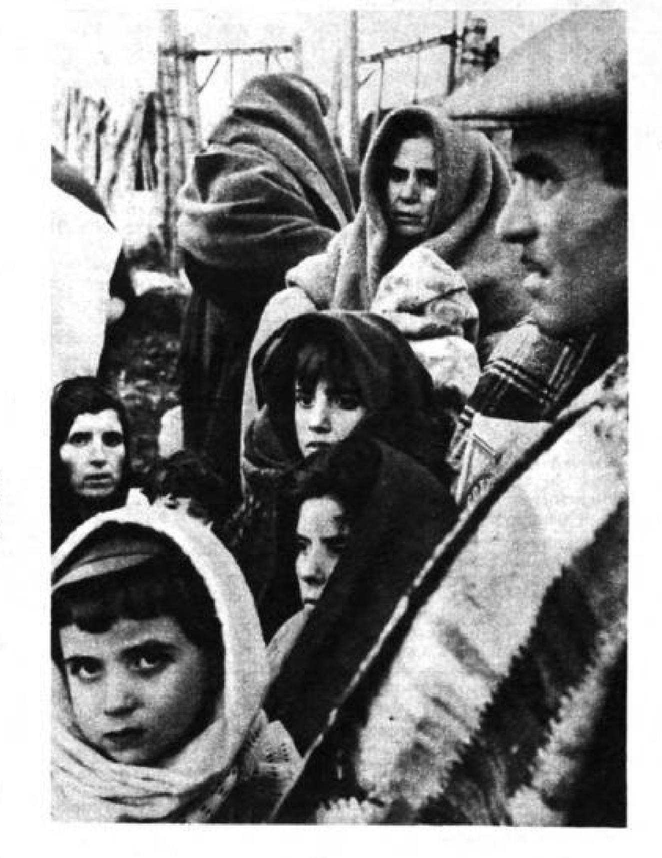
Вся Италия пришла на помощь пострадавшим от землетрясения. Итальянское правительство ассигновало крупные суммы, чтобы облегчить положение сицилийцев. Демократические организации страны развертывают широкую кампанию помощи. Через газету итальянских коммунистов — «Униту» — собраны миллионы лир. Жертвы землетрясения получили поддержку и из-за границы. С московского аэродрома стартовали самолеты, на которых для сицилийцев отправлены медикаменты, лекарства, продовольствие, одеяла, палатки. В распределении советской помощи принимают участие итальянские профсоюзы и кооперативы.

▲ Так выглядел сицилийский городок Джибеллина после катастрофы.

◀ На улице маленького сицилийского городка — гробы.

▶ Деревня Монтеваго перестала существовать. Жители ждут, когда придут машины.

◀ Картину спасли...

Советские самолеты через несколько минут отправятся в Италию. ▼

Фото ЮПИ, ТАСС.

СЧАСТЛИВОЙ ВАМ ЛЫЖНИ!

В. ВИКТОРОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

До Карпат быстро не доберешься, и у меня было время вспомнить свои прошлые встречи с лучшими гонщиками. На трех Белых олимпиадах и на трех чемпионатах мира довелось мне наблюдать борьбу наших лыжников со скандинавскими корифеями, которые привыкли по-семейному, между собой, делить все призовые медали. Этот яркий спор без увертюр и прологов начался прямо с ошеломляющих побед. Сперва архангельский паренек Владимир Кузин привез с чемпионата мира 1954 года сразу две золотые медали и титул «Короля лыж», затем два года спустя на зимних Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо Федор Терентьев, Павел Колчин, Николай Аникин и Владимир Кузин стали чемпионами в эстафетном беге. А потом вопреки всякой логике с каждой новой встречей результаты наших лыжников стали ухудшаться и ухудшаться.

Казалось бы, чем больше опыта, чем выше мастерство, тем значительнее должны быть успехи. Но на снегу все выходило наоборот. Золотые медали сперва превратились в серебряные, затем — в бронзовые, а на чемпионате мира 1966 года в Осло советские гонщики не смогли завоевать вообще ни одного призового места.

Да, это была поистине невеселая лыжня, и тренеры команды СССР, уже знакомые нам чемпионы Белой олимпиады Николай Аникин и Павел Колчин, а также один из лучших в свое время гонщиков, Виктор Баранов, оказались в очень трудном положении. У них оставалось всего лишь полтора года, чтобы раскрыть причины неудач и подготовить свою команду к новым встречам с лучшими лыжниками мира на X Олимпийских играх во французских Альпах, в окрестностях города Гренобля.

Но при чем же здесь Карпаты? — спросит иной читатель. Ведь от Ворохты до Отрана, маленького альпийского городка,— дистанция огромного размера. Дело в том, что в Карпатах условия гонок очень схожи с теми, что ждут гонщиков в Альпах. Поэтому в Ворохте и было назначено свидание лучших мастеров лыжни и в первую очередь тех, кто претендовал на места в сборной олимпийской команде СССР. А таких мест всего 25. (Только восемь гонщиков, 6 гонщиц, 6 биатлонистов и 5 двоеборцев могли получить билеты в Гренобль.) Поэтому мужчинам в гонке на 30 километров предстояло разыграть не только три призовые медали чемпионата страны, но и восемь гренобльских путевок. Поэтому в новые для себя места пришлось поехать спортсменам, а организаторам соревнований пожертвовать зрителями, которым, конечно, трудно было добраться до старта, расположенного в 1 200 километрах от Москвы, на высоте 1 100 метров над уровнем моря. Но нас, журналистов, не испугали крутые склоны Карпат. Уж очень хотелось заранее взвесить наши шансы, удостовериться в том, что лыжники не теряли зря времени, готовясь к олимпиаде...

И вот снова перед нами трудная горная лыжня, так похожая на дистанции гонок в итальянских и австрийских Альпах, в горах Сьерра Невады, в польских Татрах, на холмах Лахти и Хольменколена. По склонам, заросшим лесом, уходит лыжня вверх, стремительно низвергается вниз. Да, она все та же, ну, а ее хозяева? Нет, про них не скажешь, что они те же. Среди них большинство знает об Инсбруке и Осло только понаслышке.

Тренер олимпийской сборной Николай Петрович Аникин одним из первых называет нам Владимира Воронкова, о котором мы услышали лишь нынешней зимой. В Осло он просидел на скамье запасных, а нынешней зимой стал победителем сильнейших скандинавских гонщиков, в том числе двукратного чемпиона мира норвежца Йермунда Эггена, на соревнованиях в Швеции. Конечно, товарищеские соревнования никак нельзя сравнить с предстоящей ему борьбой на олимпийской лыжне. И это прекрасно понимает сам Воронков, но он, бесспорно, является сейчас одним из сильнейших спринтеров мира, и, если дебютант не растеряется в Отране, мы услышим о нем.

Воронков сделал заявку на олимпийскую победу только нынешней зимой, а его близкий друг, с которым молодой гонщик вместе тренируется,— Анатолий Акентьев добился самой своей большой победы еще прошлой зимой. Акентьев стал победителем на знаменитых хольменколенских соревнованиях на дистанции пятнадцать километров.

Двадцатишестилетний Акентьев находится сейчас в расцвете своих сил и обладает достаточным боевым опытом. Он так же, как и его товарищи по сборной команде Вячеслав Веденин и Анатолий Наседкин, получил крещение на первенстве мира в Осло. Тогда никто из этой, ныне ведущей тройки не блеснул особыми результатами. Акентьев был пятым в гонке на тридцать километров, Наседкин — восьмым, а Веденин, хотя и лидировал, закончил гонку на 50 километров шестым. Но два года, прошедших после лыжного международного дебюта, Акентьев, Веденин и Наседкин использовали отлично. Теперь они впервые выйдут на старт олимпийских гонок.

Но есть в олимпийской команде и такие лыжники, которые лишь в Гренобле получат свое боевое крещение. Федор Симашов и Владимир Долганов только нынешней зимой заявили о себе как многообещающие лыжники. Долганову двадцать один год. Это самый молодой член сборной команды. Но до чего же могуч этот сибирский юноша! А Федор Симашов вообще будет сюрпризом для скандинавских асов. Его лучшим достижением было сначала пятое место в гонке на тридцать километров в Ворохте, а через два дня — победа на дистанции 15 километров. И это было, пожалуй, самой крупной сенсацией карпатских соревнований.

Впрочем, так ли это? Разве кто-нибудь ожидал победы Валерия Тараканова в гонке на 30 километров? Этот способный лыжник, земляк Павла Колчина (они кончали одну и ту же школу под Ярославлем), до сих пор не отличался особыми успехами. Самым лучшим его результатом до карпатских стартов было третье место на международных соревнованиях 1965 года в Кавголово. И вдруг Тараканов первый! Тараканов — чемпион СССР!

Эта отборочная гонка в Ворохте преподнесла нам еще один сюрприз, увы, на сей раз печальный. Иван Утробин, казалось бы, абсолютно верный кандидат на место в олимпийской команде, капитан этой команды, самый опытный и еще полный сил, несмотря на свои тридцать четыре года, не попал даже в первую дюжину гонщиков. После этого лишь один участник инсбрукской олимпиады остался в составе участников олимпиады гренобльской — Игорь Ворончихин. Он на четыре года моложе Утробина, но послужной список его велик. Ворончихин в Инсбруке имел лучшие результаты в команде — две бронзовые медали, завоеванные им на дистанциях 30 километров и в эстафете. И в Ворохте Ворончихин оказался третьим в гонке на 30 километров.

Ну, а наши соперники? Каковы их возможности? Что скрывать, скандинавы тоже не теряли времени даром после чемпионата мира в Осло. За эти два года норвежцы, добившиеся на этом чемпионате выдающихся успехов, не утратили своего лидерства. Сейчас первым номером у них идет Одд Мартинссон, победитель предолимпийских соревнований в Гренобле на дистанции 15 километров. Это, бесспорно, один из сильнейших спринтеров мира, главный соперник Воронкова и Акентьева. Следует ждать высоких результатов и от Йермунда Эггена. Спад в его выступлениях, бесспорно, был намечен заранее, чтобы сохранить свежесть к Белой олимпиаде. Отлично ходит ветеран Х. Грёнинген. И появился способный молодой гонщик Пол Тилдум.

Да, норвежцы будут в Гренобле угрозой номер один для наших гонщиков (и, отметим попутно, для биатлонистов), но и шведские лыжники имеют все основания бороться за золотые медали. Гунар Ларсон, Бьярне Андерссон, Асар Рённлунд, Ян Стефанссон, Ингвар Сандстрем отлично подготовлены к борьбе.

Не очень блистали в последнее время финские лыжники. Но, как известно, они умеют быть на высоте в самый важный момент. Во всяком случае, чемпион мира 1966 года Эро Мянтюранта, а также победитель фалунской гонки на 30 километров Калеви Лаурила, бесспорно, будут в Гренобле самыми грозными соперниками.

Шесть лет тому назад, на чемпионате мира в Закопане, всех нас поразили итальянские лыжники, ученики шведского тренера Бента Нильсона. Тогда они на равных боролись и со скандинавскими и с нашими гонщиками. Теперь Нильсон заявил в печати, что собирается сделать в Гренобле шаг от бронзовых к серебряным медалям.

Нелегко придется нашим гонщикам в Гренобле. Учитывая это, тренеры сборной, готовя команду к олимпиаде, значительно увеличили объем летней подготовки и, пользуясь помощью эстонского преподавателя Ханса Гросса, усовершенствовавшего технику двухшажного попеременного хода, достигли значительных результатов и на снегу. Наконец, тренеры сборной попытались ликвидировать один из самых серьезных своих просчетов, допущенных на Белой олимпиаде в Инсбруке и на чемпионате мира в Осло. Тогда их питомцы не сумели сохранить свежесть к решающим стартам, сейчас есть надежды, что на гренобльской лыжне советские лыжники будут полны сил.

Мы ограничили свой репортаж рассказом о гонщиках, хотя в Ворохте, как мы уже писали, боролись за гренобльские путевки вместе с мужчинами и наши замечательные лыжницы и двоеборцы (в программу этих интересных соревнований входит бег на 15 километров и прыжки с трамплина) и, как никогда, сильный отряд советских биатлонистов (бег на 20 километров со стрельбой на четырех рубежах и эстафета). Мы решились на это, потому что именно гонщики вызывали у нас за последние годы наибольшую тревогу и приносили самые большие огорчения.

Теперь Карпаты позади. Советские лыжники сейчас завершают свою подготовку к олимпиаде на французском снегу. Пожелаем же им счастливой лыжни в Гренобле!

ВОДНЫЙ МАРАФОН

Этот вид спорта родился недавно. Его авторы — четверо французских пловцов-спортсменов: Роже Бенуа, Боб Кретьен, Жан-Луи Гийемар и Жильбер Морель. Прошедшей осенью они совершили путешествие по Роне до впадения в Женевское озеро, проплыв 170 километров через пороги и водопады. Все путешествие заняло семь дней. Каждый из пловцов толкал перед собой завернутый в непромокаемый мешок нехитрый багаж. Спортсмены хорошо экипировались. Непромокаемый костюм из каучука защищал их не только от холода, но и смягчал удары о камни.

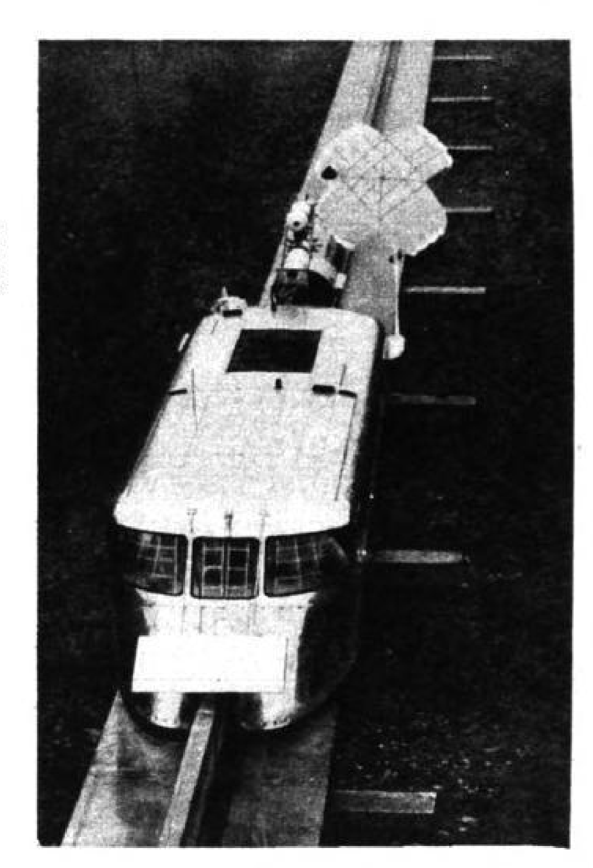

ВЕРХОМ НА ЧЕРЕПАХЕ

Щенок Жучи, живущий в одном австралийском зоопарке, любит кататься на спине черепахи Тине, которой восемьдесят пять лет.

В ВОЗДУХЕ ВЕТЕРАНЫ

На одном из аэродромов Англии состоялся смотр крылатых ветеранов. Несколько старых самолетов поднялось в воздух.

ПОЛК КОНТРАБАСИСТОВ

В американском штате Орегон состоялся концерт, в котором участвовало 700 контрабасистов. Среди музыкантов были две монахини, три профессора и четыре футболиста.

ТЕХНИКА РЫБАКА

Американец Вон Хилл считает, что ловить рыбу, сидя на берегу или в лодке, уже не модно. Он предлагает современный способ: рыбачить при помощи башенного крана.

АЭРОПОЕЗД

Во Франции были проведены испытания поезда, который парит на воздушной подушке над одним рельсом. Скорость его около 375 километров в час. Для торможения используется парашют.

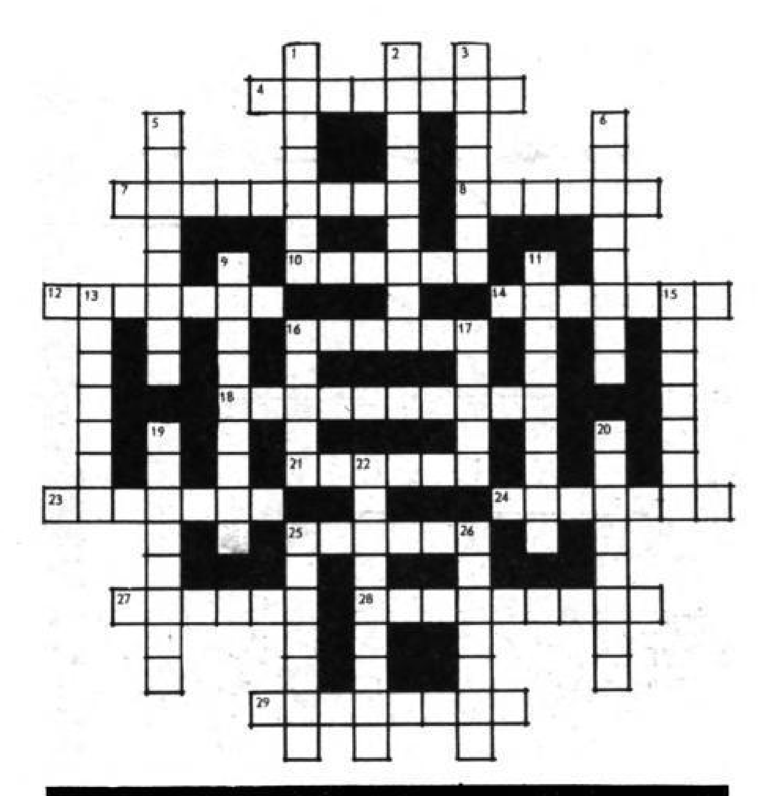

ТРОЙКА

Семилетний Марк, сын сторожа одного из заповедников Замбии, подружился с двумя маленькими слонятами. Животные сопровождают его повсюду и даже на рыбалку.

● ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ ● ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ ●

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Украинский поэт. 7. Помещение для чтения лекций, докладов. 8. Созвездие южного полушария неба. 10. Материк. 12. Артиллерийский снаряд. 14. Рамка с валиком для бумаги в пишущей машинке. 16. Тригонометрическая функция. 18. Курорт в Чечено-Ингушской АССР. 21. Раздел физики. 23. Вид графики. 24. Союзная республика. 25. Верхняя одежда. 27. Музыкальный интервал. 28. Ассистент боксера. 29. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение».

По вертикали:

1. Газета, выходившая в Москве в 1918—1931 годах. 2. Ягода. 3. Положение, принимаемое без доказательств. 5. Химический элемент. 6. Узор с ритмическим расположением элементов. 9. Единица давления. 11. Звездная система, в состав которой входит Солнце. 13. Комедия Н. В. Гоголя. 15. Откидной головной убор. 16. Игра с обручами. 17. Птица отряда рябков. 19. Краски, разводимые водой. 20. Костюм космонавта. 22. Город в Молдавской ССР. 25. Басня И. А. Крылова. 26. Азербайджанский писатель-демократ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

5. «Набег». 6. Палас. 9. Метеор. 10. Ефимов. 11. «Оплот». 14. Петит. 16. Лацис. 17. Ариетта. 19. Глухарь. 21. Вашка. 23. Яншин. 25. Калан. 27. Тычина. 28. Апогей. 29. Сепия. 30. Ливия.

По вертикали:

1. Качели. 2. Шевро. 3. Катет. 4. Палица. 7. Денеб. 8. Мобил. 12. Примула. 13. Острава. 15. Тайга. 16. Ладья. 18. Чарыш. 20. Шифер. 22. Крикет. 24. Ниобий. 25. Камин. 26. Налим.

На первой странице обложки: Сталинград. Знамя Победы над площадью Павших борцов (вверху). Так выглядел город 2 февраля 1943 года.

На последней странице обложки: Сталинград. Присяга бойцов перед боем.

Фото Г. Зельмы.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00341. Подписано к печати 23/I 1968 г.
Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 000 000 экз. Изд. № 142. Заказ № 66.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ГДЕ УЧАТСЯ КОНФЕРАНСЬЕ?

Этот вопрос читателя нас озадачил: а правда, где они учатся?!

Запросы, посланные нами в различные учебные ведомства, не внесли ясность в интересующую читателя, а теперь уже и нас проблему. Тогда мы решили пригласить в редакцию известного конферансье, обстоятельно ознакомиться с тем, что он делает на эстраде и как, а затем выяснить, где, когда, у кого, чему и как он учился.

Выбор пал на Бориса Брунова.

Первая половина замысла удалась на славу. Брунов приехал к нам в редакцию, да не один. С ним были молодые артисты Нина Бродская и Сергей Чистяков, музыкальный квартет и писатель М. Я. Грин. Борис Брунов читал фельетоны, исполнял очень меткие музыкальные пародии, играл на концертино, изображал сценки с участием множества персонажей, танцевал, пел, показывал фокусы... Все это он делал умело, профессионально, весело и непринужденно, с тем подлинным увлечением, без которого нет легкого жанра. А одна из наших зрительниц уверяла, что во Дворце спорта видела, как Брунов кувыркался вместе с акробатами и джигитовал с конной группой.

Так где же всему этому учатся конферансье?

— Мои университеты начались на арене цирка, — рассказывает Брунов. — Когда мне было 5 лет, родители, как это всегда водилось в цирковых семьях, вывели меня на манеж и научили всему тому, что умели сами.

В 1932 году в цирках страны большим успехом пользовался номер «Меткие стрелки». Публика замирала от волнения, глядя, как 10-летний мальчуган в тирольском костюмчике спокойно целился и стрелял в яблоко на голове матери. Сверстники с завистью неистово аплодировали юному Вильгельму Теллю. А он с той поры запомнил главную и непреложную сценическую истину, что стрелять на сцене надо только метко.

Но одно дело — понять и запомнить, а другое — претворить в жизнь. После четырех лет службы на флоте Брунов попал в самодеятельный краснофлотский ансамбль. Он повторял здесь запомнившиеся номера заезжих знаменитостей, делал то, чему научился в цирке, рассказывал анекдоты различной давности. Матросы смеялись, аплодировали, хвалили, называли вторым Гаркави, третьим Набатовым...

А как становятся первым? Не обязательно лучшим, но первым, то есть оригинальным, а не копией?

В Москву с Дальнего Востока Борис Брунов приехал с репертуаром обширным, но пошловатым и затасканным. Способному молодому актеру пришла на помощь Рина Васильевна Зеленая. Блестящая комедийная актриса, знающая все секреты эстрады, она, как скульптор, решительно отсекла все, что было за границей подлинного искусства.

Ну, а специфика жанра? Как постигалась она?..

...Что должен делать конферансье? Объявлять номера? Бесспорно! Объединять их? Конечно! Но это все служебная функция. А главная? Острить? Желательно. А о чем? И как? Времена салонного острословия, как и трактирного балагурства, миновали. Брунов сделал определяющей и направляющей в своем творчестве знаменитую формулу: «Утром — в газете, вечером — в куплете». Быть злободневным, говорить о том, что волнует зрителя сегодня, здесь, сейчас! Но для этого надо много знать, много видеть, да и этого мало, ведь он актер, но не писатель.

Они всегда вместе, с того самого памятного дня в октябре 1956 года, когда имя Брунова впервые было написано на афише Колонного зала. С тех пор все, что произносит с эстрады Брунов, всегда пишет М. Я. Грин. Вместе они ездят на декады, на стройки, в колхозы...

Завсегдатай телевизионных праздничных передач, желанный конферансье Дворца съездов, Колонного зала и других лучших концертных площадок столицы все чаще оставляет Москву, чтобы отправиться на Северный полюс, на строительство Волжской и Братской ГЭС, где выступает прямо на земле, у экскаватора, в сибирские колхозы и Целинный край... Казалось бы, при такой географии чего проще: подготовил одну программу — и «крути» ее каждый вечер! Зритель-то разный! Но любое выступление, будь оно на колхозном току, в лучшем концертном зале Лондона или на русской декаде в национальной республике, Брунов всегда начинает фельетоном Грина, посвященным сегодняшней встрече. А когда предстоят гастроли в национальных республиках или за рубежом, а их было немало, артист взял себе за правило вести программу на языке народа, который его слушает. И не просто вести, а конферировать... После одного из концертов в Лондоне Брунова, не дожидаясь переводчика, окружили корреспонденты. Вопросы следовали один за другим, но артист в ответ лишь приветливо улыбался. Это молчание потом по-разному трактовалось на страницах газет и в кулуарах; была масса догадок, кроме одной, самой простой — незнание языка, — но она для присутствующих на концерте была исключена. Такое произношение! Такая живость речи! Такая легкость в подаче текста...

Да, а где же всему этому научился конферансье?..

И. ВЕРШИНИНА

На Горьковском автомобильном заводе выпущена первая промышленная партия легковых автомашин «ГАЗ-24». Название нового автомобиля остается прежним — «Волга», но она выгодно отличается от своей предшественницы: элегантна, на 70 миллиметров короче и на 140 миллиметров ниже старой. В ее салоне свободно размещаются шесть человек. В кабине тепло. Мотор новой «Волги» имеет мощность 98 лошадиных сил. На сто километров расходуется 10—13 литров бензина.

Фото Н. Добровольского.

02-59 ГОБ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663